

Д. Буляков

ТАНЕЦ над ПРОПАСТЬЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Д. Буляков

ТАНЕЦ
над
ПРОПАСТЬЮ
Повести

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1985

С (Башк)
Б90

Художник *М. БУГАЙ*

Перевод с башкирского
Я м и л я М у с т а ф и н а

Б $\frac{4803010200-548}{M101(03)85}$ 430—85

© Предисловие Перевод на русский язык Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ

Прежде всего несколько слов об авторе этой книги.

Биография башкирского прозаика Дениса Булякова, родившегося незадолго до начала Великой Отечественной войны, мало чем отличается от биографии его сверстников. Отец погиб на фронте, и будущему писателю, как и тысячам мальчишек и девчонок послевоенной поры, пришлось рано познать цену заработанного своим трудом куска хлеба. Как и другие, он учился в школе, а когда подоспело время, ушел в армию, там же был принят в ряды партии. Потом снова учеба, журналистская работа... Таковы основные вехи его жизни.

«Душа обязана трудиться»,— сказал поэт. Работа ума, обретение жизненного опыта и все новых знаний, уверенности в своих силах — вот как надо понимать эти слова. Они приложимы к любому делу, ибо в основе всего лежат труд и знания. Надо ли доказывать, сколь много должен знать писатель! Без изучения жизни, без постоянной учебы у классиков ему не постичь секретов мастерства. И не удивительно, что и Денис Буляков, будучи уже работником газеты, автором целого ряда рассказов, решил поступить в Литературный институт в Москве. Так складывалась его духовная биография. Так он шел к своему читателю.

Первые рассказы и очерки Д. Булякова появились в печати лет двадцать тому назад. С тех пор он выпустил около десяти книг, стал лауреатом премии комсомола Башкирии.

О чем пишет Денис Буляков? Прежде всего о современной башкирской деревне, о жизни и труде своих земляков. Он объездил республику вдоль и поперек, хорошо ее знает. Добавим к этому любовь к природе родного края, чуткое отношение к людям, приметливость ко всему новому в облике села — и приоткроется перед нами тайна обаяния произведений писателя. Несколько книг рассказов, повести «Ущербная луна», «Первый день зимы», «Письмо из деревни» и другие принесли Д. Булякову заслуженную известность в республике.

Героями «взрослых» произведений Д. Булякова являются, как правило, молодые люди, стоящие у самых истоков своего жизненного призвания. Они отстаивают высокие моральные принципы, иногда ошибаются, но всякий раз находят в себе силы, чтобы признать свои заблуждения, нащупать верную дорогу.

Таковы и герои повестей, с которыми автор впервые выходит к юным читателям страны. И подошло время сказать, что Денис Буляков много пишет для детей, с которыми его связывает давняя дружба: ведь, кроме писательской работы, он еще и редактор башкирского журнала «Пионер».

Возможно, юный читатель, ни ты сам, ни твои товарищи не были участниками таких же в точности событий, о которых рассказывается в этой книге. Но что-то похожее, близкое к описанному в ней, наверняка припомнит чуть ли не каждый из вас. Ведь вы, как и Гюльнара и Явдат, учитесь в школе, есть среди вас ребята, которые кажутся поначалу трусами или лентяями, а на самом деле они вовсе не такие. Просто им не доставало настоящего дела, чтобы испытать свои возможности, показать себя с лучшей стороны.

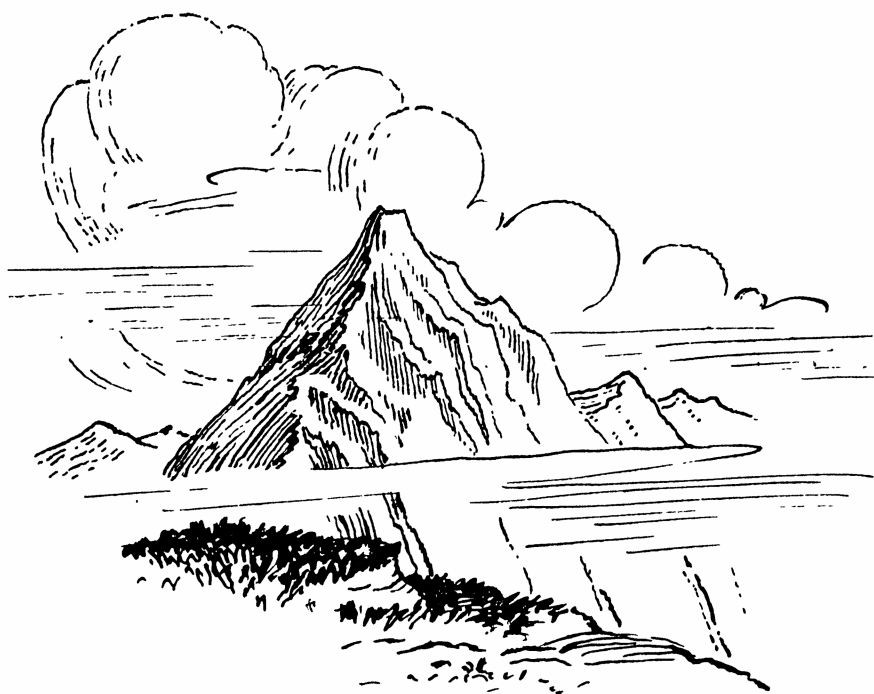
Бывает, конечно, и другое. Вот, например, в той же повести «Клены обновляют листву» есть такая девочка Танзиля. Что можно сказать о ней? Только то, что эта гордячка позорит доброе имя своих родителей, прикрывая их авторитетом собственную лень, душевную черствость и пустоту. Она не понимает, что заслуги отца не могут освободить ее от обязанностей перед коллективом. Нет, пока не трудится ее душа, пребывает в сонном самообольщении.

Или вспомним героев повести «Танец над пропастью». То, что с ними произошло, тоже не менее поучительно — и для них самих, и для читателя. Ведь вон каким смелым, находчивым и остроумным на первый взгляд кажется Рамзиль. И что же? Этот заносчивый мальчик возомнил себя лучшим среди ребят только потому, что у него есть подаренные отцом собственная надувная лодка, настоящее ружье, фотоаппарат. Вот он и подумал: обладание столь дорогими вещами, которых нет у других, ставит его в особые условия. В итоге же, когда ребята попали в беду, Рамзиль попросту трусил. А Хамит, которого он никак не хотел признать равным, показал себя настоящим другом. Будем надеяться, что такие, как Рамзиль, извлекут для себя урок из этой истории.

В книгу вошла небольшая часть из написанных и опубликованных на башкирском языке детских повестей Дениса Булякова. Но, мне кажется, они дают представление и о тематическом диапазоне творчества писателя и, самое главное, о том, каким людям он отдает предпочтение, против чего борется и что отстаивает.

Ахияр Хакимов

ТАНЕЦ над ПРОПАСТЬЮ

В верховьях Агидели¹ последние недели июня шли ливневые дожди. Реки вышли из берегов, маленькие ручейки превратились в бурные потоки и сносили на своем пути небольшие мостики, подмывали берега, уносили копны сена... От воды взбухла земля, на сенокосных угодьях буйно зазеленела отава. Деревья, словно уставшие путники, остановившиеся на привал после дальней дороги, стояли отяжелевшие, сонные, глухо шелестя набухшими от воды листьями. В лесных дебрях трава вымахала по пояс и повалилась, закрыв землю изумрудными застывшими волнами. И чтобы пройти через такой толстый травяной ковер, надо было приложить немало усилий: ноги запутывались в длинных и цепких стеблях, и человеку приходилось с трудом освобождаться от них.

Это лето оказалось урожайным на ягоды. Предыдущие три года даже стойкая к непогоде черемуха и та не уродилась. Была засуха, и гусеницы, липкая тля жадно набрасывались на листья и за несколько дней превращали их в бесформенные кружева, которые вскоре желтели, сохли, как после пожара, и, не дожидаясь осени, опадали...

¹ Агидель — река Белая.

Но в это лето костяника, ежевика, напоминающая агатовые серьги, земляника, пунцово сверкающая из-под тяжелых листочков, уродились так обильно, что поражают взоры даже издававших виды людей. А урожай черной смородины так богат, что от ягод величиной с вишню ветки опустились до земли и заманчиво блестя черными глянцевыми боками.

Сюда, в верховья Агидели, люди забредают довольно редко — места эти далекие и дикие. На крутых изломах гор зеленеют густые темные леса. А над самыми мрачными и высокими скалами парят могучие орлы, высматривая с подоблачной высоты добычу. Над долинами и степными просторами господствуют гордые орлы, время от времени они камнем падают на свою жертву и затем снова взмывают в небесную синеву.

Временами на отдельные участки леса черной тучей налетает стая воронья, и от их скрипучего карканья в душу закрадывается тревога — значит, птицы высмотрели где-то пищу или ждут, пока закончит свое пиршество какой-нибудь хищник.

Всю ночь напролет заливаются соловьи, навевая на душу трепетно-радостные чувства. Небо темное, звезды яркие и перемигиваются, будто говорят друг другу, мол, послушай, как там на земле славно поют соловьи! Но с первыми лучами солнца соловьи умолкают, и их вскоре заменяет разноголосый хор других обитателей леса. После затяжных дождей не видно подолгу солнца, птицы щебечут не очень-то звонко и без обычного азарта. Поэтому сейчас в лесу грустновато и печально.

Иногда в этих местах на поляну выбегает волк. Осторожно, но не роняя своего достоинства, он приподнимает голову и принюхивается к запахам и, не почуяв ничего подозрительного, направляется в чащу, его тяжелый короткий хвост прижат к ногам.

Тут, зыряка по сторонам хитрыми глазками, почти касаясь острой мордочкой земли, может промелькнуть и Лиса Патрикеевна. Да и косоглазый заяц, подтверждая свою ветреность, пробежит осторожно — он прыгает легко и высоко, время от времени застывает серым пенечком, шустро водит по сторонам длинными ушами и часто-часто двигает раздвоенной губой, и поэтому кажется, что он насмехается над всей лесной братией. Зная за собой такую слабость, он, наверно, поэтому боится всех.

Щеголи олени, могучие лоси, быстроногие косули ходят почти рядом и не мешают друг другу. Их согласию могли бы позавидовать многие обитатели леса.

Когда туман начал рассеиваться и лучи солнца коснулись вершин деревьев, тяжело ступая, лениво, вразвалочку появился на поляне медведь и направился к берегу. А вообще-то, куда ему торопиться? Он уже досыта наелся ягод, разорил несколько муравейников, благо дождь загнал насекомых в их жилища, надышался ароматом трав, цветов, и вот теперь ему остается еще с наслаждением утолить жажду, а если повезет, то и половить рыбку. Медведь спокойно залез в реку и запустил когтистую лапу в воду — а вдруг и зацепится рыбина! Медведь чувствует себя здесь полным хозяином и никого не боится, ведь он главный в лесу. Поэтому-то он не оглядывается по сторонам, и понапрасну не ощеривает свои мощные желтые клыки, и не оглашает лес могучим ревом. Окуная лапы в мутные потоки воды, медведь добродушно урчит. Но по его холодным глазам видно, что он немного раздражен. Это оттого, что земля мокрая и за ночь он не нашел сухого места, негде было укрыться от проливного дождя — и длинная бурая шерсть насквозь мокрая. Но все равно сейчас медведь не столько зол, каким он бывает по весне, выйдя из берлоги после зимней спячки, когда хочется так есть, что даже в животе свербит...

Беличаявая Агидель разлилась в этот раз как никогда — местами даже берегов не видно, вспенилась, помутнела, играючи несет на своих волнах вывороченные деревья, бревна, стога сена... На перекатах ревет и зло бросает в водовороты бревна, топит деревья, катит по дну огромные булыжники... И кажется, что никакая сила не сможет противостоять разбушевавшейся реке.

Выше по течению утолял жажду лесной гигант — лось, по-местному — сохатый. Неожиданно кто-то вспугнул зверя, и он бросился в бурный поток, чувствуя, что спасение сейчас только в воде. Но под копытами не оказалось твердого дна, и лось, на миг замешкавшись, задрал горбоносую морду вверх и поплыл, с трудом преодолевая крутые волны. Его широкие рога сейчас очень походили на огромные листья клена, неизвестно почему плывущие вертикально. Наконец сохатый нащупал острыми копытами дно реки и с трудом выбрался на берег. Фыркнув громко, зверь отряхнулся, принялся и повел по сторонам чуткими ноздрями и только потом принялся срывать с осиновых веток сочные листья. И тут лучи солнца вырвались из-за низких туч и осветили мускулистый круп сохатого, на котором видна была рваная рана и алела кровь. Видно борясь с течением, зверь ударился о бревна или коряжины. Солнце так низко висело над деревьями, точно сохатый взмах-

нул рогами и взметнул светило к небу и повесил его там.

Природа будто только и дожидалась появления солнца — вмиг засвистели, зачирикали, запели, защелкали пернатые жители леса, откуда-то появились бабочки, особенно много было белых и небольших голубоватых. Они запорхали с цветка на цветок, белые закружили живую метель над лужицами. Гудя, словно в трубы, прилетели важные шмели, их бархатные черные кафтаны с желтой отделкой напоминали одежду богатых купцов. Блестя на солнце прозрачными крыльями, шелестя ими, как сухими листьями, носились над водой лупоглазые стрекозы. Разноцветными красками засверкали скальные глыбы. А темно-синие волны на перекате, только что казавшиеся такими грозными и мрачными, теперь заблестели, заискрились, засмеялись под лучами солнца тысячами волшебных радуг. И не верилось, что совсем недавно тут было так печально и холодно. И лось, оглянувшись на рассвеченную радугами реку, бодро направился в глубь леса... Зверь увидел, как из-за поворота реки вынырнула резиновая лодка кирпичного цвета. Лодка плохо управлялась, и несло ее, как большой поплавок. В лодке сидели двое — мальчик и девочка. Мальчику было лет четырнадцать, девочке лет тринадцать. Они что-то говорили друг другу, но из-за грохота реки ничего не слышали. Мальчик с трудом управлял лодкой — он изо всех сил греб маленькими алюминиевыми веслами и пытался выбраться из опасной стремнины. Однако все его старания были тщетными, он никак не мог прибиться к берегу. От напряжения у мальчика побелели пальцы, пот ручьем лился по шее, лицу, от усталости ныли плечи, затекли ноги... Девочка цепко ухватилась руками за округлые борта лодки и смотрела на мальчика, который уже не замечал ее, с ужасом глядел на крутые волны, бросающие лодчонку с гребня на гребень. Шумный поток реки нес резиновую лодку с двумя пассажирами на бурлящий перекат, где так красиво сияли над водой яркие радуги. Но девочка и мальчик не замечали эту красоту, они видели только белопенные брызги бурлящей реки и слышали грохот воды, разбивающейся о каменные выступы.

— Ой, утонем! Опрокинемся! — вдруг закричала девочка, в страхе закрыв глаза.

Этот крик вывел мальчика из оцепенения, в котором он находился с момента, как только увидел пороги. Он отчаянно заработал веслами, но сильный поток по-прежнему нес лодку на быстрину. И девочке, которой совсем недавно было холодно от утреннего тумана, сейчас стало жарко. Она стянула с головы капюшон нейлоновой розовой куртки, откинула его на

спину и стала жадно дышать, словно пробежала немало километров. На ветру затрепетали ее огненно-рыжие коротко стриженные волосы, черные тонкие брови изогнулись дугой над широко раскрытыми от испуга голубыми глазами.

Мальчик, который всю дорогу любовался девочкой, сейчас не замечал красивого лица ее. Ноздри прямого и аккуратного носика девочки нервно двигались, на белом крутом лбу появились тоненькие морщинки-ниточки, щеки порозовели, а полные губы обнажили жемчужно-белые ровные зубы.

Мальчик так устал работать веслами, что уже не мог шевельнуть ими, хотя руки лежали на веслах. И тут течение понесло лодку в сторону от шумного переката. Девочка и мальчик не верили, что они миновали опасное место. Они недоуменно смотрели друг на друга и снова не могли вымолвить ни слова. Мальчик, глупо улыбаясь, вперился взглядом в девочку и пытался убрать руки с весел. Но пальцы так онемели, что стали непокорными, не разжимались. Девочка заметила растерянность мальчика и сказала:

— Ничего, Рамзиль, пройдет. Это от усталости...

— А я нисколько и не устал,— гордо ответил мальчик и сплюнул в воду.— Это от нервного напряжения. Видела же, как пришлось мне лавировать между волнами...

Девочка слушала и не верила своим ушам, точно не она была свидетелем недавнего страха Рамзиля. «Может, мне показалось?» — засомневалась в себе девочка, глядя на самоуверенного мальчика. Лицо ее стало растерянным, и неловкая глупая улыбка скривила губы.

Рамзиль по-своему понял смущение девочки, он решил, что она покорена его смелостью.

— Ты, Мадí, не бойся: пока я рядом с тобой, ничего не случится,— еще более твердо сказал Рамзиль.

Девочка восприняла его слова как правду и даже не обиделась, что Рамзиль назвал ее не полным именем — Мадíна. Она уважительно, как будто видела впервые, оглядела его и искренне сказала:

— А ты, Рамзиль, и вправду смелый!..— и сама застыдилась своих слов.

Рамзиль снова легонько заработал веслами, небрежным движением головы откинул назад упавшие на лоб мокрые, слегка вьющиеся черные волосы, потом отложил весла и, глядя на свое отражение в воде, стал укладывать чуб. Мадина зачарованно глядела на своего спасителя. Рамзиль как ни в чем не бывало сунул руку в карман кожаной меховой куртки и достал горсть ирисок «Кис-кис».

— Хочешь? — протянул он ириски девочке, а сам стал вроде бы нехотя разворачивать обертки.

— У меня все еще голова кружится... Я перепугалась очень...

— Разве это перекаты? — набив рот конфетами, пренебрежительно проговорил Рамзиль. — Меня вот совсем не тошнит, и тебе нечего было бояться. Ведь я не впервой вижу такие перекаты! — расхвастался Рамзиль, совсем забыв, какой страх он перетерпел несколько минут назад.

Мадине и вправду было очень плохо, она почти не слышала Рамзиля. А мальчик же, думая, что его спутница молчит от восхищения его смелостью, продолжал говорить, как надо вести себя в лодке на таких опасных перекатах, как грести, как спастись, если лодка опрокинется... Его зеленоватые глаза горели, лучились, а рот от улыбки растягивался до ушей. Он запамätовал или не хотел вспоминать, каким он был жалким и растерянным, когда лодку несло на перекат и когда он забыл, как надо правильно работать веслами. Только счастливый случай вынес их лодку на тихую воду...

Мадина и Рамзиль учатся в одной школе, живут в одном городе. Даже дома их находятся рядышком. С малых лет они росли вместе, и потому, наверное, девочка часто прощает или не замечает не всегда достойные выходки Рамзиля. Уж больно она мягкосердечна, а мальчик это хорошо знает. Так, в одной лодке они оказались вместе тоже по этой причине.

К верховьям Агидели они прилетели на самолете. Мальчики и девочки под руководством учителя физкультуры Сабир Идрисовича занялись сколачиванием плота. А Рамзиль — находчивый мальчик, быстренько надул свою резиновую лодку, погрузил в нее свои вещи и пригласил сесть Мадину.

Заметив, как Рамзиль направляет лодку на середину реки, Сабир Идрисович замахал руками:

— Куда вы, куда? Рамзиль, нельзя!

Однако в ответ избалованный мальчик лишь улыбнулся.

— Не бойтесь, Сабир Идрисович, мы только лодку испытываем!..

Миновали мыс, а Рамзиль и не думал приставать к берегу, чтоб подождать плот. Потом начались рукава Агидели, и они совсем растерялись. Рамзиль хотя и делал вид, что знает, куда держать направление, чувствовал себя неуверенно. Спустя некоторое время резиновая лодка затерялась в многочисленных рукавах могучей реки...

И вот теперь они оказались где-то совсем в незнакомом месте: берега, заросшие густыми кустарниками, вдали возвы-

шаются мрачные горы. Такое чувство, что здесь никогда не ступала нога человека.

— Мне страшно, давай пристанем к берегу, — снова напомнила о себе девочка и уж в какой раз пожалела, что послушалась учителя.

— Чего бояться? До вечера еще далеко!

— Бедный Сабир Идрисович, наверно, не знает, что и думать про нас... Ведь предупреждал! Как мы ему посмотрим в глаза? Да и ребята небось волнуются... Нехорошо мы с тобой поступили.

— Ничего особенного! Подумаешь! Мы что, маленькие? Седьмой класс заканчиваем! Наоборот, ребята нам завидуют.

— Ой, Рамзиль, вон на берегу какой-то мальчик стоит! — воскликнула Мадина. — Он, кажется, нам машет рукой...

— Сначала я его сфотографирую, а потом подплывем к нему. Что ему нужно от нас? — Рамзиль достал фотоаппарат, прицелился и щелкнул. — Всё, для истории деревенская сова запечатлена!

— А зачем ты так его называешь? — обиделась девочка. — Он ничуть не хуже тебя.

— Не буквально, конечно, сова, — пошел на попятную Рамзиль.

Он не хотел сейчас спорить с Мадinou, хотя не в его характере было уступать в споре. Но Мадина, которая ему очень нравилась и которая так смело села в его лодку, была сейчас для него той девочкой, ради которой он мог поступиться своей привычкой. И еще ему хотелось выглядеть в ее глазах лучше. Может быть, после этого она обратит на него внимание и они подружатся.

— А он еще и в очках! Ха-ха! — не удержался Рамзиль, чтоб не съязвить.

— Ну и что? Разве у нас мало ребят в очках? — сказала Мадина.

— Так ведь то городские! — вырвалось у Рамзиля.

— Эх, какой же ты!..

Приблизившись к берегу, путешественники разглядели, что мальчик одет в теплый свитер, на голове — тубетейка. В руках он держал топор.

— Профессор, лес рубишь, что ли? — рассмеялся Рамзиль, когда лодка пристала к берегу, и шепнул Мадине: — Знаю я этих деревенских, сейчас ему что-нибудь от нас понадобится.

— Какой же ты!

— Эй, Робинзон, чего ты здесь один делаешь? — спросил Рамзиль.

— Да вот лодку у меня унесло течением, пока я ходил в лес... Может, подвезете? Мне тоже в ту сторону...— несмело ответил «профессор».

— Подумать надо...— Рамзиль хитро глянул на девочку — вот, мол, как надо разговор вести.— Зовут-то как?

— Хамит...

— Возьмем его,— шепнула Мадина.

«Она правильно говорит. Надо взять, место есть, он может пригодиться в дороге, имеет топор, если придется заночевать — дров приготовит, нас постережет»,— поразмыслил Рамзиль и стал пристально разглядывать «профессора».

Хамит был меньше ростом и намного худее. Он чувствовал себя неловко перед красивой девочкой и нарядным Рамзилем. А на Хамите неказистая одежонка: потрепанные кеды, простенькие брюки, заштопанный в локтях свитер. Правда, красивая девочка была одета не богато, хотя и ладненько.

Рамзиль выпрыгнул на берег и подчеркнуто вежливо подал руку Мадине.

— Я тебя беру... Мы возьмем,— поправился Рамзиль, бросив взгляд на Мадину, но девочка не обратила на него внимания. Она с любопытством разглядывала незнакомца.— Ты сядешь на весла, на берегу будешь разводить костер, ставить палатку, если понадобится...

— Ты не бойся, мы тоже будем работать! — вступила в разговор девочка, чувствуя себя очень неловко от слов Рамзиля.

— А я и не боюсь. Разве это работа — палатку ставить, костер развести? — И Хамит засмеялся, думая, что хозяин лодки просто решил разыграть его.

— Топором лодку не порежь,— предупредил Рамзиль.

Хамит снял тубетейку и аккуратно завернул лезвие топора, потом осторожно положил возле себя.

Когда лодка отчалила от берега, Рамзиль на правах хозяина спросил:

— Ну, рассказывай, откуда ты и что здесь делал? А я вот тебя увековечил.— Рамзиль похлопал по фотоаппарату.

— На яйлау¹ был.

— Забавно. Ты что, на лодке в горы поднялся? — поддел Рамзиль.

— Зачем на лодке? Сначала ехал с плотогонами, которые

¹ Яйлау — отгонное пастбище.

там лес валят, а оттуда и рукой подать до яйлау. Чтобы я быстрее вернулся домой, плотогоны дали мне свою лодку. Вот-то, видите, какая высокая, вот лодку мою и унесло...

— Одному-то ночью не страшно было в лесу? — спросила девочка.

— Страшно, конечно... Но раз надо...

— А медведи?

— Сейчас они сытые, на людей не нападают, но все равно надо быть начеку.

— А по мне они хоть сейчас пусть выходят! — расхвастался Рамзиль и показал, достав из-под брезента на дне лодки двуствольное ружье: — Вот!

— Откуда оно у тебя? — спросила девочка.

— У отца выпросил. Мало ли что в лесу!

Хамит взял ружье, похвалил его и сказал:

— Зря ты взял его с собой. В здешних местах запрещено стрелять...

— Почему? — удивился Рамзиль.

— Сейчас, во-первых, не охотничий сезон. Неужели не знаешь? А потом, тут заповедник, стрелять вообще нельзя.

— Даже в медведя, если он нападет? — спросил Рамзиль и скривил в ехидной улыбке полные губы.

— Даже в медведя.

— Мне страшно... — сказала Мадина.

— Да не бойся, никто на нас не нападет.

Мадина рассказала Хамиту, как они с Рамзилом очутились здесь и что теперь не знают, где найти плот.

— Конечно, вы неправильно поступили, — сказал Хамит. — Учитель, наверно, голову из-за вас потерял... Да и река, видите сами, какая бурная. Нехорошо.

— А ты чего это вдруг вздумал нас учить? — взъерепенился Рамзиль. — Его взяли, а он еще поучает! Не нравится — уходи!

— Рамзиль, как тебе не стыдно! Он же ничего не сказал такого, — заступилась Мадина.

Рамзиль с досады круто рванул рулевым веслом, лодка встала поперек течения реки, накренилась, захлестнулась волной.

— Ой! — вскрикнула девочка и вцепилась в плечо Рамзиля, который и сам-то перепугался не меньше.

— Сидите спокойно! — скомандовал Хамит и стал умело выправлять лодку.

В его руках маленькие весла были послушны. Глядя на его уверенные движения, сосредоточенное лицо, Мадина успо-

коилась и разжала пальцы, но лицо ее все еще было бледным.

— Руль держи тверже! — сказал Хамит Рамзилью.

Рамзиль хотел возразить, но стерпел и выполнил команду «профессора». Когда опасность миновала, Рамзиль осторожно переставил оранжевый рюкзак на сухое место, а Мадина стала вычерпывать кружкой из лодки воду.

— Ты раньше плавал на больших реках? — спросила девочка Хамита.

— На плотях приходилось, на лодках больших... Плотоны говорят, надо быть чутким на ухо.

— Как это чутким на ухо? — Ей было интересно все, что говорил Хамит.

— Не глухим значит! — сострил Рамзиль, ревнуя в душе Мадину к «профессору», с которым она разговаривала как со старым знакомым.

— Шум порога слышно издали, но когда вода высокая, как сейчас, гул реки заглушает шум порогов. Поэтому надо заблаговременно подготовиться к быстрине, перекатам, иначе беда может случиться... Вот, слышите, впереди снова пороги...

— Не слышу, — пожала плечами девочка.

— Темнишь, профессор, это река шумит, — поправил Рамзиль.

— Оставайся при своем мнении, а к быстрине все-таки приготовьтесь, — садясь поудобней и крепче сжимая весла, ответил Хамит. — Приближаемся, капитан, держи весло тверже и направляй лодку. Где вода темнее, там глубина больше, остерегайся бурунчиков — там острые камни, так что лодку распорет как рыбе брюхо!

«И все-то он знает! А прикинулся тихоней, — недовольно подумал Рамзиль, однако команду Хамита выполнил. — Пристанем к берегу — ссажу!»

Преодолев быстрину, лодка прибилась к берегу, поросшему густым ивняком. Ступив на землю, Мадина впервые за долгие часы почувствовала себя вне опасности. Вода гудела где-то за спиной, а перед глазами зеленым ковром, усеянная ромашками и колокольчиками, лежала большая поляна. Рамзиль, забыв, что лодку надо затянуть на берег или хотя бы привязать к дереву, дурачился: прыгал на одной ноге, кувыркался, хохотал. Он вспомнил о своей лодке, когда увидел, как Хамит бросился в воду и едва успел схватить уплывающую лодку за веревку. Закрепив лодку, Хамит сказал:

— Теперь я могу вас и ухой угостить.

— Не из топора ли? — с подковыркой спросил Рамзиль.

— Не важно из чего, а важно какая будет уха!

«Однако этот очкарик за словом в карман не лезет! И Мади его слушает разинув рот. Надо бы отшить его поскорее. Ведь я решил, что Мадина будет дружить только со мной. Правда, Наташка предлагала мне свою дружбу и закатывала глазки, искала встречи. А мне хочется дружить с гордой Мадиной. Хотя и одевается она не так ярко, как Наташа, однако вот нравится больше всех».

— Эй, капитан! — крикнул с прибрежного пригорка Хамит. — Иди сюда! Земляники тут видимо-невидимо!

«И когда он успел углядеть ягоды в такой густой траве? Вот очкарик!»

Пока Мадина и Рамзиль собирали землянику, Хамит разжег костер, повесил над костром котелок с водой, а сам скрылся в ивняке, сделал из гибких ивовых прутьев удилища, пошел на быстрину. В целлофановом мешочке в кармане у него оказались крючки. Поймав кузнечиков, он наживил их и стал ловить. Вода еще не закипела в котелке, а он уже наловил с дюжину хариусов. Быстро очистив рыбу, Хамит бросил ее в кипящий котелок и позвал ребят.

— Неси хлеб, соль и специи, если они у вас есть, — сказал Хамит Рамзилю.

— Ты нам уху сварил, а я тебе ягод принесла, — протянула Мадина землянику Хамиту.

— Ела бы сама... — смутился он. — Этого добра у нас полно.

«Какой же он проныра! — снова запротестовала душа Рамзиля. — И чем только он ей нравится? Очкарик! Ни роста, ни силенок!.. Ну погоди же!» И он позвал Хамита проверить, как причалена лодка. Не успели они зайти за кусты, как Рамзиль ударил Хамита по ладони, в которой тот держал ягоды.

— Забыл, что ли, на чьей лодке ты приплыл сюда? — зашипел «капитан». — Не смей подходить к ней!.. Знаешь, отчего вот этот шрам? — показал на розовый след давно зажившей раны на щеке Рамзиль. — Это от ножа! — не моргнув глазом соврал он, хотя в классе все знали, что шрам этот он заработал еще в пятом классе, когда напоролся на колючий куст, гоняя мяч во дворе.

— Не знаю и знать не хочу, — спокойно ответил Хамит. — Пойдем, а то уха переспееет...

Ели уху ребята молча. Девочка догадалась, что между мальчиками что-то произошло и что виной тому — Рамзиль.

Как ни пыталась она завести общий разговор, ничего не получалось. Ребята сидели насупившись, хмурые.

После еды Рамзиль демонстративно встал и полез на ближайшую скалу.

— Посмотрю, не плывут ли наши ребята,— сказал он.— Идем со мной, Мадина!

Это значило, что мыть тарелки, ложки, убрать все должен Хамит, ведь на этих условиях Рамзиль и брал его с собой. Он хотел унижить Хамита.

— Сейчас вот приберем и приду,— ответила Мадина.

— Мне не трудно, иди, Мадина,— покраснел Хамит.

— Я же сказала, что пойду когда приберем за собой! И что это у вас, мальчишек, привычка командовать!— Девочка сказала резко, но для Хамита эти слова прозвучали музыкой.

— Мадина, красота-то какая! Ид-и-и сюда!— снова позвал Рамзиль.— Может, наших увидим?

Убрав хлеб и соль в полиэтиленовый мешочек, сложив миски и ложки, девочка поднялась на скалу, где стоял Рамзиль и, приложив ладонь козырьком ко лбу, всматривался в речную даль. «Подумаешь, капитана из себя строит!»— подумала девочка и позвала Хамита:

— Пойдем к нему!

— Нет, я тут побуду,— ответил мальчик и, взяв складной ножичек, срезал высокий, с зонтичным верхом медвежатник. Аккуратно обчистив трубчатый стебель от листьев, он сделал курай¹ и стал наигрывать мелодии, напоминающие то залиvistую трель жаворонка, то тоскливый крик кукушки, то заывание седых ковыльных степей, то многоголосье лесов Урала...

— Откуда здесь такая музыка?— спросил Рамзиль девочку, прислушиваясь к чарующим звукам.

— Не знаю... Похоже на пение курая, но откуда здесь?

— Может, это наш профессор?

— И правда, вон он сидит над обрывом... Хамит, иди к нам! Поиграй громче!

— Курай громко не играет... Он рассказывает только о тайнах сердца-а-а, тайнах цветов, леса-а!

— Чудит наш профессор,— сказал Рамзиль.

— Тише, давай послушаем,— перебила его девочка.— В лесу, возле реки — и такая музыка!..

¹ Курáй — дудка, свирель.

Мадина слушала музыку, и чудилось ей, будто крылья поднимали ее над горами, над бурной Агиделью, над зелеными лугами, расписанными яркими цветами. И так легко и радостно было девочке, что она даже перестала обижаться на грубость Рамзиля.

Хамит увлекся игрой на курае и не заметил, как подошли Рамзиль и Мадина. Он пришел в себя, когда услышал:

— Классика! Ха-ха!

— Рамзиль, какой же ты злой!

— Может, я не прав? На дудке дудит! Примитив в наш век. Вот жалко, я не прихватил кассетный магнитофон. У меня там такие записи! Как включишь, ошалеть можно. Дай-ка я подую,— кривлялся Рамзиль.

— А мне нравится! — глядя в упор на Рамзиля, сказала девочка.

— Да не обращай ты на него внимания,— спокойно произнес Хамит.— Он хочет доказать, что я ему не пара. Разве я не понимаю? Некоторые ребята так утверждают себя. Наш учитель говорит, что это ребячество, таким мальчишкам им надо переболеть, как корью, чтобы повзростеть...

— Я тебе сейчас покажу корь! — подступил к Хамиту Рамзиль.— Говорил я тебе про шрам?

Хамит, не обращая внимания на «капитана», вновь заиграл на курае.

— Да бросишь ты наконец дудеть? — закричал Рамзиль.

— Вот это уж мое дело.

— Мальчики, ребята, ну что вы? Рамзиль джан¹, он же хорошо играет. Перестань ты зря придирааться... — чуть не плача, говорила девочка.

— Показал бы я тебе... — успел шепнуть Рамзиль Хамиту, — если б не она.

А «профессор» точно и не слышал угрозы «капитана». Он окинул его открытым взглядом, будто ничего и не случилось, и предложил:

— Давайте-ка лучше доплывем на вашей лодке до моей деревни. Там, может, мою лодку поймали и перепугались — лодка приплыла без меня... Подумают еще, что утонул.

— И правда, Рамзиль, его начнут искать,— поддержала девочка.

— Что это вы моей лодкой распоряжаетесь? — снова вспылil «капитан», задетый за живое тем, что Мадина так охотно поддержала «профессора».

¹ Джан — душа.

Рамзиль даже готов был увидеть в этом сговор против него. Он покосился на курай, на котором продолжал играть Хамит. «Тоже мне музыкант! — ревниво подумал Рамзиль. — Вырезал трубку и вот насвистывает! Да я не хуже его сейчас сыграю!» И он почти силком вырвал курай.

— Ты что? — опешил Хамит, однако на лице его не было и тени испуга.

— А то, думаешь, я не сыграю?

— Подуди, подуди, Рамзиль джан! — поддела Мадина и испытующе уставилась на «капитана».

Рамзиль дул по-всякому, пытался свистеть, приставлял свирель, как это делал Хамит, то к одному уголку рта, то к другому, однако, кроме шипенья, курай никаких звуков не издавал.

— Это не курай, а водопроводная труба! — Рамзиль с пренебрежением вернул инструмент хозяину.

— Эх ты, хвастунишка! — гневно сказала девочка. — Никогда в руках его не держал, а туда же — играть!

— Ты, Мадина, совсем капитана осмеяла, — примирительно начал Хамит. — Курай действительно простой на вид, но играть на нем не так-то просто. А у Рамзиля даже кое-что получилось... Для первого раза, скажу честно, неплохо... Я могу тебе подарить курай.

С этими словами Хамит протянул Рамзилю дудочку.

— Больно нужен он мне! — высокомерно ответил Рамзиль. — Вот на гитаре бы я показал тебе!..

— Рамзиль, ну опять ты неправду говоришь, — тихо проговорила девочка и тут же покраснела, осеклась.

Чтобы сгладить неловкость, Хамит предложил:

— Давайте все же поплывем побыстрее, я вас свожу в пещеру...

— В пещеру?

— Настоящую? — почти враз спросили Мадина и Рамзиль.

Глаза их загорелись, в них было столько любопытства и удивления, что Хамит даже рассмеялся:

— А разве не настоящие пещеры бывают?

Рамзиль уже забыл, что он не хотел на своей лодке везти дальше Хамита. «Капитан» дал команду готовить лодку к отплытию и спросил, на всякий случай, как называется пещера, если она настоящая. Он представил, как в городе будет рассказывать знакомым про пещеру, где никто никогда не бывал... «Как так, никто не бывал в пещере, — спохватился Рамзиль, — если Хамит о ней знает?» Он внимательно посмотрел

на ребят — не догадались ли они о его мыслях. «И почему меня всегда так заносит?»

— Пещера называется Шульгáн,— услышал он голос Хамита.— Пещера эта каповая¹, их много на юге Башкирии. Они бывают глубокими, длинными. Есть предположения, что в некоторых из них жили первобытные люди...

Мадина слушала Хамита зачарованно, и у Рамзиля снова испортилось настроение.

— Ладно, поехали. Там увидим, какая пещера,— сказал Рамзиль и двинулся к лодке, которая билась у берега.— Учитель, профессор, я в последний раз стараюсь ради тебя, а не из-за какой-то каповой пещеры. А то, наверно, уже в твоей деревне тревогу подняли! — Рамзиль бросил на соперника победоносный взгляд, мол, вот как я тебя осадил.— Ты давай там налаживай все к отплытию, а мы сейчас...

Рамзиль подождал, пока Хамит сядет в лодку и не сможет услышать, и обратился к девочке:

— Ты знаешь, Мадина... Мне надо непременно что-то сказать тебе сейчас.

— Говори скорее. Хамит работает, а мы...

— Лодка-то моя... Вот я тебе и хочу сказать...— И он заволновался, покраснел так, что даже загар не мог скрыть, стал заикаться.— Знаешь, ведь я...

И тут Мадина догадалась, что он хотел сказать. Если бы Рамзиль не покраснел, не опустил глаза, она бы, пожалуй, и не поняла, куда он клонит. Девочка смутилась и отвела глаза. Ей и хотелось выслушать до конца Рамзиля, и в то же время было очень боязно почему-то, ведь она не знала, что ответить на его слова.

— Ну чего вы там? Идите быстрее!

Голос Хамита вывел ребят из растерянности.

— Ладно, в другой раз скажу,— пробубнил Рамзиль, а сам ругал себя: «Эх, растяпа, стушевался! Надо было сказать сразу... Вон давеча поднялся же на скалу ради нее, позвал ее и ничего...»

— Вы бы оставили здесь записку вашему учителю,— посоветовал Хамит.— Вдруг они пристанут к берегу... Они же волнуются за вас.

— Правильно, Хамит, какой ты молодец! — воскликнула Мадина.

— А на чем напишем?

¹ Ка́повая пещера — коридоры и гроты, расположенные двумя этажами в известняках и доломитах Южного Урала и на реке Белая.

Рамзиль бросил на ребят быстрый взгляд: мол, вы правы, но как осуществить доброе намерение?

— Это делается просто,— выбираясь на берег, сказал Хамит.

Он раскрыл перочинный ножик и ловко снял бересту с березы, потом на ней выжег: «Сабир Идрисович, мы ждем вас в деревне Шульган. Рамзиль, Мадина».

Садясь в лодку, Рамзиль как бы случайно наступил на курай. Мадина вскрикнула.

— Ничего, я сделаю новую свирель, может, и лучше,— успокоил девочку Хамит.— Тут много медвежатника...

Однако девочка заметила, что Хамит расстроился. Рамзиль по-своему понял, отчего у Хамита испортилось настроение. «Бойтся, что дома попадет от старших».

Хамит сел за весла и повел лодку подальше от берега. Здесь были крутые повороты, и вода у берегов пенилась, густые кустарники простирали ветки далеко над водой — не долго попасть под их жесткие удары. Хамит умело управлялся с юркой лодкой, держал ее носом все время по течению.

Места были необыкновенной красоты — изумрудная зелень берегов окаймляла реку, вдали темнели высокие горы, поросшие вековыми деревьями, в синеве неба парил орел, видно, высматривал добычу. Лес вокруг наполнился птичьим пеньем, точно звенели хрустальные колокольчики и играли волшебные флейты... А в тихой заводи, где у берега росли камыши, белыми фонариками покачивались лилии.

— Подплывем ближе, я сорву Мадине,— сказал Рамзиль.

— Здесь заповедник и ничего рвать нельзя! — строго ответил Хамит.

«Мстит за курай»,— решил «капитан». А Хамит вдруг улыбнулся широко и сказал:

— Давайте споем хором. Больно уж все здесь красиво — река, небо голубое, зеленые горы.

И вправду, чарующая красота располагала к песне. Забылись мелкие подначки Рамзиля, его высокомерие и желание унижить перед девочкой. И еще Хамит отметил про себя — чем больше Рамзиль задирает нос, приветливее и добрее была Мадина. Хамит порою даже жалел заносчивого Рамзиля, который не замечал этого, хотя нельзя было не видеть, что такое высокомерие хозяина лодки не нравилось девочке.

— Петь? Ты что, чокнутый? — рассмеялся Рамзиль.— Тут, на реке?

— А где же еще? — в свою очередь спросил Хамит, про-

должая грести. И, оглядев еще раз вокруг себя неописуемую красоту, запел.

Пел он о соколе, устремившемся к солнцу и снова опустившемся на землю. Манит к себе яркое солнце, сверкают его лучи, но красоты такой, как на земле, нет нигде. Если потеряешь эту землю, то и счастья лишишься. Нигде нет таких рек и родников, как на этой земле, нигде нет такого многоцветия трав, благоухания цветов, порхающих бабочек, шелестящих листьев...

— Какая славная песня! — сказала Мадина.

— Bravo! Bravo! — насмешливо воскликнул Рамзиль. — Ты, Хамит, будто итальянский певец заливаешься!

— А что, я могу и по-итальянски петь, — серьезно ответил Хамит.

— Ты поешь по-итальянски? — поразился Рамзиль. — Ну, ты даешь! Слышишь, Мади, что говорит профессор?

— Слышу, не глухая.

— И ты веришь?

— Почему же не верить? Одни ребята от телека не отходят, магнитофон крутят без конца и едва ползут на тройках, а есть и такие, которые знают итальянский... — открыто приняла сторону Хамита девочка.

На некоторое время в лодке наступила тишина. Лишь было слышно, как шумит вода да где-то впереди грохочет перекат.

— А ты все же молодец! — счел нужным сказать Рамзиль. — Поешь, итальянский, говоришь, знаешь... Чего же тогда застрял в этой дыре?

— Ты это серьезно или так? — спросил Хамит.

— На полном серьезе, старик!

— То «профессор», то уже «старик», — улыбнулся Хамит и лукаво посмотрел на девочку. — Что ж, внучок, тогда я тебе отвечу.

— Какой я тебе внучок? — округлил глаза Рамзиль.

— А какой же он тебе старик? — спросила в свою очередь Мадина.

— Ну, так говорят...

— Ладно, отвечу я на твой вопрос. Видишь, какая красота кругом? Люблю я свою деревню.

— Вообще-то красиво... — неохотно согласился Рамзиль.

— А что это за лодки на берегу — кажется, байдарки. — Мадина приложила ладонь козырьком ко лбу.

— Э, да мы уже приближаемся к пещере! Это туристы понаехали. Тут их всегда много: пещера Шульган интересуется

всех. На стенах ее рисунки есть. Говорят, ценность необыкновенная для науки! — приближаясь к берегу, объяснял Хамит.

— Ты вот все про пещеры знаешь, а главного не объяснил, — перебил Рамзиль.

— Чего не объяснил? — спросил Хамит и перестал грести. Неуправляемую лодку незаметно стало относить течением от берега.

— Почему пещеру называют каповой? — Рамзиль многозначительно посмотрел на Мадину, мол, как твой «профессор» ответит.

— А ты разве сам не знаешь? Да потому, что в ней капает сверху известковая вода и образовались сталактиты. Они такие красивые! А сталагмиты похожи на огромные свечи.

— Мы их увидим? — спросила Мадина, и ее черные, как спелые смородинки, глаза загорелись любопытством.

— Может, и увидим, — коротко ответил Хамит.

— Там темно, да? — снова спросила девочка.

— У меня же карманный фонарик есть! Забыла, что ли? — сказал Рамзиль.

— Там и без фонарика видно... Да только сталактитов и сталагмитов почти не осталось...

— Куда же они делись? — спросила Мадина.

— На сувениры растаскали...

— На сувениры? — изумилась Мадина.

— А что, это интересно! — сказал Рамзиль. — Доисторическая вещь — и лежит у тебя на столе! Здорово! Неужели нам не достанется?

— Эх ты, «доисторическая вещь»! — упрекнул Хамит. — Это же всенародное достояние! Неужели не понимаешь? Эти сталактиты и сталагмиты тысячелетиями росли, а ему сувенир на столе! Башкой-то хоть подумай!

— Ох какой мудрец! А башку мою не трогай, она не дурней твоей! А то выброшу за борт, — пригрозил Рамзиль. — Ишь, раскудахтался! Своих, что ли, увидел?

— Никого я не увидел, а ты меня не выбросишь. Отвечать придется, если утону...

— Мальчики, ну что вы? Обязательно вам нужно поссориться! — попробовала усовестить мальчишек Мадина.

— А чё он учит! — буркнул Рамзиль. — То ему нельзя, это нельзя! Будто сам, без него, не знаю, что можно, что нельзя.

— Ты тоже, Хамит, хорош. Рамзиль еще глазком не глянул на сталактит или там сталагмит, а ты уже...

— Когда отломит и положит эту красоту в карман, поздно

будет,— ответил и отвернулся от своих спутников Хамит.

— Подумаешь, обиделся! Действительно, профессор! — почувствовав поддержку, высокомерно сказал Рамзиль.— Не забывай, лодка-то — моя...

— А я могу и без вас,— снимая рубашку, приготовился к прыжку Хамит.— А там с туристами доберусь и до деревни...

— Не дури!

— Хамит, ну что ты! Я же ничего обидного не сказала...

Заметив, что лодку порядком отнесло от берега, Хамит взял весла и стал энергично грести. До самого берега ребята не обмолвились ни одним словом.

Когда лодка чиркнула днищем по гальке, Мадина и Рамзиль сразу поняли, что если сейчас Хамит уйдет от них, то им придется несладко: не знают, где находится пещера, спросить не у кого. Лодки, байдарки лежат на берегу, а людей нет. Да и как оставить такую добротную резиновую лодку на пустынном берегу?..

По растерянным лицам спутников Хамит догадался, что ребята насторожены и ждут, как он поступит. Вид у Рамзиля был уже не такой ершистый, как несколько минут тому назад, и посматривал он на Хамита просяще: мол, не оставляй нас, а то куда же мы теперь без тебя.

— Вытягивай лодку подальше от воды,— сказал наконец Хамит.

Мадина взглянула на Рамзиля, ведь ему еще ни разу так никто не говорил, обычно он верховодил.

— Куртки наденьте, а то в пещере прохладно...— распорядился Хамит. Он помог Рамзилю оттащить лодку подальше от воды.

— Вещи надо взять с собой,— поборов себя, миролюбиво сказал Рамзиль.

— Вещи останутся здесь.

— Нет, возьмем с собой. Тебе хорошо, у тебя ничего нет...— возразил Рамзиль.— Если уташат, ты будешь своими рваными кедами расплачиваться, да?

— Никто не утащит. Здесь не воруют — видишь, сколько вещей на берегу!

— Сам же говорил про сталактиты...

— Говорил, а твое барахло никому не нужно.

— Рамзиль джан, не спорь, он лучше знает.

Рамзиль и на этот раз стерпел, только крепко прикусил губу и покраснел. Ведь он не привык, чтобы ему делали замечание. Подавив внутренний протест, Рамзиль выполнил все, что говорил Хамит.

Сложив возле лодки вещи, ребята двинулись в глубь леса. Когда переходили один из притоков речки Шульган через узенький мостик, Мадина остановилась, огляделась и вскрикнула:

— Мальчики, красиво-то как! Посмотрите на колокольчики! Как они похожи на синие фонарики!

— Где? — спросил Рамзиль.

— Вон! Вон же синеют! — показала рукой Мадина на цветы, затаившиеся на другом берегу в зарослях крапивы и бузины.

Хамит не успел ничего сказать, как Рамзиль сбежал на берег и стал продираться сквозь густые кустарники тальника и черемухи...

— Ой! — вдруг вскрикнул Рамзиль. — Они кусачие!

Вскоре он вернулся.

— Хотел сорвать тебе цветок, а они жалятся, — показал он покрасневшие руки. — Все ладони обжег. Во...

Хамит рассмеялся, довольный в душе, что цветы сумели защитить себя.

— Чего смеешься? Тебе бы так! — обиделся Рамзиль.

— Это не колокольчики обожгли тебя, — продолжал смеяться Хамит.

— Ты, что ли? — обиделся Рамзиль, разглядывая покрасневшие ладони.

— Хамит, неплохо смеяться над чужой бедой, — сделала замечание Мадина. — Ему же больно...

— Я не над ним смеюсь, Мадина, а над тем, что он перепутал крапиву с колокольчиками. Эти колокольчики в отличие от полевых растут в сырых местах и обязательно, где крапива. И листья цветка, стебель очень похожи на крапиву. Пойдем посмотрим, сама убедишься.

— Я что, слепой? — все еще продолжал обижаться Рамзиль. — Или не могу отличить крапиву от колокольчика?

Мадина пошла за Хамитом. Как же она была удивлена, когда убедилась, что Хамит говорил правду: стебель и листья крапивы и рядом росших колокольчиков были почти одинаковые.

— Видишь, как хитро они себя защищают! — восторженно говорил Хамит. — Иначе бы такую красоту давно бы вывели... Вон Рамзиль хотел же сорвать, другой захочет, третий...

— Но он же мне! — Мадина гордо посмотрела на Хамита. — Ты вот не догадался!

— Я-то догадался, но тут же заповедник! Если каждый

станет рвать цветы для...— он не договорил, но девочка поняла и залилась румянцем.

— Цветы же не сталактиты или там еще что... Не веками растут, а каждый год, и, наверно, можно сорвать хоть один цветочек для...— Она отвернулась и тоже не досказала, для кого же можно сорвать один цветок даже в заповеднике.

— Нет, ни для кого нельзя тут рвать цветы! — твердо сказал Хамит и бегом пустился к мостику, где их ждал Рамзиль и дул на ладони.

— Чего вы там застряли? — спросил он.

— Подержи руки в ручье, — посоветовал Хамит, — быстро пройдет, — и стал пригоршнями жадно пить обжигающую холодом воду.

Оставшуюся часть пути ребята шли вдоль шумливого, быстрого ручейка, бежавшего с гор. Вода в нем была настолько прозрачна, что видны были мельчайшие прожилки на камушках, лежавших на дне, будто камушки лежали под увеличительным стеклом. Вдоль ручейка голубой каймой тянулись незабудки. Прозрачный ручей, пестрые камушки в голубом обрамлении незабудок — словно прекрасная картина была выставлена на обозрение туристам. И совсем Мадина и Рамзиль были поражены, когда Хамит подвел их к неглубокому водоему с бетонным ограждением. В чистой-пречистой воде отражались облака, деревья, играли блики солнца... А вдоль бетонной стенки чинно плавали два золотистых голавля! Как они попали сюда: притащили ли мальков и они отъелись тут? Занесла ли икринки птица? Может, водоем питался подземной речкой? Может, той же Шульган? Как бы то там ни было, а водоем напоминал необычный аквариум.

— И никто этих рыбок не поймает? — спросил Рамзиль.

— Много ли надо ума, чтобы поймать их? — ответил Хамит. — Разве мы сейчас меньше получили удовольствия, чем если бы их поймали?

— А чего, в городе я бы сказал, что поймал голавлей голыми руками!

— Все-то тебе надо кого-то поразить, — покачал головой Хамит. — Разве твои приятели меньше удивятся, если ты им скажешь, что видел лесной аквариум, где плавают голавли?

— Можно, конечно, но вот поймать бы...

— Ну и лови себе на здоровье в Агидели! Вон сколько плыли, ты удочку ни разу не доставал, а теперь захотел порыбачить? Тоже мне рыбак!

Снова между ребятами вроде бы пробежала черная кошка. Мадина шла и думала, кто же из них прав. Рамзиль надул

губы. Он чувствовал, что постепенно подпадает под власть очкарика. «Подожди, посмотрим пещеру — и до свидания, — успокаивал он себя. — Посмотрим тогда, как ты заговоришь! А то ведет себя как хозяин! И все-то он знает...»

Поднимаясь вверх по склону горы к чернеющим скалам, по которым, блестя на солнце, стекала вода, Хамит вдруг стал пристально смотреть на темнеющий провал пещеры.

— Что ты там увидел? — спросил Рамзиль.

— А где туристы, которые оставили байдарки на берегу? — тоже подала голос Мадина, довольная тем, что первым заговорил «капитан», а, значит, Рамзиль забыл обиду.

— По-моему, пещера закрыта, — сказал Хамит.

— Дом, что ли, чтоб закрывать ее? — спросил Рамзиль.

Хамит не ответил, прибавил шаг и скоро отдалился от своих спутников.

Когда к пещере поднялись Мадина и Рамзиль, Хамит, хмурый, сидел на большом камне и чертил прутиком на земле.

— Говорил, закрыто, — буркнул Хамит, не поднимая головы. — Вон на фанере написано, что пещера в аварийном состоянии...

Рамзиль ничего не ответил и стал рассматривать крепкую железную решетку, на которой висел амбарный замок. Зачем-то подергал стальные прутья, повертел тяжелый замок и сказал:

— Был бы ломик, раз — и готово! — Он махнул рукой и еще раз повторил: — Раз — и готово!

— Значит, зря пришли? — упавшим голосом спросила Мадина.

— Видишь же, закрыто, — уныло ответил Хамит.

— А он ведь знал, что закрыто! — подступая к Хамиту, сказал Рамзиль и сжал кулаки. — Он хотел, чтобы мы его привезли сюда, вот и придумал свою пещеру! А то он не знал, хитрец!

— Я — хитрец? — Хамит вскочил и взял Рамзиля за грудки. — Да я не посмотрю, что у тебя шрам на щеке!.. Я — хитрец?

— Мальчики! Мальчики! — попыталась разнять ребят Мадина.

— А ты отстань! — оттолкнул девочку Рамзиль. — Тоже заступница! Вот теперь-то, очкарик, я тебе задам по первое число! — Рамзиль пытался повалить Хамита, но тот вцепился в него как клещ и, побелев лицом, твердил одно:

— Я — хитрец?

— Мальчики! Мальчики! Наверно, тут есть другой ход, —

разнимая ребят, твердила девочка.— Куда-то туристы же ушли! Не могли они сквозь землю провалиться. Мальчики! Ну что вы за народ, обязательно спор надо дракой разрешать!

Она отошла в сторону и вдруг всхлипнула.

— Знала бы, Рамзиль, что ты такой петух, ни за что бы не поехала с тобой.

Расстроенное лицо девочки, ее слезы охладили мальчишек. Они, как сговорившись, враз отпустили друг друга и отступили.

— Если б не она...— кивнул на Мадину Рамзиль.

— Ты еще не знаешь, как я могу постоять за себя! — ответил Хамит.

Рамзиль прав, подумал Хамит, они плохо поступают по отношению к Мадине. Только и знают, что цапаются. А он еще хотел сказать Мадине, что она очень понравилась ему... Разве настоящие ребята ведут себя так рядом с девочками? Сколько он прочитал книг про рыцарей и про всяких героев, и всегда эти смелые, честные парни вели себя достойно, вежливо, умели владеть собой, заглушить невольную обиду...

Почувствовав себя скверно, Хамит приблизился к Мадине и сказал:

— Мадина, честное слово, я не знал, что пещера на замке... Ты не сердись. И за эту драку не обижайся...

— Разве это драка? — выпятил грудь Рамзиль.

— Нашел чем хвастать! — осадил его взглядом Хамит.

— Какой же ты мальчишка, если драки боишься! — хорохорился Рамзиль.

— Ничего я не боюсь. Просто ни к чему это, да и перед Мاديной неудобно. Мы напоминаем ей, наверно, драчливых петухов...

— А я нашел вход! — рванулся к решетке Рамзиль.— Точно, можно пролезть. Видишь, отогнут один прут.— Он просунул голову, плечи.— Ура-а! Можно пролезть!

— Может, не надо...— осторожно сказал Хамит и вопрошающе посмотрел на Мадину.

— Все же ты трус! — крикнул Рамзиль и с трудом протиснулся между прогнутыми прутьями.— Давайте лезьте! Что нам железные заборы!

— Может, не надо!..— неуверенно повторил Хамит.— Зря бы не заперли на замок...

— А мы недалеко, Хамит, пошли...— попросила Мадина.

— Что ты просишь профессора? Ему бы только поболтать! Давай взбирайся по решетке, я помогу тебе,— говорил Рамзиль по ту сторону ограждения.— Пусть сторожит нас!

— Хамит, ну полезем, я еще ни разу в пещерах не была... Сам же позвал...— взмолилась Мадина.— Честное слово, долго там не будем!

— Хорошо, пойдем,— согласился Хамит и спросил:— А фонарик-то не забыл прихватить? А то у меня только спички...

— Не забыл, вот он! — И Рамзиль похлопал по вздутому карману спортивной куртки.

Хамит сначала помог Мадине взобраться на решетку, потом сам вьюном влез на ограждение и гораздо быстрее Рамзиля пролез между железных прутьев.

— Я думал, ты и вправду маменькин сынок, всего боишься, всякий раз оговариваешь: это нельзя, то не положено, это нехорошо, а ты вон как ловко пролез!

— Я и сейчас говорю, что нехорошо мы поступаем, не зря же закрыт вход на замок,— ответил Хамит и предупредил:— Надо идти осторожно, тут немало колдобин с водой, а в ответвлениях пещеры, говорят, даже есть глубокие провалы с подземными реками...

— Опять у него оговорки! — всплеснул руками Рамзиль.— Может, лучше было бы, чтоб ты остался там и сторожил нас?

— Я ничего не вижу,— пожаловалась Мадина.— Рамзиль, включи фонарик.

Голубой лучик выхватил из темноты сырую стену пещеры.

— Зря не жги, выключи. Немного погодя глаза привыкнут. Метров пять — десять можно пройти и без света,— сказал Хамит.

— Сейчас, пожалуй, ты прав,— впервые согласился Рамзиль и, сделав шаг в сторону, угодил в липкую грязь.— Все время такая грязь будет? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Нет, дальше скользкие камни,— сказал Хамит и подал руку Мадине.— Держись, пока глаза не привыкнут к темноте...

— Что она принцесса, что ли? — ревниво отозвался Рамзиль.— Она и без твоей помощи обойдется.

— Ну, как хотите...— обиделся Хамит и неохотно отпустил теплую ладонь девочки.

— Ой, я в грязь угодила! — испуганно сказала Мадина, сделав несколько шагов.

— Скоро будет сухо,— успокоил Хамит.

Ребята ступали медленно, осторожно ощупывая ногами выбоины. Когда дневной свет перестал достигать глубины пещеры, Рамзиль включил фонарик. Сразу стало веселее, Мадина воскликнула:

— Как интересно-то здесь! Мы как дети капитана Гранта, правда же?

Мадина подошла к пещерной стене, часть которой осветил луч фонаря, пальцами притронулась к серым камням.

— Подумать только, и здесь жили люди!

— Тебе наговорит профессор, верь ему! — поддел Рамзиль. — Звери тут не будут жить, а он — люди! Так где тут наскальные рисунки?

Голубой луч заметался по стенам пещеры, потолку, полу, усыпанному битым щебнем. Хамит нагнулся и что-то поднял.

— Ну-ка посвети! — попросил он.

Рамзиль направил луч на руку «профессора».

— Что это?

— Камень не камень...

Рамзиль взял находку и пригляделся к ней. Дрогнувшим голосом сказал:

— Это... кость, обломки кости...

— Боюсь, — отозвалась Мадина.

— Чего бояться? Я же говорил, тут древние люди жили... Здесь они спали, ели...

— Все равно боюсь!.. — Мадина взяла Хамита за руку. — Давайте вернемся...

— Пустяки, пройдем еще немного, — сказал Рамзиль.

— Можно, конечно, только не далеко, — согласился Хамит. Мадина крепко держала его за руку.

Рамзиль шел впереди. Было так тихо, что слышалось дыхание каждого, да где-то сбоку журчала вода. Наконец луч фонарика выхватил на стенке какие-то линии коричневого и черного цветов. Приглядевшись, ребята разобрали четкие изображения зверей, людей, стреляющих из лука, собак или волков...

— Эх, свету бы побольше, чтоб сразу все увидеть! — с сожалением сказал Хамит.

— Как здорово рисовали древние!.. — тихо сказала Мадина.

— И верно, красиво! — поддержал приятелей Рамзиль. В его голосе было столько радости и нескрывтого восторга, что впервые за все время знакомства Хамит не пожалел, что встретил Рамзиля. Наконец-то он удивил «капитана»!

Рамзиль взял за руку Мадину и сказал Хамиту, что покажет ей другие рисунки, которые он увидел впереди. Хамит не успел предупредить, чтобы они далеко не уходили, как вдруг фонарь потух.

— Эй, ребята, где вы? — крикнул Хамит, стоя в кромешной

темноте. Ответа он не услышал.— Эй, Рамзиль, Мадина! Не балуйте! Заблудиться можно!

И снова только эхо отозвалось. «Мне надо стоять на месте. Может, они решили пошутить надо мной? Попугать? — подумал Хамит и нащупал в кармане спички.— Если что, я-то доберусь до выхода, но как же их оставить? Придется подождать».

А в это время Рамзиль с Мاديной стояли за выступами совсем рядом с Хамитом. Когда он позвал их, Рамзиль шепнул Мадине, чтобы она не отзывалась. Надо, мол, немного попытать «профессора», каков он — храбрец или трусоват.

— Он же один в темноте!... — шепнула девочка.

— Ничего с ним не случится. Спички у него есть...

Мадине тоже стало интересно, как себя поведет их проводник.

— Отойдем подальше, пусть поищет! — И «капитан» стал медленно удаляться в нишу.

Они сделали еще несколько шагов и почувствовали, как на них откуда-то сбоку ударил холодный воздух и грохот водопада заглушил слова Рамзиля. Теперь уже они не слышали, как их звал Хамит.

— Боюсь! — громко сказала девочка и вцепилась в рукав Рамзиля.

— Как мы выберемся отсюда? Мне холодно... Зажги фонарь... Хамит, ты где-е-е?

Слова девочки напомнили Рамзилю, что они глубоко под землей. Он почувствовал, что потерял ориентир. Где выход, в какой стороне сейчас находится Хамит? Он торопливо включил фонарик, осветил пещеру и замер: метрах в пяти от них чернел провал, там в глубине рокотала вода. Оттуда, как из холодильника, тянуло холодом. «Вот, наверно, о каких ямах предупреждал Хамит!» — подумал он. Ему показалось, что такие провалы подстерегают их на каждом шагу. Рамзиль инстинктивно прижал к себе Мадину, боясь, что она может сделать неосторожный шаг.

— Отстань! — девочка рванулась и случайно выбила из рук Рамзиля фонарик. Стало темно.

— Там провал! — крикнул Рамзиль и двумя руками вцепился в куртку девочки.

— Какой провал?

— Яма с водой, Хамит предупреждал нас.

— Хамит! — Вместо отчаянного крика из груди девочки вырвался сдавленный шепот.

Рамзиль и Мадина долго стояли в оцепенении, держа друг

друга за руку. Они боялись сделать маленький шаг в сторону, а главное — они не знали, в какой стороне выход.

Холод уже проник под одежду и муравьиными шажками пополз по всему телу. Сначала озябли промокшие ноги, затем стали стынуть руки.

— Хо-ро-ш твой Ха-мит... — стуча зубами проговорил Рамзиль. — Бросил на-а-с...

— Ты с-са-ам убежа-ал от не-е-го, — ответила Мадина. — Он ни при чем...

— Стой на-а месте, г-го-во-рю же, яма рядом...

Ребята снова затихли, чутко прислушиваясь к малейшему постороннему шуму.

Хамит устал кричать. Сначала он хотел пойти к выходу и там ждать ребят. Но когда прошло много времени и Рамзиль с Мадиной не отзывались на его призывы, Хамит забеспокоился всерьез. Где их искать? Чиркая спичкой, он стал медленно продвигаться в глубь пещеры. В очередной раз чиркнув спичкой, он увидел при слабом свете отпечатки ног на мокрой глине. Одни следы были рубчиками. «Такие подошвы у кроссовок Рамзиля!» Другие следы оказались с круглыми шипами. «Это же Маднины ботинки!» Хамит еще на берегу сразу обратил внимание на характерные следы, оставляемые обувью новых знакомых.

«Значит, они где-то здесь! Неужели ушли вперед? Или повернули в другой ход?» — раздумывал в темноте Хамит.

Окликая ребят, ощупывая стену, Хамит осторожно двинулся дальше. И вдруг Хамит почувствовал, как в лицо ударил холодный поток воздуха. «Неужели здесь выход наружу?» — подумал он и чиркнул спичкой о коробок. Синим пламенем вспыхнула фосфорная головка спички и тут же потухла.

— Ого-го-о! Где вы? — громко закричал Хамит и прислушался. Потом еще раз крикнул во всю силу и притих. Опять ответом ему было только эхо да еще где-то монотонно капала вода...

— Кто-то, кажется, кричит... — окоченевшими губами пролепетала Мадина.

— Тебе показалось... Как он без фонарика попадет в эту нишу?..

— Говорила тебе — не надо далеко уходить.

— Ты же выбила у меня из руки фонарик, — неуверенно защищался Рамзиль.

Теперь в его голосе не было обычной грубости, когда ему перечили. Голос у Рамзиля был тихий и виноватый.

Замерев на миг, прислушиваясь к малейшим звукам каж-

дой клеточкой тела, ребята насторожились. Им показалось, что где-то неподалеку раздался свист.

И тут что-то мягкое коснулось лица Мадины, и она, вскрикнув, ткнулась головой в грудь Рамзиля.

— Ты что? — и тут же сам инстинктивно втянул голову в плечи. Он почувствовал, как возле его уха что-то пролетело, захлопало будто мягкими ладошками. И только спустя некоторое время он догадался, что над ними пролетели летучие мыши...

Хамит твердо решил найти ребят. Он понял: с ними что-то случилось. Они заблудились или... Нет. Он не мог поверить, что ребята случайно угодили в провал. Он повернулся спиной к потоку холодного воздуха и зажег спичку. Прикрыв ладонью слабый огонек, мальчик ступил в нишу, откуда тянуло холодом. Под ногами у него вместо глины лежал мелкий щебень. Следы исчезли. Когда спичка догорела, Хамит засунул в рот два пальца и свистнул так, что со стен вспорхнула стая летучих мышей.

— Кто-то свистит... Рамзиль, покричи, пожалуйста, или свистни... — попросила девочка.

— Я не умею свистеть... — ответил Рамзиль.

— Ой, кажется, огонек сверкнул за твоей спиной, — сказала Мадина и необычайно звонко закричала: — Мы здесь!..

В ответ раздался свист и снова сверкнул спичечный огонек.

— Я говорила — огонек! Говорила, кто-то свистит! — чуть не плача, сказала девочка и рванулась вперед.

— Стой, не угоди в яму! — удержал девочку Рамзиль и тоже закричал: — Ого-го-о! Хамит, мы здесь!..

Затихнув, ребята услышали, как под чьими-то ногами зашуршал щебень. И вот уже совсем рядом раздался голос Хамита:

— Стойте на месте! Я сейчас зажгу спичку! Держитесь левой стороны.

Когда ребята пришли на свет к Хамиту, он строго спросил:

— Что это вы вдруг решили играть в прятки в пещере?

Мадина хотела было сказать, что это все устроил Рамзиль, видишь ли, ему надо было проверить Хамита — трус он или нет. Однако девочка промолчала, она поняла, что из-за глупости Рамзиля они оказались в ловушке, а Хамит молодец, не бросил их.

— Спасибо тебе, Хамит. Я никогда не забуду, как ты спас нас, — сказала она просто.

— Уж так сразу и спас! — после некоторого молчания буркнул Рамзиль. — Мы бы и сами выбрались...

— Как только тебе не стыдно? — воскликнула Мадина. — Не обращай внимания на него, Хамит. Я в классе всем расскажу, как ты нас из беды выручил. Какой же ты, Рамзиль, неблагодарный! Верно девочки говорили, что ты зазнайка!

Когда они, вымазанные с ног до головы глиной, посиневшие от холода, подошли к своей лодке, их встретил мужчина в форменной одежде лесника. На кокарде его фуражки с зеленым околышем были изображены дубовые листья.

— Вот я-то вас и поджидал, робинзоны! — сказал он строго. — Как вы посмели в нарушение запрета пролезть в пещеру? Вроде бы уже взрослые ребята и читать, наверно, умеете. Написано же — аварийное состояние. А ну, кто тут из вас за старшего и кто зачинщик?

По сердитому виду лесника было видно, что он говорит все это не шутя и намерен строго наказать их. Он вглядывался в лица «робинзонов» так, что ребята не выдерживали его взгляда и отворачивались.

«Неужели Рамзиль не признается, что это он заманил Хамита?» — подумала девочка, и, не поднимая головы, тихо сказала:

— Дяденька, я тоже виновата, я тоже подзадорила его. — И она кивнула в сторону Хамита.

— Он, что ли, старшой? — грозно подступил к нему лесник.

— Нет. Капитан у нас Рамзиль, — подсказала Мадина.

— Про пещеру он нам сказал, — буркнул Рамзиль.

— Так кто же, капитан, идею подал? Погибнуть же могли!

— Я — что, я б и не приехал сюда, если б он не наговорил про пещеру, — ковыряя землю носком испачканных в глине кроссовок, бубнил Рамзиль.

— Я их привез сюда, дядя... — сказал Хамит. — Я виноват, я не знал, что пещера закрыта...

— И эта классная лодка тоже твоя? — спросил лесник.

— Моя! — гордо вскинул голову Рамзиль.

— Твоя, говоришь, значит? Так, так...

— Моя, отец мне ее достал.

— Вижу, что не сам заработал. Ну что же мне с вами делать? — рассуждал вслух лесник. — Лодку, может, отобрать, пока родители не приедут?

— Дяденька, лодка моя! Но в пещеру он затащил нас! — указал на оторопевшего Хамита Рамзиль.

От предательства Рамзиля Хамит и Мадина так растерялись, что даже грозный вид лесника уже не пугал их.

«Какой же ты трус! — думала Мадина. — Сам придумал все и сам же свалил на другого!»

— Выходит, ты тут заводишь всему? — поднял подбородок Хамита лесник. — А на вид тихоня... Интересно, что бы ты делал, если бы твои друзья затерялись в пещере?

— Хамит, скажи правду, как произошло. Ну что же ты молчишь? — дернула его за рукав Мадина.

— Не молчу! Так и было, как говорит он, — процедил сквозь зубы Хамит.

— Интересно получается, ребята. Едва выбрались из пещеры, а гляжу, единства-то среди вас нет. И он молчит, и ты, девочка, что-то не договариваешь, да и сам капитан, гляжу, больше заботится о лодке... Разве можно с такой командой пускаться в опасный путь? Ну, чего молчите, путешественники?

По тому, как подобрел и стал ровнее голос лесника, Хамит догадался, что он теперь сердится уж не так, как сначала.

Неподалеку в кустах заржала лошадь и залаяла собака.

— Зовут меня, — отозвался лесник. — А что же мне делать с вами?

— Дяденька, мы больше не будем, — шмыгнула носом Мадина и вытерла слезы.

— Ты что плачешь? — спросил лесник.

Мадина хотела сказать, что во всем виноват Рамзиль и что ей стыдно за его трусость, но вместо этого расплакалась еще пуще и отвернулась.

— Это уж ни к чему, девочка, — попытался успокоить Мадину лесник.

— Да, «ни к чему»! Это же он трусом дразнил Хамита, да и я...

— Если так, то почему же ваш капитан молчит?

— Не так было! Хамит обещал нам показать пещеру, еще про рисунки первобытных людей говорил... — начал Рамзиль.

— Что ж, тогда мы с Хамитом отойдем в сторонку, побеседуем по душам, выясним, кто же из вас прав. А вы не уходите, мы скоро вернемся, — сказал лесник.

Как только лесник скрылся с Хамитом за деревьями, Рамзиль начал быстро складывать вещи в лодку, вещевой мешок Хамита он отшвырнул в сторону.

— Ну-ка помоги толкнуть лодку в воду, — попросил он.

— Ты что надумал? — девочка удивленно глядела на суетливые действия «капитана».

— Чем спрашивать, лучше бы помогла! — ответил он. — Пока этот лесник будет выяснять у Хамита, кто виноват, мы уже будем далеко отсюда!

— Ты думаешь бежать? — вспыхнула девочка. — Как же мы его оставим здесь одного?

— «Как, как»? Не пропадет он! А мою лодку лесник, может, и вправду отнимет да еще отцу нажалуется... Давай лезь в лодку! Хватит нюни распускать!

— Не лезу! Это предательство! — сопротивлялась Мадина.

— Нет, сядешь! Ты с кем поехала? С ним или со мной? — Рамзиль потянул девочку за руку.

— Не трогай меня, трус! Я останусь тут!

— Не останешься! Что я скажу твоей маме? — схитрил Рамзиль, зная, как Мадина уважает и любит свою маму. — Она же голову потеряет от переживаний!

Почувствовав, что Мадина колеблется, Рамзиль толкнул ее в лодку и тут же прыгнул сам, взял весла и стал быстро грести от берега.

— Видели они мою лодку! Теперь ищи ветра в поле! — деланно смеялся «капитан». — А то ишь ты, лодка ему понравилась! Пусть теперь профессор отдувается за все — сам привез нас сюда, сам и отвечай...

— Какой же ты плохой... Какой же ты трус... — вздыхала Мадина, не сводя глаз с берега, где они оставили Хамита.

— Не бойся, не пропадет он, твой профессор. Вот смеху-то будет: придут они на берег, а мы тю-тю! Ха-ха! Думали голыми руками меня поймать!..

Лодку вынесло на середину реки, и она скользила легко и быстро. Рамзиль все же нет-нет да поглядывал назад — нет ли погони. Но берег был пуст и никто за ними не гнался.

Успокоившись, мальчик вдруг вспомнил, что они оставили записку классному руководителю, что будут ждать ребят возле пещеры. Как же теперь Сабир Идрисович найдет их? А вдруг учитель встретит на берегу лесника и тот обо всем расскажет? От таких мыслей настроение у Рамзиля быстро испортилось. Он стал грести медленней, печальный вид Мадина совсем расстроил его. Куда они сейчас плывут? Где пристанут к берегу?

Между тем откуда-то набежали тучи, стало темно, вдали сверкнула молния. Мадина стала упрашивать, чтобы Рамзиль повернул к берегу. Пока они спорили, лодка попала в быстрину и ее понесло на пороги. Может быть, мальчик сумел бы вырулить, если бы спохватился вовремя.

— Пороги впереди! — закричала Мадина и схватилась за борт лодки. — Рамзиль, рули!..

— Помогите-е-е! — отчаянно завопил «капитан» и, бросив весла, стал испуганно озиаться по сторонам, ища помощи.

— Рамзиль, весла, весла возьми!

Но Рамзиль от страха совсем потерял голову, и тогда Мадина взяла одно весло и стала грести что есть силы. Лодка чуть замедлила ход, завертелась волчком.

— Бери другое весло! — кричала Мадина. Пальцы у нее занемели. Волны уже захлестывали лодку.

— Помогите-е! — теперь уже не кричал, а стонал Рамзиль. — Все это из-за него... Пещеру покажу, настенные рисунки-и-и...

— Не стони, весло бери, у меня больше сил нет!

И тут они услышали приближающийся гул мотора. Их догоняла моторная лодка. Рамзиль закричал еще пуще:

— Помогите-е! Тонем!..

— Держитесь! — донеслось с моторной лодки.

В этот миг лодку ударило о подводный камень и резко качнуло. Она черпнула воды, и волна смыла Рамзиля. Мадину спасло то, что она судорожно стиснула весло.

— Конец бросай ему! Конец! — закричали на моторной лодке.

— Да не видно его...

— Лишь бы о камни не ударило! Сейчас всплывет...

— Вон он! Вон его голова! — Мадина узнала голос Хамита.

Наконец мужчина изловчился и бросил веревку Рамзилю. Но волна отнесла веревку в сторону, и мальчик снова скрылся под водой.

— Держи левее, Хамит! — командовал мужчина. — Сейчас он должен появиться... Я схвачу его.

Однако Рамзиль появился не сразу.

— Фатых-агай¹, вон он! — закричал Хамит и направил моторку к Рамзилю.

— Осторожней, мотором не задень! — ответил мужчина и нырнул в воду.

Сильными саженками он перерезал путь Рамзилю и подхватил его.

Хамит уже развернул моторку бортом и дал возможность хозяину лодки схватиться за борт и перевалить вконец обес-

¹ Агай — дядя.

силевшего Рамзиля в лодку. Через некоторое время Фатых-агай и сам влез в моторку. Потом взяли на буксир резиновую лодку: мужчина ловко бросил веревку, и девочка, не растерявшись, поймала конец.

Пока достигли берега, Рамзиль пришел в себя от перенесенного страха.

На берегу Фатых-агай — односельчанин Хамита — выругал неудачных путешественников и, убедившись, что больше никакой помощи ребятам не нужно, уплыл вниз по течению, сказав, что передаст домашним, что с Хамитом все в порядке.

— Конечно, я бы взял тебя с собой, но как же их оставить после всего этого одних? — сказал он Хамиту. — Скоро ночь, а они, видишь, какие, мест здешних не знают. Так что ты уж, браток, не бросай их, сам понимаешь! — Фатых-агай разговаривал с Хамитом как со взрослым.

— Что я, маленький, не понимаю? Поезжайте спокойно. Теперь будет полный порядок!

После отплытия Фатыха-агая Хамит принялся разводить костер. Ветер разогнал тучи, дождь кончился. Рамзиль сидел, привалившись к стволу липы. Он все еще не мог поверить, что спасся. Откуда взялась моторка, и где лесник, и почему Хамит ничего не говорит о его подлом поступке? «Скажу я ему, если что: мол, решил прокатить Мадину и попал в беду...»

Девочка чувствовала себя так скверно, что не могла смотреть в глаза Хамиту. Она ожидала, что он начнет стыдить их, а он как ни в чем не бывало просил ее принести сухих веток, помочь поставить палатку на ночь. Девочка все выполняла точно. Увидев, что Рамзиль уже давно пришел в себя, она подошла к нему и сказала резко, чтобы он тоже помогал ставить палатку, носить дрова...

— Второй профессор выискался! — буркнул Рамзиль, однако стал помогать ребятам.

Когда костер разгорелся, Хамит сказал Рамзилю, чтобы тот разделся и повесил одежду просушиться. А Мадине достал из своего рюкзака сухой, толстой вязки свитер.

— Переодейся, а то еще простынешь, — почему-то смутился он.

— А ты? — устремила на Хамита глаза девочка.

— Я привычный, медики говорят в таких случаях — закаленный. Со мною ничего не случится...

— Ох уж закаленный! — не удержался Рамзиль. Он был уверен, что Хамит поверит его вранью, и теперь чувствовал себя чуть ли не героем, ведь он едва не утонул!

За чаем Хамит спросил, знают ли ребята, что их учитель на плоту проплыл вниз по течению по другому рукаву реки.

— Когда же проплыли? Кто тебе сказал? — удивился Рамзиль.

— Фатых-агай видел их, когда плыл вверх по реке, чтобы отвезти меня домой.

— Может, это были не они? — упавшим голосом проговорила Мадина.

— Нет, пожалуй, они. Фатых-агай сказал — было много ребят на плоту, один взрослый, а какой-то парнишка все время на гитаре играл...

— Какая гитара, не сказал? — оживился Рамзиль.

— На это он не обратил внимания.

— Эх, слепой, такую гитару да не разглядел!

— Ты, капитан, говори-говори да не заговаривайся! А то я тебе за Фатых-агаю быстро второй шрам поставлю!

— Ты мне — шрам? — поднялся Рамзиль.

— Тебе, и не посмотрю, что ты ростом выше меня!

— Рамзиль, перестань сейчас же! Этот дядя тебе жизнь спас, а ты такое говоришь!

— Тю! Испугался я вас!

— Не смей! Трус — ты!

— Хамит, не верь ей! Она врет! Я просто решил, что ты уже возле своей деревни и этот лесник доведет тебя до дома...

— Врун и трус! — сказала Мадина. — Никогда не думала, что ты такой. Мне даже неприятно быть с тобой рядом! — И она выбежала из палатки.

— Мадина, там же сыро... Вернись! — позвал Хамит.

Девочка вернулась и села в сторонке. Вид у нее был подавленный. Желая развлечь ее, Хамит стал рассказывать про зверей, живущих в этих лесах, — медведей, волков, рысей, оленей...

— Ты так говоришь, будто сам видел, — перебил ревниво Рамзиль. — Хвастунишка ты! Вон давеча лесник прихватил тебя, и ты опустил крылышки: «Мама», «Я ничего», «Я во всем виноват»... — передразнивал он, подражая голосу Хамита.

— Не хотел я при Мадине говорить, теперь уж скажу. Так вот, чтоб ты знал: лесник нарочно отвел меня в сторону, чтобы тебя испытать — убежишь ты или нет. Он-то меня хорошо знает и верил, что правила поведения в заповедном лесу не нарушу... Он все время следил за тобой... Мы видели, как ты трусливо бежал... Я видел, как ты выбросил мой вещмешок и тащил за руку Мадину... Храбрец! На ваше счастье плыл

на моторке Фатых-агай... Вот чтоб ты знал, какой ты есть. А рассказываю я всегда правду!

Рамзиль сидел такой растерянный, точно его окатили уша-
том холодной воды. Он то краснел, то бледнел. Обычно ост-
рый на язык, сейчас он не мог промолвить и слова. Наконец
первой заговорила Мадина:

— И после этого ты кинулся нас спасать?

— А как же иначе? Если человек не будет помогать чело-
веку, то как можно верить в доброту, честность? — поправ-
ляя прутиком угли в костре, ответил Хамит.

— Да не из-за доброты они нас спасали! Если бы с нами
что случилось, они бы ответ держали перед моим отцом! Он
бы уж нашел место и леснику вашему, и твоему Фатых-агаю!
Знаю я таких добреньких! Без корысти, что ли, вы спасали
нас? Теперь, поди, Фатых-агай твой на всю деревню растре-
звонил, что спас городских детей! — вскочил на ноги Рамзиль
и стал расчехлять ружье.

— Я думал ты с заскоком, а ты, оказывается, просто злой
и эгоист! Всех меряешь на свой аршин. Эх ты, знаток чело-
веческих душ, знаешь ли ты, что Фатых-агай уже предостаточ-
но проявил героизма — он был войсковым разведчиком и на-
гражден тремя орденами Славы! Вот! Говорят, он за время
войны столько спас людей, что можно было бы две дивизии
организовать...

— Вруха, он же не санитаром был, сам говоришь...

— Верно, не санитар, а его разведданные помогли коман-
дирам бить фашистов с самыми малыми потерями. Понял?

— Если он такой герой, где же его ордена? — снова
въедливо высказал свое недоверие к словам Хамита Рамзиль.

— Чудак ты, он же с пастбищ едет! Что, ему напялить на
себя костюм со всеми орденами? Ну, брат, ты даешь! Да когда
он идет по деревне при своих орденах и медалях, все кругом
сияет! Потому что он — герой! А то, видишь ли, ему слава
пришла, оттого что вытащил тебя из воды!.. Смешно гово-
рить...

— А ну тебя! — отмахнулся Рамзиль и с ружьем в руках
вышел из палатки.

— Смотри, не вздумай стрелять! — предупредил Хамит. —
Тогда уж бегством не отделаешься.

— Хватит пугать! Что, всюду заповедник, что ли? Не дур-
ней тебя, соображу!

А у Рамзиля были свои планы, когда он с ружьем пошел
в лес. Еще когда ставили палатку, разжигали костер, он раз-
глядел на высокой скале, нависшей над берегом, одинокую

сосну, искривленную ветрами, морозами, жарой... Сосна каким-то чудом держалась на самом краю скалы, возле нее алены цветы. На такой высоте трудно было разглядеть и определить, что это за цветы, даже опытному ботанику, а Рамзиль не знал, кроме колокольчиков да незабудок, пожалуй, ни одного лесного цветка. Вот и хотел он сейчас проявить «рыцарство», сорвать со скалы цветы и преподнести их девочке и снова расположить ее к себе. А ружье Рамзиль взял больше для фасона...

Хамит рассказывал девочке о своей школе, ребятах, которые летом помогают взрослым в поле, пасут скот, работают на пришкольных участках, на заработанные деньги потом совершают туристические поездки, бывали уже в Ленинграде, Москве, Киеве... Собираются года через два проехать по Байкало-Амурской магистрали.

— Это же так интересно! — закончил Хамит свой рассказ. — Только вот жалко, нам нечего будет строить. Пока мы окончим школу, дорога уже полностью будет закончена.

— Сабир Идрисович нам говорил, что для каждого поколения дел много, лишь бы желание было, — сказала девочка.

— Дел-то и вправду много, но БАМ-то всего один!

Их разговор прервал выстрел.

— Неужели Рамзиль стрелял? — Хамит вылетел из палатки. За ним побежала Мадина.

Ветер уже разогнал тучи, и солнечные лучи скользили по земле, бликами играли в лужах, волнах Агидели, освещали омытые дождем листья, которые сияли, как ранней весной.

— В кого же он стрелял? — смотря по сторонам, спросил Хамит.

— Может, он просто так, в воздух пальнул?

— В заповеднике вообще нельзя стрелять! Нельзя зверя пугать! Это же закон! Неужели вы таких простых вещей не знаете? — рассердился Хамит и закричал: — Рам-зи-иль!

— Тут я, тут! — выходя на поляну, отозвался Рамзиль.

— Ну и вредный же ты! — И девочка сильно ударила мальчишку по щеке. — Вот тебе!

— Ты?.. Меня?.. — побледнел Рамзиль и разъяренным быком пошел на девочку. — Чтоб девочке я простил пощечину?!

— А ну отступи! — встал на пути Рамзиля Хамит, вырвав у него ружье из рук. — Не то будешь иметь дело со мною! Не посмотрию, что ты верзила со шрамом!

— А-а-а! Сговорились! Двое против одного! Нужно мне марать руки об вас! — И Рамзиль, плюнув в сторону, пошел к палатке. — Ружье давай!

— Возьми, но смотри, если еще раз выстрелишь, сам отведу тебя к леснику, и отец твой не поможет! — осадил Рамзиля Хамит и бросил ружье.

— Ты чего бросаешь? Знаешь, сколько оно стоит?

— Знать не хочу! Разбить бы его надо!

Когда Рамзиль скрылся в палатке, Мадина сказала:

— Неужели Сабир Идрисович не найдет нас?

Она помолчала, глядя вдаль, потом вздохнула:

— Как я жалею, что села в его лодку... Спасибо еще тебе, что не оставил нас одних. Что бы мы без тебя делали? Твоя деревня-то теперь далеко?

— Почти рядом — километра четыре...

— Пойдем в палатку, — предложила Мадина, — что-то знобит.

— Можно, — неохотно согласился Хамит.

И тут вышел из палатки Рамзиль и как ни в чем не бывало, широко улыбаясь, спросил:

— Хамит, ты хочешь что-нибудь хорошее сделать для дамы сердца?

— Для какой еще дамы? — насупился Хамит.

— Ладно прикидываться, не вижу разве, что Мадина нравится тебе!

— Еще скажешь слово, и я тебе действительно второй шрам поставлю!

— Ну чего ты скрытничаешь? Что Мадина понравилась тебе сразу, даже без очков видно.

— Замолчишь ты или нет? — подступил к Рамзилю Хамит.

«Капитан» точно не слышал «профессора» и не видел его разъяренного лица, сжатых кулаков. Насмешливо поглядывая на Мадину, он продолжал:

— Спроси хоть у самой Мадины. Она в школе многим нравится, а ей никто... Про меня говорит, что я оболтус, лентяй, зазнайка... Да я на это не обижаюсь...

— Рамзиль, перестань, как тебе не стыдно! — сверкнула черными глазами девочка. — Хамит, не слушай его...

— Разве я не правду говорю? — продолжал, хмурясь, Рамзиль. — Вот ты хоть очкарик, а вижу, понравился ей... Отличник, наверно?

— Разве это плохо, если человек учится на отлично? — спросил Хамит. — Я впервые слышу, что хорошая учеба порок! Мадина, ты как думаешь? — Хамит теперь явно высмеивал глупые слова Рамзиля.

— Я тоже не знала, что глупцы ближе душе Рамзиля. —

Девочка громко рассмеялась.— Расскажу девочкам про такое диво!

Рамзиль стоял обескураженный, видно, такого поворота разговора он не ожидал. Он-то хотел посмеяться над «профессором».

— Ну что вы взъелись? — примирительно начал Рамзиль, что уж вообще на него не походило.— Я ведь и вправду хочу, Хамит, предложить тебе одно дело. Вон видишь на скале возле сосны цветы?

— Вижу, ну и что? — Хамит поднял вверх голову, близоруко сощурился.— Это гвоздички полевые. Они растут на сухих местах, рядом с соснами.

— Меня интересует не то, где они растут. Вот давай сорвем эти цветы и подарим Мадине. Ну как? — хитрая усмешка застыла на губах Рамзиля.

— Высоко же! Как вы доберетесь до них? — сказала Мадина, но в черных глазах появилось любопытство.

— Мы рыцари или нет?! — вызывающе посмотрел на Хамита Рамзиль.— Вот я и предлагаю принести эти цветы для нашей Мадины.

— Что ж, я согласен! Я полезу!

— А почему ты, а не он? — спросила вдруг Мадина.— Он подал идею, а взбираться на такую кручу тебе? Хитер ты, Рамзиль!

— Ну и что, я полезу...— согласился Хамит и стал смотреть, с какой стороны легче подняться на скалу.

— Зачем же ты, давай вместе,— сказал Рамзиль.

Ребята не знали, что он собирался в одиночку взобраться на скалу, сорвать цветы и вручить их Мадине, чем сразу бы, конечно, реабилитировал себя в ее глазах. А этот очкарик Хамит немедленно поблек бы и понял, кто он есть. Но, взяв ружье и побродив вокруг скалы, Рамзиль понял, что ему не подняться на такую высоту, да еще по такой крутизне. Одно дело, оказывается, лазить в городе по крышам и чердакам, а тут требовались смелость, ловкость и умение. Рамзиль понял, что план его сорвался и он ничем не может привлечь внимание Мадины, ради которой он и отправился в такое путешествие. Тем сильнее стало его желание унижить Хамита. И вот он решил испытать «профессора» на смелость.

— Давай на равных,— предложил Рамзиль.— Мы будем тащить жребий. Кто вытянет короткую палочку, тот и полезет за цветами.

Отвернувшись, он поднял прут и, сломав две палочки, сказал:

— Одна из них короткая. Тяни...

Хамит, не раздумывая, вытащил из пальцев Рамзиля палочку...

— Везучий же ты! Короткую вытащил! — с сожалением сказал Рамзиль и кинул палочки в кусты.

— Говорил же сразу, давай полезу, а то придумал еще какие-то палочки тянуть! — обрадовался Хамит.

— А если не заберешься, что тогда я тебе сделаю? — нагло спросил Рамзиль.

— А что ты ему должен сделать? — заступилась Мадина.

— Как же, раз не выполнил твое желание! — отпарировал Рамзиль и с победным видом взглянул на Хамита.

— Рановато радуешься, капитан! — ответил Хамит. — А что мы сделаем тебе, если я достану цветы?

— Почему «мы»? Быстро же ты стал «мы», — подковырнул Рамзиль.

— Как же иначе, ты все затеял, какую-то еще расплату требуешь, — заступилась за Хамита Мадина. — Нет бы у меня спросить, как я отнесусь, если Хамит не принесет цветы.

— Ладно спорить, я полез. Достану цветы и потом все скажу, что я думаю... — И Хамит полез на скалу.

При последних словах «профессора» зеленоватые глаза Рамзиля растерянно забегали по сторонам.

Первые метры Хамит поднимался довольно быстро. Он каким-то чудом находил уступы на почти гладких боках скалы, тонкие пальцы цепко хватались за корни деревьев, обрывками каната висевших и торчавших из расщелин. Его худенькое тело, казалось, прилипало к скале, когда он ступал по карнизу шириной с ладонь, и он подолгу стоял, выбирая место, куда бы ступить дальше. Порою Мадина хотела крикнуть, чтобы он возвращался, забыл про цветы, но вспомнила слова учителя о том, что нельзя окликать человека, идущего по опасной тропке: можно напугать его, он потеряет равновесие.

— Ловкий чертяка! — с завистью заметил Рамзиль.

Ему сейчас казалось, что и он, наверное, мог бы вот так же карабкаться по отвесной стене скалы и добраться до цветов. И зачем он подсунул Хамиту короткую палочку? Разве Хамит ловчее, чем он? Рамзиля разбирала обида еще оттого, что он видел, с каким восторгом и в то же время с тревогой следила Мадина за каждым шагом Хамита.

— Ой! — вскрикнула Мадина, когда из-под ноги Хамита выскользнул камень и с грохотом покатился вниз, а мальчик повис на одних руках, пока чудом не нащупал ногой небольшой выступ.

Хамит услышал ее крик, инстинктивно глянул вниз. Он еще мгновение постоял на этом опасном месте, потом перевел взгляд вверх, ухватился за корень, поставил ногу в расщелину и подтянулся. Он стоял на вершине скалы, где росла одинокая сосна, а возле нее алели маленькими фонариками полевые гвоздички. Передохнув немного, Хамит сорвал три цветка, аккуратно положил их за пазуху и с высоты птичьего полета глянул на красавицу Агидель. Плененный красотой реки, лугов, гор, поросших густым лесом, облаками, плывущими над рекой, освещенными теплыми лучами солнца, он не слышал крика Рамзиля.

— Вот размазня! — сердился Рамзиль. — С таким трудом взобраться и сорвать всего несколько цветков! Разве это букет? Кому же он другие оставил?

— Тебе! — съязвила Мадина. — Вот ты тоже покажешь свою ловкость...

— Почему ты злишься? Что бы я ни сказал о профессоре, тебе обязательно надо шпильку вставить, — обиделся Рамзиль.

— Ты не понял?

— Нет.

— Странно. Не заметил ты, что все неприятности сегодня только из-за твоих выдумок: чуть не утонули — раз, если б не Хамит, не знаю, как бы мы выбрались из пещеры — два, ты подло бежал, бросил Хамита и опять же он спас нас... Мало?

— Не он, а Фатых-агай на моторке...

Мадина не ответила. Махнув рукой на слова Рамзиля, она побежала навстречу Хамиту, который спускался со скалы по другому склону далеко от палатки.

— Никуда он не денется, принесет твои цветы...

— Да ну тебя! — Мадина припустила во весь дух к Хамиту.

— Страшно было? — запыхавшись спросила она, подбежав к мальчику.

— Спускаться тяжелее... Вверх лезешь — видишь все, а обратно только на ощупь... Вот тебе цветы, — и Хамит, краснея, протянул девочке три гвоздички.

Это были первые в его жизни цветы, которые он подарил девочке.

— Какие красивые! — тихо сказала Мадина.

— Правда, нравятся?

— Очень!

Рамзиль некоторое время издали ревниво наблюдал, как

Хамит и Мадина душевно разговаривают и весело заливаются смехом, что-то рассказывая друг другу, а потом взял ружье и скрылся в чаще — видно, снова хотел чем-то досадить им.

Хамит и девочка подошли к палатке. Хамит подбросил в костер сухих веток, Мадина взяла кружку и пошла к реке за водой, чтобы поставить в нее цветы. Девочке сейчас так было хорошо и радостно, что забылись все недавние волнения, прошла обида на Рамзиля. Хамит тоже чувствовал себя сейчас менее скованно. Теперь Мадина не казалась такой гордой, как в первые часы знакомства. Хорошая, простая девочка. И просьбы ее больше не настораживали Хамита. А ведь еще совсем недавно ему казалось, что она вместе с Рамзилем так и пытается поддеть его. Никогда бы он не подумал, что обыкновенные полевые гвоздики могут так внезапно открыть душу человека.

Мадина поставила цветы в кружку с водой и, улыбаясь своим мыслям, неторопливо возвращалась к костру. Хамит глядел на нее и тоже улыбался. Вдруг девочка остановилась, не доходя до костра шагов пять, побледнела.

— Там!.. Там!.. — шептали ее губы.

— Что там? — все еще улыбаясь и думая, что его разыгрывают, спокойно спросил Хамит.

— Там... Рамзиль...

Из кустов с перекошенным от страха лицом выскочил Рамзиль.

Он остановился, глядя на ребят бессмысленными глазами, и долго не мог ничего сказать. Потом, с трудом передвигая ноги, подошел к костру, опустил на землю и только тогда тихо вымолвил:

— Такое ружье потерял!

— Да что случилось, что с ружьем? — допытывалась Мадина.

— Такое ружье загубил! — повторил Рамзиль. — Только выхожу на полянку, навстречу — медведь. Громадный такой, лохматый. Я бы мог, конечно, садануть в него из ружья, да что-то рука не поднялась...

Рамзиль, разумеется, не мог открыто признаться, что ружье он сразу бросил и не знал, куда себя девать.

— «Мог садануть!» — передразнил Рамзиля Хамит. — Скажи спасибо, что не выстрелил, не разозлил медведя. Он в эту пору сытый, мирно настроен. А то бы тебя сейчас уже и не было...

Рамзиль и сам не мог поверить в свое счастливое спасение: медведь его не тронул, не погнался даже, просто грозно

прорычал. Он же, Рамзиль, повернулся и бросился бежать... Но как признаться в своей трусости?!

— Это уж как знать!

Как ни храбрился Рамзиль, было видно, что он не оправился от испуга. Предательски дрожали руки, когда он взял кружку с чаем. Заметив пристальный взгляд Мадины, он поставил кружку на землю.

— Вроде моторка тарахтит,— прислушиваясь, сказал Рамзиль и как-то сразу воспрянул духом, словно почувствовал, что с появлением новых людей забудется, как страшный сон, встреча с медведем. Как Рамзиль ни храбрился, как ни старался делать вид, что ничего особого не произошло, он понимал, что ему надо сделать немало добрых поступков, чтобы поднять себя в глазах товарищей. Хватит ли у него на это сил?

Из-за поворота реки показалась моторная лодка.

— Это Сабир Идрисович! — крикнул Рамзиль.— Наверно, искал нас и вот... Ничего ему не говорите о встрече с медведем, про пещеру...

Из лодки вышел крепко сложенный, коренастый мужчина в резиновых сапогах.

— Это же Габдулла-агай! — признал в мужчине знакомого Хамит.

— Ба! Хамит! Ты-то откуда тут взялся? — подойдя к костру, спросил мужчина и оглядел незнакомых ребят.

— Ехал домой, да лодку водой унесло...— виновато сказал Хамит.— Хорошо вот они пристали к берегу, попросился к ним...

— Молодцы! Не бросили парня в беде! — похвалил Габдулла-агай.— Да, случаем вы не из тех, кого разыскивает Сабир Идрисович?

— Габдулла-агай, а где Сабир Идрисович? — робко спросила Мадина.

— Хороши ученички, нечего сказать! — рассердился вдруг Габдулла-агай.— Да он вас который час по всей округе ищет! Плот поставили тут недалеко, разбили там палатки, на ночь приготавились. Встречает каждую лодку и спрашивает, не видели ли оранжевую резиновую лодку с двумя ребятами — девочкой и мальчиком в ней. Учитель места себе не находит. Вы, говорят, назначили встречу у пещеры, а сами сбежали оттуда, оставили на берегу какого-то мальчишку! Где он сейчас?

— Тот мальчишка, которого они оставили,— это я,— не поднимая головы, сказал Хамит.

— Ты? Ничего не понимаю! — развел руками Габдулла-агай.

Хамит сбивчиво рассказал, как он на лодке вместе с Фатых-агаем возвращался домой и как на порожищем перекате спасли терпевших бедствие ребят... Потом Фатых-агай оставил его со спасенными, чтобы отогреть их и дожидаться тут учителя...

— Ладно, собирайтесь. Там учитель и ребята заждались вас.

Минут через тридцать Габдулла-агай приплыл с путешественниками к отлогому берегу, где был причален плот и ребята готовились к ночлегу. Тарахтение моторки привлекло внимание школьников. Они оставили свои занятия и подбежали к воде. Солнце уже было низко, пряталось на ночной покой за дальние горы. Лучи его сделали реку похожей на расплавленный металл. Ребята увидели, что буксируемая резиновая лодка пуста... На берегу сразу стало тихо-тихо.

— Поднимитесь,— сказал Рамзилью Габдулла-агай.— Видите, как они ждут вас.

Мадина, Рамзиль и Хамит встали.

— Ура-а-а!

— Нашли!

— Мадина! — махая руками на берегу, кричали ребята.

— А почему они тебе не рады? — спросил Габдулла-агай. И сам себе ответил: — Да, брат, не завидую я тебе! Сложное у тебя положение. Отчего же ты так себя поставил? Нехорошо.

Рамзиль опустил голову. Ему была не мила ни самая лучшая резиновая лодка в округе, ни путешествие, где было столько приключений.

— Сабир Идрисович, получайте своих беглецов,— пристав к берегу, сказал Габдулла-агай.

— Где же они были? — взволнованно спросил учитель.

— Сабир Идрисович, дело к вечеру. Нам с Хамитом надо отправляться дальше, а вам желаю отдохнуть после дневных волнений и благополучно вернуться домой. Хамит, попрощайся с ребятами и айда в моторку,— сказал Габдулла-агай и неторопливо, вперевалку направился к берегу.

Хамит попрощался за руку с Рамзилем:

— Не вешай носа, Фатых-агай говорит — каждый человек может ошибаться, это не главное.

— А что же тогда главное?

— Главное — исправить ошибку и больше никогда не повторять ее.

— Думаешь, легко исправить?

— Если бы было легко, то это не было бы главным в жизни! Неужели не понятно? — Хамит еще хотел сказать, что жить надо честно и не хитрить с одинаковыми прутиками, лишь бы самому не лезть на отвесную скалу. Вместо этого сказал: — Видишь, как поранил ладонь о камни?..

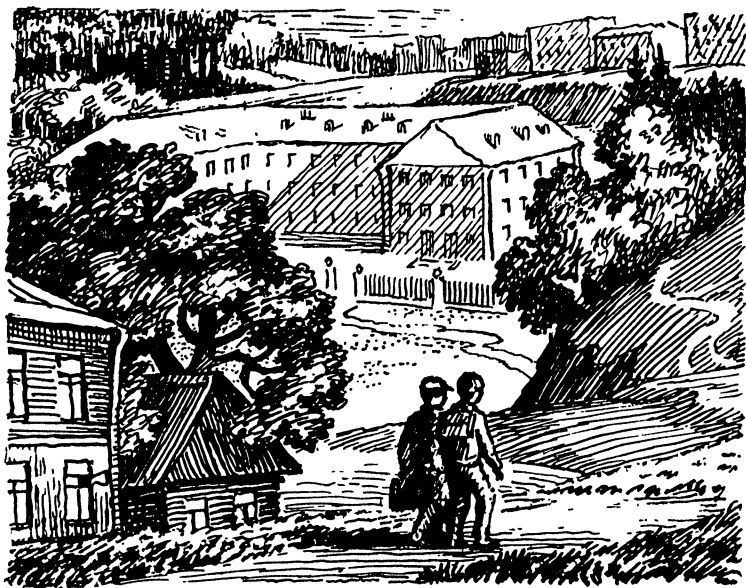
Мадина проводила Хамита до самой лодки и пригласила его приехать в город к ней в гости. Чтобы все услышали, она громко сказала:

— Ты, Хамит, настоящий товарищ и смелый!

КЛЕН ОБНОВЛЯЕТ ЛИСТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знакомство с Гюльнáрой. Как она встретила свой день рождения и почему солнце, стоявшее над головой, показалось ей мутным

У каждого времени года есть своя красота. Сентябрь — первый месяц осени, но он ничем не хуже остальных месяцев. Сентябрь — ярче и многокрасочней других месяцев года. Листья только одного сентябрьского клена имеют десятки оттенков — от темно-фиолетового до бордово-огненного; золотятся березки; среди сизых листочков шиповника гранатовыми камнями светятся ягоды с колючими султанчиками... И среди такого многоцветья изумрудными вкраплениями стоят тополя, тонкоствольные елочки.

А как красив в тихую солнечную погоду полет серебряных нитей паутины или бесшумное падение листьев, пока еще редких, и этим самым навевающих грусть по уходящему веселому лету...

А какое богатство плодов и красок в эту пору в садах и огородах! Глаза разбегаются от щедрости цветовой гаммы, грудь не насытится медовым ароматом яблок, сладковато-

прелым запахом уставшей за лето земли, которая щедро взрастила как любящая мать все эти дары природы, чтобы порадовать нас — людей...

И вы, наверно, заметили, что в это время года горизонт отодвигается. На улицах, в парках, садах становится просторней, светлей, небо выше, озера и реки отливают голубизной. Как славно в эту пору оказаться в лесу или на лугу! Вскинешь голову вверх — ударят в глаза неяркие лучи алого осеннего солнца и невольно выжмут из твоих глаз горячие слезы. Быстренько смахиваешь ладонями эти слезы радости и стремительно мчишься вперед... Мгновения эти подобны полету! И чем ты дальше бежишь, тем больше удивительного творится вокруг тебя: вдруг начинает петь земля — поют кустики, деревья, каждая жухлая травинка, а на небе словно звенят серебряные колокольчики... И тогда, подняв лицо к солнцу и крепко закрыв глаза, широко раскинув руки в стороны, как крылья, снова бежишь по лугу. И вот тут-то ты почти реально чувствуешь, как отрываешься от земли и летишь...

Город, в котором живет Гюльнара, совсем маленький и очень похож на деревню. В течение получаса из центра можно легко добраться пешком до окраины и оказаться на берегу Агидели, которая широко разлилась здесь. Гюльнара любит выходить на балкон своего трехэтажного дома и смотреть вдаль. Отсюда хорошо видны колхозные поля, комбайны, убирающие хлеб, снующие машины, люди...

— Ох, Гюльюзум-апай¹, какой у вас красивый город! — говорят частенько гости матери Гюльнары. — Такой городок маленький, уютный, а воздух чистый, как в деревне!

— Что верно, то верно, городок наш славный, хотя и небольшой, — отвечает тетушка Гюльюзум и в душе рада, что их ничем не знаменитый город нравится приезжим.

Тетушка Гюльюзум добрый и хороший человек. Об этом говорят и соседи и знакомые. Гюльнаре иной раз даже становится неловко слышать столь похвальные слова о своей матери. Бывали случаи, когда люди, даже ни разу не встречавшиеся с Гюльюзум-апай, и то хвалили ее. Конечно, девочке приятно слышать добрые слова о матери. Она частенько задумывалась, почему совсем незнакомые люди так хорошо говорят о тетушке Гюльюзум. Ведь ее мама не знаменитый ученый, не известная актриса, не олимпийская чемпионка, а самый обыкновенный человек — работает на заводе сборщицей, депутат городского Совета. «Депутат — значит, мама выпол-

¹ Ап ай — тетушка.

няет волю народа и все делает для того, чтобы людям было хорошо,— сделала для себя первое открытие Гюльнара.— Раз она делает людям хорошо, выходит, за это ее хвалят даже те, кто ни разу с мамой не встречался по делу. Просто такой человек слышал о маминой доброте, внимательности, чуткости, большой принципиальности... Не зря же иной раз к нам приходят незнакомые люди и делятся с мамой своим горем, просят совета...» — размышляла Гюльнара. Она так обрадовалась своей догадке, что даже вскочила и захлопала в ладоши:

— Теперь я знаю, почему мою маму любят! Знаю, почему люди говорят о ней хорошие слова, хвалят!

И у девочки стало так хорошо на душе, что она подошла к зеркалу, посмотрела на свое отражение и сказала:

— Моя мама — депутат! А я ее дочь Гюльнара, вот так! Мою маму все люди города знают!

В тот день Гюльнара задала себе вопрос, который испугал ее: достойная ли она дочь своей мамы? Если маму все хвалят, говорят о ее делах самые добрые слова, то отсюда вовсе не следует, что это относится и к ней — Гюльнаре, хотя ее имя очень похоже на имя матери. Слава и почет приходят к человеку только за добрые дела и уважение к людям, за умение принимать чужую боль, как свою.

Гюльнаре на днях исполнится тринадцать лет. Она ведет по дому все хозяйство: полы моет, за продуктами в магазин ходит, если надо — и фартук себе сошьет, и свяжет кружево, уроки вовремя приготовит.

Всему этому научила Гюльнару мама.

Гюльнара сентябрь любит больше других, в сентябре у нее день рождения. В этот день девочка просыпается обычно рано. Солнечные лучи падают ей на лицо. Она лежит с закрытыми глазами в ожидании, когда кукушка на стенных часах высунет пеструю головку и прокукует ровно десять раз.

А Гюльнара лежит и с замиранием сердца слушает кукование, и кажется девчонке, что птица приоткрыла ей какой-то секрет.

По обыкновению, Гюльюзум-апай в этот день спозаранку пошла в город, чтобы купить в магазине торт, на базаре — цветы.

А Гюльнара, укрывшись с головой, лежит в своей комнате и ждет с нетерпением начала праздника...

Что-то мама не заходит к ней, да и кукушка не приветствует ее. Неужели еще нет десяти? Девочке хоть краешком глаза хочется взглянуть на стол — сюда всегда мама ставит подарок.

День рождения Гюльнары тетушка Гюльюзум тоже ждет с большим волнением. А все потому, что Гюльнара появилась на свет, как говорит Гюльюзум-апай, одновременно и горем, и утешением, и радостью. Если вдуматься, то такие три качества не часто выпадают на долю человека. Гюльнара, может быть, и не поверила бы этому, но мать всякий раз, лаская и легонько похлопывая ее по спине, приговаривает:

— Ох ты моя единственненькая!

Разумеется, Гюльнара еще недопонимает, как это она может быть и горем, и утешением, и радостью? Но ничего, а пока Гюльнара живет-поживает, обладая этими тремя качествами.

— Почему ты меня так называешь? — как-то спросила Гюльнара у матери.

— Когда вырастешь, доченька, тогда и поймешь, — ответила Гюльюзум-апай.

Уж таковы, видно, взрослые, хотя и знают, но ничего толком заранее не говорят. Любят подчеркивать, что прожили дольше тебя. Ну что же, и она проживет столько и будет знать не меньше.

Сегодня Гюльнара не выдержала, она чуточку приоткрыла краешек простыни и взглянула на стол. И как же радостно заколотилось сердце! На столе в вазе пламенели гвоздики, которые любили ее мама и папа. А еще что-то лежит в целлофановом пакете. Что там может быть? Что-то голубое-голубое... Теперь Гюльнара уже с трудом сдерживала свое любопытство, она готова была вскочить и развернуть пакет. Однако девочка взяла себя в руки и не поднялась с постели. Нельзя! Терпению Гюльнара научилась у матери.

Наконец-то прозвучало первое «ку-ку». Больше девочка не выдержала, не дожидаясь десятого «ку-ку», отбросила простыню, вскочила и подбежала к столу. Прижала сверток к груди и, прыгая босиком вокруг стола, стала напевать:

— Ур-ра-а! Мой день рождения! Мой день рождения! Ал-ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Гюльнара развернула сверток и замерла от радости — мама купила ей спортивный костюм, о котором она так мечтала! Ах, какой красивый! Голубой-голубой, с белыми полосками и отложным воротником. И когда же только мама накопила деньги и как она узнала, что Гюльнара мечтает о таком спортивном костюме? Ведь она даже намека не делала, зная, как маме нелегко сводить концы с концами.

Такой спортивный костюм Гюльнара видела у своей подруги Танзилі еще в прошлом году. Ее подруга, конечно, могла иметь такой костюм, ведь у нее есть отец. А у Гюльнары нет

отца. Весной, когда Гюльнаре было пять лет, ее отец утонул в Агидели.

На стене висит его большой портрет. Отец был такой же приветливый, как ее мать, с открытым взглядом ясных глаз. Гюльнара хорошо помнит, как отец, придя с работы, брал ее на руки и подкидывал до потолка, потом ласково прижимал к груди. И если ее щеки касались его бороды, Гюльнара верещала от щекотки и громко-громко смеялась. А когда она вспоминает отца, мама говорит грустно, но в то же время гордо:

— Твой отец был добрым и смелым. Он погиб, спасая человека.

Тетушка Гюльюзум никогда не говорит об отце Гюльнары, что он «умер», а говорит «погиб». Потому что он действительно погиб.

Весной во время ледохода на Агидели на берегу собралось много народа, чтобы посмотреть величественное зрелище — ледоход! Льды, грохоча, громоздились друг на друга, ныряли в темную воду, крошились. И вот в такой момент обвалился подмытый берег, и молодая женщина оказалась в воде. На какой-то миг люди растерялись, засуетились, закричали. А женщина с трудом держалась за льдину и от страха не могла даже молвить слово. И тогда отец Гюльнары прыгнул с крутого берега в воду. Он уже помог тонущей выбраться на льдину, но тут ударила сбоку другая льдина, и женщина снова упала в воду. За ней нырнул отец Гюльнары и... больше уже не показался на поверхности реки...

После долго соседи, да и совсем незнакомые люди, приходили к ним домой и выражали им свое соболезнование. Гюльнара была маленькой, однако хорошо помнит, сколько народу шло за гробом и как все сожалели о гибели такого хорошего человека.

И остались они с мамой одни на белом свете.

В этот день девочка не могла не думать о прошлом. Гюльнара вспомнила свою поездку в Москву. Такой подарок ей преподнесла мама год назад. Она ехала в столицу по делам и взяла с собой Гюльнару. Поездка эта совпала с Днем Победы.

Девочка сначала даже не поверила, что мама берет ее с собой. Но когда сели в самолет и он взмыл в голубое небо, Гюльнара поняла, какое счастье ей выпало. Она почти всю дорогу, а пожалуй, вернее сказать, весь полет молчала. Ведь Гюльнара впервые летела на самолете. Раньше она только читала, как хорошо и интересно летать на самолете! Даже

трудно верится, что такая огромная стальная птица со ста пассажирами на борту так легко отрывается от земли и быстро набирает высоту около десяти тысяч метров. Подумать только! Гюльнара летит над землей на высоте десяти километров! А как интересно смотреть в иллюминатор на проплывающие внизу облака, похожие на сугробы первого снега! Облака, оказывается, бывают самых различных цветов. Главное, она открыла для себя, что вовсе нет белых облаков, а есть голубые, светло-голубые, розоватые, подсвеченные лучами солнца, шафрановые и даже коричневые... И если с земли облака похожи на причудливых животных, сказочных птиц, старинные крепости, разные города, то сверху они напоминают громадные сугробы снега разных оттенков.

А как смешно выглядят с такой высоты города и поселки! Даже самые большие города видны от одного конца до другого, будто лилипутские государства, в которых побывал Гулливер. Могучие реки кажутся темно-синими ниточками, точно котенок распустил клубок и растянул нитки в разных направлениях... И на всю эту красоту глядишь не наглядишься...

Каждый, кто хоть раз побывал в Москве, наверно, уже никогда не сможет забыть ее. Гюльнара, как и многие ребята и девочки, представляла нашу столицу по книгам, кинофильмам и, казалось, знала ее неплохо: могла назвать все железнодорожные вокзалы, хорошо запомнила некоторые станции метро, знала и такую достопримечательность города, как Останкинская башня. Она могла назвать Третьяковку, где собраны лучшие полотна выдающихся русских и советских художников, музеи А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова... И совсем было бы стыдно не знать, где находятся ВДНХ и Аллея космонавтов. И все же когда Гюльнара вышла из самолета в Домодедовском аэропорту и на автобусе приехала на Центральный аэровокзал на Ленинградском проспекте, она почувствовала, что почти совсем не знает свою столицу. И как она благодарна была маме за то, что получила возможность походить по улицам и площадям столицы... Самое главное, что запомнилось ей, — Красная площадь! Сколько раз Гюльнара видела эту самую красивую площадь на земле в кино, на фотографиях в солнечный день и дождливый, однако увиденное наяву оказалось превыше всего. А тут еще им посчастливилось побывать на Красной площади в День Победы! Людей было море! Радостные лица светились от счастья. Сюда собрались те, кто разгромил фашистские орды, и те, кому был дорог мир. Площадь была так красиво украшена и у людей в руках было столько ярких цветов, что ка-

залось, что это не площадь, устланная каменной брусчаткой, а гигантский живой ковер из цветов!

Вечером Гюльнара долго гуляла с мамой по светлым и нарядным улицам Москвы, а потом смотрела красочный салют в честь праздника, и небо столицы было расцвечено букетами ярких, многокрасочных цветов фейерверка.

И так всякий раз, когда Гюльнара становится на год старше, она вспоминает Москву.

Сколько себя помнит девочка, мама ей всегда говорила в день рождения: «Вот ты выросла еще на один год!» — и, обняв, ласково проводила ладонью по волосам.

Сегодня же мама сказала:

— Вот тебе исполнилось уже тринадцать! — и на ее глазах появились слезы. Значит, ее мама тоже может плакать. А знакомые говорят, что мама — сильная, мужественная!..

— Что с тобой? — растерялась Гюльнара и испуганно посмотрела на маму.

— Ничего-ничего, это от радости... Вот ты уже почти и взрослая!..

Разве плачут от радости? Получит дочь пятерку по математике или похвальную грамоту, мама радуется, а не плачет... Бывает, Гюльнара плачет, но это если кто-то ее обидит, а от радости такого с ней не бывало никогда!

— Нравится тебе спортивный костюм? — спросила мама, ласково глядя на дочь.

— Очень! Я так давно мечтала о таком костюме!

Помогая матери накрывать на стол, Гюльнара думала о своей душевной подруге Танзиле. Она представляла себе, как войдет в квартиру Танзиля, поздравит ее с днем рождения и ахнет:

«Гюлечка, какой у тебя отличный спортивный костюм! Глаз не оторвешь! Как он идет тебе! Дай и я примерю».

Конечно, хозяйка ответит ей:

«Пожалуйста! Но он тебе будет, наверно, немножко великоват, ведь ты пониже меня...»

А гостя будет крутиться у зеркала и будет повторять:

«Ах, какой оригинальный воротничок! Ах, какое сочетание цветов!»

Уже стол накрыт, уже Гюльнара чай попила с тортом, а подружки все еще не было. «Неужели она забыла, что сегодня у меня день рождения? — вдруг подумала Гюльнара и от обиды чуть не заплакала. — Ведь должна же я в этот день поделиться с кем-нибудь своей радостью!»

Мама заметила, как упало настроение у дочери, и догада-

лась, что Гюльнара кого-то ждет. Желая отвлечь дочь, Гюльюзум-апай попросила помочь вымыть посуду и прибрать в доме, ведь сегодня такой день, что могут прийти гости. Гюльнара поняла, что мама почувствовала ее состояние...

— Мапочка, какая ты у меня хорошая! — воскликнула девочка и поцеловала маму. И вдруг зазвонил телефон. «Она!» — подумала Гюльнара и подняла трубку. Ее ждало разочарование; она услышала голос Фанили, одноклассницы.

— Почему ты до сих пор дома? — поздоровавшись, сразу же начала с упрека Фаниля.

— А где я должна быть? — удивилась Гюльнара.

— Ты что, забыла?

— О чем? — еще больше поразилась Гюльнара.

— Как о чем? Сегодня же играем в волейбол с шестым «Б»!

— Ой! Я и вправду забыла! — всплеснула руками именинница.

— Вот так ты всегда! — упрекнула Гюльнару Фаниля. — Шестой «Б» с утра на спортплощадке, а мы никак не можем собраться. В общем, чтоб к двенадцати часам была в школе! Все! Я должна другим позвонить.

— Кто звонил? — спросила мама, когда Гюльнара положила трубку.

— Фаниля. Сегодня, оказывается, мы играем в волейбол. А я совсем забыла.

— Такие вещи, дочь, нельзя забывать, — сделала замечание Гюльюзум-апай. — Друзей подводить нехорошо, если даже у тебя дома очень большие торжества.

Гюльнара хотела сказать матери, что забыла она о спортивных состязаниях потому, что все время думала о Танзиле, уж очень хотелось показать ей новый костюм.

— А Фаниля — молодец! — сказала мать. — Видишь, как беспокоится за общее дело.

Да Гюльнара и сама знает, что Фаниля отличный товарищ. Не зря же она заводила в классе и капитан волейбольной команды! Если бы не черные косы, которые Фаниля всегда прячет под шапку, то ее можно было бы принять за мальчишку. Ходит она в джинсах, спортивной куртке, быстрая в движениях и никогда не дает спуска задиристым мальчишкам. Если сказать правду, то все даже побаиваются ее.

Думая о Фаниле, Гюльнара вспомнила и двух Заки из своего класса, мальчишек, очень похожих друг на друга. Одного Заки прозвали «Конфетка» за то, что он очень любил леденцы и сосал их даже на уроке. Второго Заки прозвали «Ходжа

Насреддин» за то, что он мог кого угодно обвести вокруг пальца.

Вообще-то у них в классе каждый имеет прозвище. Правда, все прозвища не обидные. И у Гюльнары есть прозвище — «Малышка». А получилось вот как. Однажды ребята пришли к ней домой делать уроки; вскоре вернулась с работы Гюльюзум-апай и с порога спросила:

— Где же моя малышка?

С тех пор и прилипло к Гюльнаре это прозвище.

И все же Гюльнаре обидно, что Танзиля не подает о себе вести. Если бы она не обещала прийти, то куда ни шло! И вдруг дверной звонок требовательно заверещал. «Она! Танзиля пришла!» — подумала Гюльнара и побежала открывать дверь. В дверях она увидела женщину, которая пришла к матери по депутатским делам. «Значит, не придет. Забыла, наверное», — грустно подумала Гюльнара и подошла к окну. И тут показалось ей, что и день стал пасмурней, и небо почему-то вдруг потемнело, и все потому, что не было подруги...

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как Гюльнара поссорилась с Сакинй и как она приходит к мысли, что в классе у нее теперь нет настоящей подруги

Пока Гюльюзум-апай о чем-то вела разговор с женщиной, Гюльнара оделась в спортивный костюм, сложила в сумку кроссовки, трусы и майку для волейбола.

— А что, Танзилю не будешь дожидаться? — спросила мама.

— Пожалуй, нет...

— Время же есть еще. Я сейчас испеку быстренько оладьи, поела бы...

— Нет-нет, ты же сама знаешь, что нельзя опаздывать, а перед игрой еще надо размяться.

Гюльнара выскочила в дверь, услышав вслед:

— Приходи с подругами! Не задерживайся. А то блинчики и беляши остынут!

— Хорошо! — ответила Гюльнара.

У подъезда ее ждал одноклассник, соседский мальчик Явдأت. Он держал руки за спиной и, смущенно улыбаясь, смотрел на Гюльнару.

— Ты какой-то смешной сегодня! — улыбнулась девочка. Она бы никогда так не сказала ему, если бы они встречались

тут каждый день. А то сколько лет живут рядом, учатся в одном классе, а он ни разу не ожидал ее у подъезда, и никогда они вместе не шли из школы домой.

— Почему же я смешной? Обычный...— и он робко протянул ей маленькую коробочку.— Это тебе... Транзисторный приемник... Сам собрал. Хочешь, включу? Правда, он ловит только уфимскую передачу...

— Включи.

Явдат нажал на белую кнопку, и зазвучала веселая музыка. Гюльнаре стало хорошо-хорошо, и забылась обида на Танзилю.

— Спасибо за подарок,— наконец поблагодарила Гюльнара.— Мне сейчас некогда, спешу на игру. Приходи часа через три к нам. Мама блины печет и беляши.

Явдата смутило приглашение.

— Некогда. Маме надо помочь по дому,— ответил он,— с братиком заняться... Ведь сегодня выходной.

Когда Явдат ушел, Гюльнара посмотрела ему вслед и подумала, что он совсем неплохой мальчик. «И откуда он узнал про мой день рождения?»

К школе она приближалась в хорошем настроении. Девочка рассматривала приемник и удивлялась мастерству Явдата. Самый тихий в классе мальчик сделал такой приемник. Правда, она знала, что Явдат занимается на станции юных техников, любит собирать модели. Шумных игр с ребятами он избегает, а после уроков сразу же бежит домой. У него есть младший брат, которого он всегда берет из детского сада. «Я тоже подарю ему что-нибудь на день рождения. Надо узнать только, когда же у него день рождения!» — подумала Гюльнара.

Рассматривая приемник, Гюльнара заметила на боковой стенке надпись, выцарапанную чем-то острым: «Гюльнаре в день рождения от Явдата». Девочка ласково провела пальцами по буквам и улыбнулась. И неожиданно вспомнила, как однажды Танзиля хотела угостить Явдата мороженым, но он покраснел и не взял. А так он к девочкам всегда внимателен, когда они идут классом в лес или на экскурсию куда-нибудь. Явдат никогда не сядет в трамвае, старается помочь в работе девочкам, когда бывают на школьных огородах. Такое поведение Явдата у некоторых ребят вызывает насмешку, другие чураются его. Отец Явдата за что-то был арестован. Пробовала однажды Гюльнара заговорить с ним на эту тему, но Явдат ушел от разговора, сказав только, что уверен: отец его ни в чем не виновен, какие-то люди возвели напраслину.

Возле школьных дверей Гюльнару окликнула Танзиля и позвала на школьный стадион.

— Разве не в зале будем играть? — спросила Гюльнару, забыв высказать ей обиду.

— Нет. Учитель физкультуры заболел. Вот я бегала за ключом. Ой, какой у тебя шикарный костюм! — обнимая подругу, заметила Танзиля. — А цвет-то какой чистый! Морская голубизна! И сидит он на тебе так, точно шит по тебе!

— Ну уж, скажешь! — смутилась Гюльнару, зная, как красиво одевается сама Танзиля. Видя, как ее рассматривают девочки, Гюльнару даже пожалела, что надела обнову. Девочки могли подумать, что она хвастается.

— Ты в нем похожа на нашу знаменитую гимнастку Эльвиру Сагдй! — продолжала расхваливать подругу Танзиля.

— Так уж и похожа! — смутилась Гюльнару, но в душе была довольна словами подружки.

Сакина, которая всегда приходила на тренировки и соревнования в спортивном костюме, на этот раз появилась в обычном платье. Капитан команды Фаниля отозвала ее в сторону и сделала замечание.

— Торопилась и забыла, — несмело оправдывалась Сакина.

— Как же ты мячи брать будешь? Как будешь падать? — возмущалась Фаниля. — Вон шестой «Б» пришел на час раньше нас, сделал хорошую разминку, а мы только начали...

— Сыграю не хуже других! — ответила Сакина.

После небольшой разминки Фаниля дала указание подружкам, кого как держать, куда кого выводить на третий удар, как ставить блоки... Девочки согласно кивали. Во время разминки она увидела, как осторожно, чтобы не испачкать новый костюм, берет мячи Гюльнару. «Ладно, после скажу, — сказала она себе. — Будто на парад пришла!» У Фанили еще больше испортилось настроение, когда капитан шестого «Б» Расул Нуралбаев крикнул:

— Тебе бы, Фаниля, надо было мальчишкой родиться! Ха-ха! Смотри, в каком ты страхе держишь свою команду!

— Телеграфный столб! Я же твою команду не трогаю, чего же ты боишься!

Обе команды захохотали, а Расул пожалел, что подковырнул Фанилю. Ведь он знал, что эта девчонка за словом в карман не полезет. И вот теперь, конечно, прозвище «Телеграфный столб» прилипнет к нему. А если сегодня шестой «Б» проиграт, то ребята могут лишиться его капитанского звания.

— Зачем прозвище-то дала? — улучив момент, тихо спросил Расул. — Я ведь тоже могу тебе прозвище дать...

— А ну, дай! Попробуй!

— Что с тобой сегодня? — пошел на попятную Расул. — Слова нельзя сказать...

Гюльнара заметила, что все обратили внимание на ее новый костюм. Ей совсем не хотелось снимать его. Но разминка кончилась, и надо было подготовиться к матчу. А тут подошел Расул к ее вещам и с любопытством стал рассматривать приемник, подаренный Явдатом. Потом он побежал к Сакине, что-то шепнул ей, засмеялся и отошел. Гюльнара слышала, как он произнес «Явдат».

Забравшись на судейскую вышку, как деревенский петух на забор, судья — ученик девятого класса Галимдәр — несколько раз приглашал команды на площадку.

Команда Расула уже стояла там, а вот команда Фанили еще не была готова. Когда же команда шестого «А» вышла на площадку, судья сказал, что Сакину без формы не допустит к игре. Снова в команде шестого «А» началась перепалка, девочки заспорили, кому играть, кому нет.

— Гюльнара, дай свой костюм Сакине поиграть, он же у тебя все равно лежит, — неожиданно предложила Фаниля.

— Я... Я сама сняла его...

— Ничего с твоим костюмом не случится, — сказала Сакина, прищурив маленькие глазки за стеклами очков.

— Почему же ты не взяла свой костюм? — робко сопротивлялась Гюльнара, уже представляя, как подруга испачкает в пыли ее новенький костюм.

— Я же говорила, забыла! Неужели не понятно?

— Ты всегда все забываешь! — уколола Гюльнара.

— Хватит вам спорить! — одернула девочек капитан команды.

В этот момент судья еще раз дал свисток и предупредил, что если команда шестого «А» через минуту не выйдет на поле, то он засчитает им поражение.

— Обе садитесь на скамью запасных. Дальше видно будет, — сердито заключила Фаниля.

Чуть не плача, Гюльнара села на самую дальнюю скамейку. Сакина бросила ей вслед:

— Ты как собака на сене. Сама не играешь, а из-за тебя и я. Кто теперь будет блоки Расулу ставить? Жадина! Новый костюм, видите ли, у ней!

— У тебя два костюма, теперь третий понадобился? — спросила язвительно Гюльнара.

Наконец обе команды выстроились на площадке. Соревнование на звание чемпиона школы началось. Игра шла с

переменным успехом. Но все-таки команда шестого «Б» постепенно набирая очки, стала уходить вперед. Капитан команды Расул без блока высокой Сакины легко вбивал «гвозди» на половине противника. После каждой удачной атаки Расул многозначительно поглядывал в сторону Гюльнары и потом шептал Фаниле: «Ну и как, Телеграфный столб дает? Нравится?» Это, видно, услышал судья. Он приостановил игру, подозвал к себе Расула и предупредил, если он еще раз заведет разговор с Фанилей, то будет удален с поля. Предупреждение, кажется, сильно подействовало на капитана. Он чаще стал посылать мяч то в сетку, то в руки противника, а то и в аут. Игра у шестого «Б» разладилась. Поняв, что они так могут проиграть, Расул взял минутный перерыв. Команды разошлись по противоположным сторонам площадки и начали совещаться. Сакина и Гюльнара по-прежнему сидели на скамейке запасных. Каждая из девочек думала, что если бы играла она, то победа непременно была бы на стороне их команды.

После перерыва команда Фанили заиграла лучше. Одно очко, второе, третье... Осталось еще выиграть четыре подачи. В перерыве, когда команды поменялись местами, Сакина под села к Гюльнаре и настойчиво попросила новый спортивный костюм:

— Фаниля сказала, чтоб я выходила на поле.

Гюльнара прижала к груди подарок матери.

— Жадина! — громко бросила Сакина.

Гюльнара опустила голову. Разве скажешь девочкам, что мама сделала ей впервые такой дорогой подарок и наказала беречь костюм, потому что в доме нет лишних денег. Гюльнаре и не надо было об этом напоминать. Мама перешивала ей свои старые платья и делала это так искусно, что в классе никто не догадывался, что красивая одежда у Гюльнары сшита из старого... Нет, что бы там ни говорила Сакина, а костюм Гюльнара не даст.

Сакина словно услышала мысли Гюльнары. Она вскочила на ноги и громко сказала:

— Подумаешь, новый костюм! Да он в базарный день десятки не стоит! У тебя, наверно, никогда ничего хорошего не было, вот ты и трясешься над ним!

— Что ты говоришь, Сакина? — заступилась за подругу Танзиля.

— Ты еще за нее заступаешься!

— А кто же за нее заступится, если не я, ведь она моя подруга!

— Ха, нашла подругу! Она уже давно тебя за подругу не считает! У нее друг появился — Явдат!

И тут наступила тишина, даже капитаны забыли давать наставления своим игрокам.

— Сакина, ты что говоришь? — спросила Танзиля.

— Расул! Расул! Иди-ка сюда! — Сакина позвала капитана шестого «Б». — Расскажи про Явдату...

— А чё тут говорить-то? Вон на приемнике написано... Ти-хо-о-о-ня!

— Ну и что из этого? — подступила к Расулу Гюльнара.

— А подарок как понимать? Ха-ха-ха!

— Да он подарил мне приемник на день рождения, — со слезами на глазах проговорила Гюльнара.

— Разве плохо получать подарки в день рождения? — напустилась Танзиля на Расула и обратилась к Гюльнаре: — Ой! Я совсем забыла с этим волейболом о твоём дне рождения! Гюля, прости меня, пожалуйста! Девочки, как можно в такой день так разговаривать с ней?

— Быстро же ты, Танзилечка, забыла ее предательство! — вмешалась в разговор Сакина. — Помнишь, как она тебя возле доски подвела? Сама-то она решила, а тебе ни слова не сказала. И ты после того случая все еще считаешь ее своей подругой!..

— Какое тебе дело до моей двойки? — оборвала ее Танзиля. — А знаешь ли ты, что потом Гюльнара занималась со мной целый месяц? А если бы подсказала, я б получила четверку, ну и толк-то какой от этого?

— Хорошо, двойка — не мое дело. Дружи с подругой, которая не выручает в нужное время. Тогда я тебе скажу такое, что ты закачаешься. Знаешь ли ты, что отец нашего Явдата в тюрьме сидит...

Ребята вдруг притихли и посмотрели на Гюльнара, будто она была виновата в этом.

— Ну и что? Разве Явдат виноват? Ты, Сакина, злая! Недобрая! Ты... Ты... — Гюльнара не могла произнести ни слова. Бережно взяв приемник, она побежала прочь...

— Гюльнара! Гюльнара! — устремилась за ней Танзиля, но Гюльнара уже не слышала ее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Почему Гюльнара пропустила уроки, и
встреча класса «А» со знаменитым гостем*

В понедельник школа гудела, как растревоженный улей. Все только и говорили о вчерашней игре в волейбол, которая была сорвана из-за Гюльнары. Будто бы когда команда шестого «Б» стала выигрывать у шестого «А», на площадке вдруг появилась Гюльнара и сорвала игру. А сделала это она потому, что ее оставили на скамье запасных. Подруги пытались якобы ее успокоить, но она нагрубила всем, расплакалась и убежала.

— Выходит, эта девочка хорошо играет в волейбол, если без нее команда проигрывала? — рассуждали одни.

— Если бы она хорошо играла, то зачем ее оставили на скамейке запасных? — возражали другие. — Нет, тут что-то не так.

Как бы там ни было, график встреч был сорван.

В понедельник Гюльнара не пришла в школу. За шесть лет учебы Гюльнара ни разу не пропустила уроки без уважительной причины. Если она заболела, то об этом извещали классного руководителя либо Гюльюзум-апай, либо сообщали подружки Гюльнары. А на этот раз никто ничего не знал. Спросили у членов волейбольной команды, как она вчера себя чувствовала, как выглядела, но те ничего толком не могли сказать, пожимали плечами и старались уйти от неприятных вопросов.

Вторым уроком в шестом «А» была литература, и вел ее Барый Анварович. Он, как всегда, негромко поздоровался, внимательно осмотрел класс и только потом сел за стол. Сняв очки, он старательно протер стекла и сказал так же негромко:

— Начнем урок литературы.

Это был, пожалуй, единственный учитель в школе, который никогда не повышал голоса на учеников. И от его спокойного голоса, проницательных карих глаз провинившемуся становилось стыдно, если он начинал журить за плохую оценку или нарушение дисциплины. Барый Анварович никогда не вызывал родителей. Ему было достаточно встречаться с родителями на собраниях. Он считал: если учитель вынужден вызывать родителей, то он плохо знает своих учеников, а ученики, выходит, не понимают его.

Вот и сегодня он внимательно оглядел класс и сел за стол. Ребята ожидали, что он спросит, почему нет на уроке Гюльнары. Отсутствие лучшей ученицы он, конечно, заметил. В классе

стояла такая тишина, что, казалось, было слышно, как растут на подоконнике цветы.

Особенно неловко чувствовала себя Танзиля. Барый Анварович знал, что она дружит с Гюльнаррой, и поэтому мог в любую минуту спросить, что с ее подружкой. А что она может ответить? Как ее обидели вчера? Или почему так плохо Сакина сказала о Явдате, за которого заступилась Гюльнара? Порою Танзиле даже хотелось первой начать разговор с ребятами о вчерашнем происшествии. Тем более что она — председатель пионерского отряда и за дружбу в классе, за хорошие отношения между ребятами прежде всего отвечает она. А может быть, во всем, что произошло вчера, в первую очередь виновата она? Забыла о дне рождения подружки, даже не позвонила Гюльнаре. Танзиля понимает, что Гюльнара ждала ее. И Танзиля могла позволить Сакине называть Гюльнару жадиной? Конечно, Гюльнара дорожит подарком матери. Это ей, Танзиле, легко обновы покупать — ее папа занимает большой пост, мама преподает в институте, а она у них единственная дочь. Любое желание дочери родители исполняют охотно. Но Танзиля никогда не задирает нос перед ребятами. А однажды мама подъехала к школе на «Волге», чтобы отвезти Танзилю домой, но девочка отказалась и от стыда покраснела. «Я приеду на трамвае!» — сказала она. Ребята потом долго вспоминали этот случай.

И еще одна интересная черта есть у этой красивой девочки. К ней не прилипают прозвища. Уж как только не называли ее! День-два поназывают ее новым прозвищем, на этом и кончается. Потом снова все: «Танзиля!» Ей самой не понятно, вроде бы она из другого теста — у всех есть прозвища, а у нее нет.

Вчера вечером Танзиля зашла к Гюльнаре, принесла ей подарок, но ее не оказалось дома. Гюльюзум-апай сказала, что Гюльнара отправилась проводить тетю. С соревнования пришла расстроенная. Вот и все, что Танзиля могла узнать.

Явдат сидит на предпоследней парте, положил перед собой «Родную литературу» и внимательно смотрит на Барыя Анваровича. По его виду Танзиля догадалась, что он ничего не знает, что произошло с Гюльнаррой на соревнованиях.

Перед Танзилей на парту упал клочок бумаги. Она развернула и прочитала записку, написанную рукой Фанили: «Танзук, перед самым началом урока мама Гюльнары вышла из кабинета директора». «Значит, с жалобой приходила, — решила Танзиля. — Эх, Гюльнара, зачем же ты обо всем рассказала матери? Мы могли бы и сами разобраться». Но тут

же подумала, что ее подруга не из таких и не могла она рассказать матери про их ссору, не могла!

Танзиля еще раз оглянулась на Явдата, и тот вдруг ей показал язык: вот, мол, тебе за обиду, нанесенную Гюльнаре. Девочка почувствовала себя неловко. «Надо будет после уроков собрать совет отряда и разобраться в этой неприглядной истории...» — подумала Танзиля. И тут мысли ее были прерваны голосом учителя.

— Дети, я забыл вам сказать... — Барый Анварович надел очки на переносицу и уставился на ребят.

Ученики знали, что после таких слов учитель обычно задавал какой-нибудь неожиданный вопрос и делал он это только после того, как хорошо протрет стекла очков. Его привычку переняли в классе уже несколько «очкариков», они даже приобрели замшевые цветные салфеточки, как у Барыя Анваровича, для протирания очков.

Пока учитель, сделав паузу, улыбаясь, окидывал взглядом ребят, Сакина шепнула Танзиле:

— Говорила я, Гюльнара недостойна твоей дружбы... Она не только жадина, но и ябеда. Видишь, Гюльюзум-апай прибежала к директору...

— Ты сама жадина! — парировала Танзиля. — У тебя два спортивных костюма, а ты наговорила: то забыла, то утюгом прожгла... Не хотела я вчера говорить об этом. Ты уж лучше бы молчала! Все из-за тебя случилось.

— Подумаешь! Заступница нашлась! У меня же не десять костюмов, как у тебя! — фыркнула, как кошка, Сакина.

— А зачем же тогда Гюльнару называешь жадиной?

— Девочки, я жду, когда вы кончите секретничать, — с улыбкой сделал замечание Барый Анварович, что вовсе не было похоже на сурового учителя.

Девочки, смутившись, притихли, Барый Анварович спросил:

— Знаете, ребята, почему сегодня урок истории заменили моим предметом — литературой? Сакина, ты не можешь сказать?

Девочка встала и опустила голову.

— Фаниля, тогда, может быть, ты знаешь?

— Не знаю, — покачала головой Фаниля и беспомощно осмотрелась.

И тут все увидели, как с предпоследней парты тянул руку Явдат.

Шестой «А» любил литературу, и не было случая, чтобы на вопросы Барыя Анваровича никто из опрошенных не ответил.

Но сегодня учитель задал странный вопрос, если не сказать смешной. Ну кто из учеников во всей школе может знать, почему урок истории заменили литературой? Если бы заболела учительница истории, то можно было бы предположить, почему историю заменили литературой. Но перед началом урока все видели учительницу истории в коридоре. Чудной вопрос задал Барый Анварович.

— Выходит, кроме Явдата, никто не знает? А я-то думал, что вы любите читать! — говорил учитель, улыбаясь и лукаво поглядывая на растерянных ребят. — Тогда, Явдат, скажи ты...

Явдат поднялся, поправил очки и начал:

— К нам сегодня придет, Барый Анварович, ваш фронтовой друг...

— Верно, откуда ты знаешь?

— А я вчера прочитал в газете. Там была напечатана фронтовая фотография — вы с писателем...

— Верно, верно! Продолжай! — сияя, говорил учитель. Вообще-то он никогда не перебивал учеников, а тут вот прервал и сам же смутился. — Продолжай, Явдат...

— Там было написано, что вы не виделись сорок лет... И что сегодня состоится встреча в школе с учениками...

— А как же ты догадался, что мой фронтовой друг придет к нам?

— Очень просто. Вы задали вопрос, почему урок истории заменили литературой... А потом вы, Барый Анварович, никогда так долго не протирали очки... Я в библиотеке взял его повесть о юном партизане...

— Все верно, все верно. Садись, Явдат. Спасибо тебе! — Учитель, потирая руки, пошел к последним партам. — Очень хорошо, что его повесть взял. Ему приятно будет увидеть свою книгу здесь.

— Барый Анварович, а почему вы так долго не встречались? — спросил кто-то.

— Это длинный рассказ, дети. Мы потеряли друг друга на фронте. Он спас мне жизнь, вытащил тяжело раненного из-под артиллерийского огня, а сам пошел с частью вперед... Потом уже, после войны, прочитал я повесть о войне. Гляжу, фамилия автора знакомая, да и имя сходится. Написал письмо — мол, не вы ли тот высокий веселый блондин Сережа, который ловко брал «языков», хорошо играл на гармошке. Написал, а сам волнуясь, жду... И вот однажды приносят мне бандероль, обратный адрес — Москва. В конверте книга и фронтовая фотография... Вот так, дети, мы и нашли друг друга... А сейчас вы приготовьтесь, он должен вот-вот подойти...

И действительно, за дверью раздались шаги, открылась дверь, и в класс вошел седой крепко сложенный мужчина в синем костюме, а за ним директор школы...

Ребята, как по команде, встали из-за парт и дружно ответили на приветствие гостя.

— Садитесь, дети,— сказал учитель.— Зовут моего фронтowego друга Сергей Иванович, фамилию его вы знаете...

— Знаем!

— У нас в школьной библиотеке есть ваша книга про юного разведчика на башкирском и русском языках,— сказал Явдат, обратившись к гостю.

— Это интересно! Очень даже интересно увидеть свою книгу, Барый Анварович, изданную на языке твоего народа!

— Ребята, я уже говорил, что Сергей Иванович для меня самый дорогой человек, он спас мне жизнь...

— Ребята, ваш учитель и для меня такой же близкий и верный друг,— сказал гость.— Разве Барый Анварович не говорил вам, что он мне дважды спасал жизнь?

— Нет, не говорил! — хором ответил класс.

— Нехорошо, товарищ старший сержант! — шутливо угрожал пальцем писатель.— Извини уж, Барый Анварович, мой спаситель, мой друг, а я расскажу твоим ученикам об их учителе-солдате, смелом человеке... Было это под Курском... Так вот, ребята, пошли мы в разведку. А были мы во взводе разведки. Дало нам задание командование — добыть «языка», да не рядового, а как можно повыше чином, чтоб он побольше знал военных секретов. Стояли жаркие дни. Летние ночи короткие, а если непрерывно запускают осветительные ракеты, то темноты, считай, вовсе нет. Забрались мы глубоко в тыл, заметили небольшую тропинку, по которой фашисты носили еду на передовую линию. Иногда по ней проходили под охраной автоматчиков старшие офицеры. Вот, думаем, было бы здорово захватить тут «языка» поценнее. Ночь быстро пролетела. Мы спрятались в густом колючем кустарнике и сидели тихо-тихо. Днем стало припекать, очень захотелось пить. Слышим, как где-то ручеек течет. От этого еще больше усилилась жажда. Но мы лежим и не шелохнемся, боимся малейшим неосторожным движением выдать себя. А старшим среди нас был ваш учитель Барый Анварович. Лежим, переговариваемся одними взглядами, мол, надо терпеть, ждать ночи. Барый Анварович кивнет головой, мол, не падай духом, самое опасное — линия фронта — позади... Вот так, притаившись, мы просидели дотемна, запомнили, когда и как проходят фрицы наш участок, по сколько человек, какие чины... Наконец-то

наступила долгожданная темнота. Мы залегли по обе стороны тропинки и стали ждать. Прошел час, другой, а фашистов, как назло, все нет. Неужели они почувствовали засаду и решили в эту ночь не появляться на этой тропинке? И тут наш командир ткнул меня в бок автоматом — мол, смотри внимательней. И действительно, слышим — идут. Через несколько минут на тропинке появились двое — один впереди, другой чуть позади. И как только они поравнялись с нами, мы по команде Барыя Анваровича сразу с двух сторон набросились на них. Схватка была короткой. Связав их, рты заткнули кляпом, чтобы они на помощь не позвали, ведь часть их была совсем рядом. Но когда, взвалив их на плечи, понесли к линии фронта, у одного из рта выпал кляп, и пленник успел крикнуть. И тут началось! Небо осветилось десятками ракет, полетели в нашу сторону трассирующие пули. Меня ранило в ногу. Я упал. Сапог полон крови, идти не могу. Я сказал командиру, чтобы он с «языками» уходил, а я прикрою их отход. «Молчи, Сережа!» — ответил он и командовал остальным, чтобы захваченных «языков» во что бы то ни стало доставили в часть, а он сделает все, чтобы прикрыть их отход и сохранить жизнь мне и себе.

Рассказчик умолк. В классе стояла напряженная тишина.

После некоторой паузы Сергей Иванович продолжал:

— Вот так мы остались... Вскоре я потерял сознание от большой потери крови и не помню, что было дальше. Очнулся в санбате. И мы на некоторое время потеряли друг друга. Потом рассказывали мне, что Барый Анварович притащил меня на плечах в нашу часть на следующую ночь. Выходит, он тащил меня на себе около десяти километров... Вот, ребята, какая бывает солдатская дружба! За этот подвиг да за захваченных «языков», которые дали нашему командованию очень ценные сведения, вашего учителя наградили боевым орденом Красного Знамени.

— Как же он вас тащил? — спросил Явдат. — Вы вон какой огромный!

— Потом многие, мальчик, удивлялись, откуда у него нашлась сила!

— А тебе, Барый Анварович, наверно, с ними хорошо, весело? — вдруг спросил гость. — Видишь, какие они дисциплинированные и смотрят пылливо.

— Они славные ребята, это верно, — ответил учитель.

— А вы, ребята, любите своего учителя? — теперь уже писатель спросил шестиклассников.

— Любим! — дружно ответили ребята. — Барый Анваро-

вич — справедливый и интересно рассказывает про писателей, книги интересные дает читать.

— Его все любят в школе!

— Когда я ехал к вам, я так и думал. Бывший солдат, разведчик не может быть посредственным учителем. Верно я говорю?

— Верно! — ответили ребята. — Мы очень любим нашего учителя.

— И я его крепко люблю.

Барый Анварович улыбнулся, повеселел.

Сергей Иванович заложил руки за спину и, прохаживаясь перед ребятами туда и обратно, продолжил свой рассказ:

— Вы, возможно, не знаете, что Барый Анварович всю свою жизнь посвятил самому доброму на земле... Посмотрите на морщины на его лице, очки с толстыми стеклами! Он еще учил ваших отцов и матерей.

— Сережа, перестань! — прервал друга Барый Анварович. Ему было неловко слушать о себе такие слова. Гость лишь рукой махнул:

— Не перестану! Только вдумайтесь, сорок лет он воспитывает детей! В тысяча девятьсот сорок первом году он положил у доски мел и пошел защищать Родину, взяв в руки автомат. Победив врага, снова вернулся в школу и занялся самой благородной профессией, самой мирной профессией учителя. Вы, ребята, счастливые, что являетесь его учениками!

— Ну уж, Сергей, скажешь! — буркнул учитель.

А Сергей Иванович, таинственно улыбнувшись, взглянул на Барыя Анваровича и сунул руку во внутренний карман пиджака. Ученики затаили дыхание. Когда писатель вытащил из кармана старенькую книгу, величиной с записную книжку, все недоуменно переглянулись.

— Вот маленький сборник стихов Пушкина, — сказал Сергей Иванович, — эта книга пропитана и пороховым дымом, и кровью. Эту книгу пронзила фашистская пуля. За свободу нашей Родины, ребята, сражались и книги. Сегодня эту самую дорожку для меня память о боевой молодости преподношу в подарок вам, вашей школе. Эту книжечку во внутреннем кармане своей солдатской шинели в течение четырех лет носил ваш учитель. Четыре года эта книга согревала наши души. Мой друг, — писатель подошел к Барыю Анваровичу и обнял его за плечи, — после ранения передал эту книгу мне... Да-да, ребята, это ваш учитель разбудил в душе рабочего паренька желание писать, привил любовь к литературе...

— Спасибо, Сергей, спасибо! — ответил учитель.

— Это тебе спасибо...

Маленькая старенькая книга переходила из рук в руки. Ребята с великой осторожностью перелистывали ветхие страницы.

Вдруг Танзиля подняла руку:

— Сергей Иванович, расскажите, пожалуйста, как вы нашего учителя спасли?

Писатель смутился:

— А вот об этом вы уж попросите вашего учителя рассказать.

— Выходит, вы друг друга спасали...— удивленно сказала Сакина.

— Точно так, доченька. В мире нет ничего крепче фронтовой дружбы. А мы с Барыем Анваровичем с той поры, как впервые вместе лежали под огненной бурей в траншее, стали друзьями на всю жизнь. И теперь в трудные моменты жизни вспоминаем друг друга...

А потом Барый Анварович обратился к ребятам.

— Дорогие друзья мои, вот что я хочу вам сказать.— Он окинул внимательным взглядом весь класс. Учитель говорил словно бы с каждым в отдельности — с Танзилей, Фанилей, Сакиной, Явдатом — и со всеми ребятами.— Я очень ценю и храню нашу дружбу с Сергеем Ивановичем. Дружба, ребята, подобно нежно и любовно выращенному цветку, ярко и полно расцветает лишь тогда, когда дорожишь ею, лелеешь ее!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Явдат сделал для себя открытие, а Танзиля провела заседание совета отряда

На следующий день Гюльнара опять не пришла в школу. В классе продолжался спор: одни обвиняли Гюльнару в том, что она личные интересы поставила выше общих, другие защищали ее. Однако после встречи с писателем, фронтовым другом их любимого учителя, шестиклассники над многими вопросами задумались. Особенно над понятием «дружба». Явдат смекнул, что Барый Анварович не случайно пригласил своего друга в их класс. Видно, учитель знал, что у них произошло.

Явдат запомнил слова учителя, которые тот сказал: «Дружба подобна цветку, заботливо и любовно выращенному. Этот цветок будет цвести столько, сколько мы его будем беречь и дорожить им». И еще учитель сказал: «В жизни много встречается трудностей, но они никогда не должны мешать

дружбе. Настоящая дружба умеет прощать ошибки и слабости друга. Она основывается на взаимном уважении».

Шел последний урок, урок географии. Учительница интересно рассказывала об островах, а Явдат никак не мог сосредоточить свое внимание. Перед его глазами стоял смелый юный партизанский разведчик, о котором написал повесть Сергей Иванович Кривенков. Размышляя над поступками смелого партизанского разведчика, Явдат вдруг нашел в нем много общего с характерами самого автора и учителя. В повести мальчик ради друга не щадит свою жизнь, а ведь Сергей Иванович и Барый Анварович тоже не щадили себя во имя друга. Выходит, настоящая дружба — это великая сила! И учитель, башкир по национальности, был преданным другом Сергея Ивановича. Они спасали друг друга в минуты смертельной опасности. Вон сколько лет прошло после войны, а они нашли друг друга и каждый готов помочь другому в трудную минуту. А как он и его товарищи по классу дружат? Если бы Сергей Иванович знал, что происходит у них в классе, то едва ли он пришел к ним и рассказал столько интересного. И Явдат сделал для себя важный вывод: дружба придает силы людям. В борьбе с фашизмом советский народ победил благодаря крепкой дружбе. Явдату захотелось немедленно рассказать всему классу, как важно крепить и беречь дружбу. От нахлынувших чувств у него даже повлажнели глаза и комок застрял в горле. И чем больше он старался спрятать свое волнение, тем сильнее он выдавал себя... В конце урока учительница заметила его состояние и спросила, что с ним случилось.

— Ничего,— смущенно ответил Явдат.— Ресничка попала в глаз...— А сам выругал себя: «Размазня, как девчонка нюни распустил!»

Сакина по-своему восприняла поведение Явдата: «За отца переживает. Интересно, за что его посадили?»

А Танзиля ревниво посмотрела на Явдата: «Вот как он крепко дружит с Гюльнаррой». Она не сомневалась, что Явдат расстроен из-за Гюльнары и жалеет ее.

Учительница не стала допытываться и, зная, что Явдат увлекается радиотехникой, предложила ему зайти за справочником.

— Я могу подарить его тебе,— сказала она.

— Насовсем? — обрадовался Явдат.

— Раз дарю, значит, насовсем,— ответила учительница.

— Спасибо,— негромко произнес Явдат.— Я приду...

— Может, кто-нибудь догадается и костюм ему подарить? — хихикнула Сакина.

— Сакина, о чем ты говоришь? Что за неуместные шутки? — рассердилась учительница.

Класс недоуменно смотрел на Сакину, а Явдат, ничего не говоря, поблестав, выскочил в коридор. Учительница не успела остановить его.

— Что творится у вас, ребята? — спросила учительница. — Разве можно так обижать друг друга? Ведь совсем недавно у вас был писатель, друг Барыя Анваровича. Какой интересный разговор состоялся у вас о дружбе и товариществе... И что же? Я просто вынуждена доложить вашему классному руководителю о случившемся.

Она посмотрела в окно и увидела, как быстро бежал от школы Явдат.

Как только раздался звонок и учительница покинула класс, Танзиля объявила, что надо срочно провести собрание.

— Могла бы заранее предупредить! — крикнул кто-то.

— Недавно заседали, хватит!

— Я не останусь! — сказала Сакина.

— Почему это не останешься, когда все сама натворила! — ответила Танзиля. — В воскресенье сорвала соревнования, сегодня урок. Сколько же тебе можно прощать? Ни с кем не дружишь...

— Ты сначала разберись со своей подружкой, а потом уж и за меня принимайся...

— И с ней разберемся... Кстати, я у нее была вчера, но она не открыла мне дверь, — неохотно призналась Танзиля.

— Вот так подруга! Даже дверь не открыла! — засмеялась Сакина. — Я ж говорила тебе, она дружит с этим, с ненормальным...

— Не смей так называть нашего товарища! — одернула ее Фаниля.

— Э-э-э, да ты, видно, равнодушна к Явдату. Да-да! — ответила Сакина.

— Раз так, то я скажу здесь, на совете, как ты Расула натравливала на Гюльнару, я все слышала... — сказала Фаниля.

— Не я, а он первый начал...

— А ты и обрадовалась!

— Ребята, перестаньте! — осадил девочек Танзиля.

Когда ребята успокоились, Танзиля начала:

— Мы пионеры и должны говорить правду.

— Ну, пионеры...

— Если бы не пионеры, то и на совет не собирались бы, — ответили ребята.

— Мы сейчас должны признаться, что мы обидели и оскорбили Гюльнару, а сегодня вот... Явдата... Ведь еще на днях Сергей Иванович рассказывал нам о дружбе, какой она должна быть, мы слушали и со всеми его словами соглашались... Разве не так было?

— Так, так, говори дальше...

— И скажу,— продолжала горячо Танзиля.— Так как же мы можем говорить одно людям, которые нас защищали на войне, завидовать их братской дружбе и тут же делать плохое своим же товарищам? Как?

— А что я плохого сделала? — спросила Сакина, понимая, что Танзиля говорит о ней.— Разве я неправду сказала? Все знают, какой у него старый костюм.

— Ну и что из этого? — возмутилась Фаниля.— Разве так важно, какая на тебе одежда? Эх ты, тряпичница! — сказала Фаниля.— А ему трудно живется...

— Я, что ли, виновата, что его отца посадили? — защищалась Сакина.

— Какая ты злая! — одернула Сакину Танзиля.— Как ты можешь о Явдате так говорить? Когда надо списать, ты первая вертишься возле него, не отходишь от Гюльнары. И конфетами угощаешь, и в кино приглашаешь... Эх, ты!

Сакина никак не хотела признавать свою вину. Она и на последние упреки Танзили нашла ответ:

— Яблоко от яблони не далеко падает, так что и Явдат рано или поздно еще проявится...

— Ты соображаешь, что говоришь?

— В стенгазету надо написать про нее!

— Надо Барыя Анваровича позвать! — перебивая друг друга, кричали ребята.

— Что вы все напустились на меня? — у Сакины задрожал голос.

Танзиля обхватила голову руками и, никого не слушая, села за парту. Она сейчас чувствовала, как ей не хватает Гюльнары. Гюльнара нашла бы что сказать. Неужели они не помирятся и больше никогда не будут дружить?

Тут из-за парты вскочила Фаниля:

— Ребята, а ведь, пожалуй, мы все не правы. Да, мы обидели Гюльнару. Вот и сейчас мы кричим оттого, что не хотим признать открыто своей вины. И за Явдата мы не заступились вовремя. Сейчас мы все вроде бы правы, а почему же не удержали его, когда он выскочил из класса?

— А ты где была, почему молчала? — подал кто-то голос.

— И я виновата, я должна была побежать за ним. А по-

том, мы хоть раз предложили ему свою помощь? Мы все знаем, как ему сейчас нелегко живется — и по дому он много делает, и братишку из детсада приводит. Нет, плохие мы товарищи, а дружить и вовсе не умеем...

В классе наступила тишина. Сосед Явдата схватил оставленную им сумку и выскочил из класса. Веснушчатая Райля побежала за ним, крикнув, что она пойдет навестить Гюльнару.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Явдат находит настоящего друга, и
о чем говорят листья клена*

Явдат бежал по улице, наталкиваясь на встречающих. Одни на него смотрели с жалостью, мол, что могло случиться с мальчиком, почему он бежит, не разбирая дороги. Другие ворчали: вот она, нынешняя детвора, никакого уважения к старшим... Только один пожилой мужчина попытался задержать Явдата:

— Мальчик, что случилось? Остановись!

Но Явдат мчался, сам не зная куда. Он все еще слышал обидные слова Сакины и видел ее насмешливую улыбку...

Наконец он устал, сбавил шаг, чуть успокоился, стал примечать, как медленно падают на тротуар листья клена. Сентябрь в этом году выдался теплым, и деревья стояли почти зелеными. Видно, осень не добралась до них, у нее пока были заботы поважнее: надо было дать возможность созреть хлебам и убрать их, чтобы овощи и фрукты набрали соки под последними лучами солнца, а с листьями на деревьях осень еще успеет справиться. И все же приближение осени первыми заметили клены. Еще в августе они начали пестреть. Сначала листья пожелтели, потом налились золотом, немного погодя заалели, покрылись багрянцем, а некоторые даже приняли бордово-коричневый цвет... И старые березы, усыпанные золотистыми листочками, стали печальными. Прохожие, глядя на деревья вздыхали:

— Вот и осень подошла...

— Как незаметно пролетело лето...

Явдат подобрал один багряный лист клена, который трепыхался на тротуаре и, казалось, боялся, что на него наступят. Лист увертывался от гибели, поднимаемый порывами ветра, шелестел по асфальту, кувыркаясь, летел вперед, в сторону. И когда Явдат взял этот листочек в ладони, он за-

тих, как маленький котенок, словно нашел наконец-то защитника.

Явдат забыл об обиде, нанесенной Сакиной, незаметно высохли слезы, перестало гулко биться сердце... Кленовый листик, будто ладонь с растопыренными пальцами... Мальчик взял его за тонкий черенок и стал рассматривать на солнце. И он увидел волшебный мир: прожилки листочка были похожи на тропки, дорожки, реки, ручейки. Такой земля, наверное, кажется, когда на нее смотришь с самолета. Каждая прожилочка, пятна, крапинки не похожи друг на друга ни по цвету, ни по форме. И Явдат поразился: как же так получилось, что он никогда не примечал красоту осенних листьев? Нет слов — молодые, зеленые, изумрудные листья на деревьях красивы, но эти, доживающие свои последние дни, прекраснее и ярче. Вон как плавно планирует еще один кленовый лист, он алеет, словно лепесток пиона. Явдат поймал и этот лист, приложил к первому и увидел, как они дополнили друг друга. Так постепенно мальчик набрал целый букет.

Раньше листья казались Явдату абсолютно одинаковыми, но только поверхностный, равнодушный взгляд не может заметить их разнообразия. Даже чувства каждый лист вызывает разные: на один лист смотришь и становится радостно на душе, а вид другого листочка вызывает в душе печаль, а третий переносит тебя в волшебный мир... Как ни странно, а листья успокоили Явдату, и он уже не так болезненно мог вспоминать о случившемся в классе. Ведь, в конце концов, в школе не все мальчишки похожи на заносчивого Расула, едкую на язык Сакину. Ребята разные, но, видно, у каждого все же есть немало хороших качеств. Ничего же плохого не скажешь про Фанилю, хотя она и на язык остра, и смешная — зачем-то мальчишкам подражает, и характером крута, но справедливая. А о Гюльнаре и говорить нечего, она вообще славная девчонка: не зазнается, что она отличница, всегда готова прийти на помощь, правду говорит в глаза, не ябеда... Она — настоящий товарищ.

Потом он вспомнил свою маму, которой сейчас очень тяжело одной содержать семью. Как наяву, увидел отца, который сказал при последней встрече: «Сынок, за отца не стыдись. Случилось недоразумение, вскоре я буду дома. Правда восторжествует». Явдат верит отцу, да и близкие друзья отца так говорят, но Явдату все равно тяжело. Почему некоторые одноклассники косо смотрят на него: «Его отец в тюрьме»? Мальчику сейчас казалось, что теплые листья шептали ему успокоительные слова: «Все обойдется... Все обойдется... Твой

отец честный человек. Вспомни слова Сергея Ивановича, что дружба и верность проверяются в испытаниях...»

Явдат не заметил, как он оказался на берегу Агидели. В такую пору года он впервые видел великую реку. Агидель по-осеннему была сурова и прекрасна: темные волны, блестя на солнце, плескались о берег, монотонно шуршал гравий. На противоположном берегу золотились поля, где-то за холмами урчали моторы тракторов и комбайна. Далеко-далеко, у самого горизонта, уступами протянулись гребни синих гор. Явдату очень захотелось побывать на вершинах этих гор, ведь он еще никуда не выезжал из своего города. Он лег на спину, подложил под голову руки и стал наблюдать за медленно плывущими облаками, о которых ему много рассказывала Гюльнара после того, как слетала с мамой в Москву. Он помнил, как интересно рассказывала Гюльнара о том, какие красивые облака вблизи, когда видишь их из иллюминатора самолета. Он сравнивал рассказ девочки со своими наблюдениями и приходил к выводу, что с земли облака кажутся совсем иными. Неожиданно его кто-то окликнул:

— Эй! Что лежишь тут?

Явдат вздрогнул, сел, огляделся — никого нигде не было. Он вскочил на ноги и только тогда заметил у самого берега за ивовыми кустами мальчишку, который, поглядывая в его сторону, стал к кому-то подкрадываться, потом неожиданно прыгнул вперед и прихлопнул что-то рукой.

— Поймал! — громко закричал парнишка, медленно разжимая кулак. — Кузнечиков ловлю, — пояснил он, приближаясь к Явдату.

Рыбак был значительно крепче Явдата: на загорелом теле под майкой с эмблемой московской Олимпиады — медвежонком — бугрились хорошо тренированные мышцы, крепкие бицепсы красиво выделялись на руках. Коричневое от постоянного пребывания на солнце лицо было добродушно.

«Если начнет задираться, сразу же сделаю подножку!» — решил Явдат.

Незнакомец подошел вплотную, широко расставил ноги, словно готовясь к драке, и еще раз спросил:

— Что делаешь тут? Глухой, что ли?

— А тебе какое дело! — настороженно ответил Явдат, зная, что драчливые ребята всегда задают глупый вопрос или просят закурить, а то гривенник на мороженое, лишь бы был повод. Явдат не курил и никогда не имел при себе лишних денег, так что к нему легко можно было придрататься. Явдат видел, что незнакомец значительно сильнее его.

— Интересно, вот и лежу,— как мог спокойнее, ответил Явдат и, готовый отразить нападение, весь напрягся.

— Интересно бывает в цирке! Вот там и ищи! — примирительно сказал рыбак.

— А ты мне что указ, где находить интересное?

— Да нет, зачем же? Просто удивляюсь: занятия идут в школе, а ты тут загораешь,— разглядывая пойманного кузнечика, ответил рыбак.

— А ты разве не учишься? — в свою очередь спросил Явдат.

— Я... У нас двух последних уроков не было, учительница заболела.

— У нас тоже двух последних не было...— соврал Явдат.

— Ну, ты даешь! — расхохотался мальчишка.— У меня нет уроков, значит, и у тебя не было двух последних?

— Ничего смешного не вижу в этом.

— Выходит, ты удрал с уроков? — не отступал незнакомец.

— Ну что ты пристал? Ниоткуда я не удираю,— смущенно ответил Явдат и отвернулся.

— Если не удираю, то почему лежишь здесь?

— Открой пошире глаза, я уже давно стою на ногах.

— Ого! Какой ты ершистый! И слова-то тебе не скажи.

— Ну что пристал? Что тебе нужно от меня? — не скрывая своего отчаяния, ответил Явдат.— Драться, что ли, хочешь?

— Мог бы, конечно, но зачем? — опять примирительно сказал рыбак и метнул взгляд на книгу, лежащую на земле.— Твоя, что ли?

— Моя, а то чья же?

— Прочитал?

— Прочитал.

— Я тоже читал ее. Интересная книга! Какой смелый парнишка был! Как он в разведку ходил! А ведь ему было, как мне... Я еще одну книгу читал этого писателя...

— Какую? — спросил Явдат с интересом. Он думал, что все книги Сергея Ивановича, написанные для детей, он прочитал.

— Забыл, как называется... Но это большая поэма о любви! — таинственно закатив глаза, ответил рыбак.

— Ну, брат, ты даешь! Да Сергей-агай стихов не пишет! — рассмеялся Явдат.— Тоже мне! Поэма о любви!

— Ты-то откуда знаешь, что он пишет, а что не пишет? — напустился незнакомец.

— Вот и знаю!

— Может, он твой знакомый, скажешь?

— Знакомый!

— Ха-ха-ха! Знакомый! В предисловии к книге написано, что он живет в Москве! Ну и врака ты, как я погляжу! — ткнул несильно рыбак Явдата в бок.

— Я тебе правду говорю, я знаю Сергея Ивановича!

— Ой, держи меня, очкарик, умру! Он знает писателя! Ха-ха!

— Смейся сколько тебе влезет! А я знаю его, видел его! Вот, прочитай! — И Явдат вытащил из кармана городскую газету, в которой было написано о приезде московского писателя к своему фронтовому другу, заслуженному учителю Барью Анваровичу Байрамову, о встрече с его учениками... — А это вот их фотография, — показал на снимок Явдат.

Незнакомый мальчишка несколько раз прочитал заметку в газете, пристально взгляделся в фотографию и сказал с завистью:

— Ну и повезло вам! Поэму, правда, я не читал... Давай знакомиться! — И парнишка протянул руку. — Меня зовут Самат.

Ребята еще некоторое время рассматривали друг друга, точно только минуту назад встретились.

— А ты парень ничего! — хлопнул Явдата по плечу Самат.

— Ты тоже... — улыбнулся Явдат.

Ребята сели на жухлую осеннюю траву. Самат раскрыл ладонь и показал Явдату серого небольшого кузнечика, который, подобрав голенастые лапки, опустив глазастую голову, вяло шевелил длинными усиками.

— Отпусти его, — попросил Явдат.

— Придется, если не задохнулся он у меня в кулаке. Теперь уже рыбалку придется отложить. Ну, кузнечик, прыгай! — и он взмахнул рукой. Однако кузнечик не шелохнулся.

— Задохнулся, наверно, — сказал Явдат и подтолкнул пальцем кузнечика.

В то же мгновение кузнечик еще ниже присел на лапки и взлетел почти на метр вверх, распустил короткие крылья.

— Ох и хитрый! — погрозил ему вслед Самат и спросил Явдата: — А ты и вправду сбежал с уроков?

— Да нет... — отмахнулся Явдат и всем видом показал, что разговор на эту тему ему неприятен.

— Я три раза в неделю занимаюсь спортивной гимнастикой. Видишь, какие мускулы? Сегодня вот решил после тре-

нировки поудить рыбу... А ты занимаешься каким-нибудь видом спорта?

— Радиомоделированием...

— Давай занимайся гимнастикой. У тебя будут такие же мускулы, и ты, как и я, сможешь стоять на руках, крутить «солнце» на турнике.— И Самат тут же прошелся на руках, разбежался и легко сделал сальто...

— Вот это здорово! — восхитился Явдат.

— Давай к нам в секцию, и ты через... через три-четыре месяца запросто сальто будешь делать...

— Меня не примут... Видишь, какие у меня руки. Потом, я никогда не смогу так научиться, как ты...— вздохнул Явдат.

— Да ты что! Я сам ничего не умел делать. Это мама привела меня в секцию года три назад, чтоб я хоть немного окреп и не болел. Меня даже брать поначалу не хотели, говорили — хилый и неперспективный... Через год я уже выполнил разрядный норматив, а теперь учусь в специализированной спортивной школе. А ты — не смогу! Было бы желание...

— А как у тебя с учебой? — спросил Явдат.

— Ничего. Учусь без троек... У меня весь день расписан по часам. Это вот только сегодня немного пофартило...

— Какой же ты настойчивый... И все у вас так учатся?— все больше проникаясь уважением к Самату, спросил Явдат.

— Я — что, средний ученик по успеваемости, у нас много круглых отличников.

— И спортивные разряды у них есть?

— А как же! Есть даже чемпионы,— гордо ответил Самат.

— А у меня вот не хватает времени,— посетовал на свою жизнь Явдат.

— Это уж от каждого зависит,— серьезно ответил Самат.— Человек должен планировать свой день и уметь выбирать главное, а не разбрасываться. Так нас учат тренеры. Я знаю, у меня первая задача — хорошо учиться. Если буду хорошо учиться, значит, у меня останется много времени и для тренировок, и для чтения интересных книг. Видишь, как одно от другого зависит!

— Нет, не смогу я так...— засомневался Явдат.

— Сможешь! Каждый сможет! Лишь бы желание было!— твердо ответил Самат.— Тогда скажи, чем же ты занимаешься?

И Явдат подробно рассказал о себе, своей семье. Об отце, о том, что ему сейчас приходится много работать по дому, умолчал...

— Да ты вон какой волевой! — подхватил Самат.— У

тебя, брат, не воля, а целая атомная электростанция! Ты только на вид такой... Как четвероклашка...

— Тоже мне «четвероклашка»! Сам-то великан, что ли? — обиделся Явдат.

— Да не про то я! — отмахнулся Самат. — А ты сразу уже и обиделся... У нас учатся ребята меньше тебя ростом, приходят хиленькими, а теперь стали мускулистыми, сильными...

— Ну и пусть, мне и этих мускулов хватит.

— Да не сердись.

— Ладно... А вот скажи мне прямо, мог бы ты со мной дружить? — спросил Явдат.

— Почему же нет? — удивился Самат. — Ты славный парень! Мне сразу понравился!

Явдат опустил голову и сосредоточенно искал подходящие слова, как бы помягче рассказать об отце.

— С отцом у меня...

— При чем тут твой отец, если ты мне нравишься? Ты, право, какой-то смешной.

Явдат хотел было рассказать Самату, к которому он проникся уважением, как в его классе некоторые ребята и девочки отошли от него, узнав про беду с отцом, стали сторониться его, а сегодня...

— Ты что загрустил? — спросил Самат.

— Да так, ничего...

— Слушай, переходи в нашу школу!

— Куда с моими данными?

— Преподаватели, тренеры подберут тебе вид спорта по твоим данным: может, плавание, может, бокс...

— Нет, я не могу... я люблю радиотехнику... Хочешь, я тебе подарю магнитные часы? — вдруг предложил Явдат.

— Разве такие часы бывают? — удивился Самат.

— Верно, пока их нет в продаже, но я сам изобрел их, хочешь?

— Ну, ты даешь! — уже в какой раз с восхищением взглянул на нового знакомого Самат.

— Будешь тренироваться по этим часам. В них, правда, пока не хватает двух деталей. Куплю в магазине, смонтирую, и часики готовы! Хочешь? У этих часов имеется магнитная лента, на которую записана мелодия песни «Город мой», знаешь такую песню?

— Кто же не знает песню про Уфу! А зачем песня в часах?

— Как зачем? Допустим, человек устал, или ему стало

грустно почему-то, вот он и послушает эту песню. Ведь не будешь же ты носить с собой магнитофон!

— Ну я тебе скажу, Явдат, у тебя не голова, а целая академия! Если бы мне рассказали, что есть такой парнишка в нашем городе, ни за что не поверил бы! Эх ты, переходи в нашу школу, тебя на руках будут носить!

— Зачем меня на руках носить? Вот чудак! — изумился Явдат, делая вид, что не понимает, о чем говорит его новый друг.

— Да с такой головой ты бы у нас заводилой был!

— Не сердись, Самат, я не могу перейти в вашу школу потому, что у меня там есть очень верный друг... — смутился Явдат.

— И его перетяни! А как он учится?

— Учится-то будь здоров! Одни пятерки! Да вот...

— Ладно, тогда втроем будем дружить?

— Не согласится... Она... девчонка, понимаешь? — рассматривая стебелек жухлой травы, пробубнил Явдат, настороженно бросая косые взгляды на Самата, не поднимет ли тот его на смех, мол, нашел друга — девчонку!

— Да-а-а... — протянул Самат и встал. — Тут, как я полагаю, дело непростое... Решай сам.

Явдату не хотелось, чтобы этот парнишка, так странно познакомившийся с ним, неожиданно ушел. Самат сразу понравился ему открытостью, силой и дружелюбием. Ведь он откровенно позавидовал тому, что Явдат хорошо учится, хотя обычно мальчишки делают вид, будто отличные отметки их не интересуют. А Самат чуть ли не назвал его академиком.

— Самат... — начал робко Явдат.

— Чего?

— Ты уходишь, да?

— Пора уже, уроки ждут. Завтра у нас кросс.

— Самат, если я захочу тебя увидеть, давай опять здесь встретимся...

— Зачем здесь? Я дам тебе свой адрес. А лучше вот что: пойдем-ка со мной к нам сейчас...

— Зачем?

— Не обидишься, если правду скажу?

Явдат призадумался и сказал:

— А ты не обижай...

— Тогда слушай. У меня есть новый школьный костюм...

— Ну и что?

— Не перебивай меня. Я из него вырос, даже поносить не успел. А тебе он в самый раз будет. Понял?

Явдат смутился.

— Нет, я тогда не пойду к тебе! — И он сел на землю.

— Это же новый костюм, а не поношенный, понимаешь?

— Понимаю...

— Вот и хорошо. Зачем же вещь будет лежать без пользы? И мама моя так говорит! — начал горячиться Самат.

— Нет! — твердил свое Явдат, не поднимая головы.

— Хорошо, раз ты «нет», тогда и я «нет»! — рубанул по воздуху рукой Самат. — Магнитные часы твои мне тоже не нужны!

— Да ты что, Саматик! Я сам их сделал! Сам придумывал!

— Вот что я тебе тогда предложу, Явдат. Ты возьмешь костюм в долг. Берут же в долг деньги... Так и ты. И носи себе на здоровье! А когда отец вернется, то отдашь. Ну что в этом плохого? — уставился на приятеля Самат.

— Может быть, я бы и взял, да мама не согласится, — пошел на попятную Явдат.

— Тогда идем к твоей маме сейчас же!

— Нет, она все равно не разрешит... Она у меня гордая.

— Ну и упрямый же ты! — сказал в сердцах Самат.

— Не сердись, Самат, я маму знаю, она у меня такая...

Вот если бы можно было заработать...

Самат призадумался и сказал:

— Постой-постой! Помню, к маме приходила соседка почтальонша и просила маму найти кого-нибудь для разноса по утрам газет. Рабочих рук, говорит, не хватает. Может, еще место не занято...

— Пойдем к ней сходим, — согласился Явдат.

— Тогда по рукам! — предложил радостно Самат. — Значит, костюм берешь под свою первую получку?

— Беру... А лучше куплю на первую получку, если меня примут туда...

...Ребята вышли с почты окрыленными. Явдата охотно оформили разносить по утрам газеты. Ребята попрощались, договорились о встрече и разошлись по домам.

Явдат решил навестить Гюльнару и рассказать ей о знакомстве с Саматом, как он устроился на почту.

Парнишка шел подпрыгивая. Сейчас ему было очень хорошо и радостно на душе. Забылась утренняя обида на Сакину, домашние заботы отошли на второй план. Теперь он сможет деньгами помогать маме, и все это сделал Самат, так случайно встретившийся мальчишка. И почему это он сам не подумался, что можно пойти на почту работать? Он помнит, с

какой благодарностью смотрели на него взрослые женщины. «Вот и хорошо. Ты только нас, мальчик, не подведи». Выходит, и он им нужен. А он-то после глупых слов Сакины думал, что весь мир злой и товарищи перестали уважать его с того горького дня, когда отца увели из дома по злему навету. Он-то знает, что отец не виноват, он ему говорил, но как это доказать другим? Да ладно, зачем трогать больное место. Вон какой день сегодня удачный! Солнце! На небе ни облачка! Над головой прохожих нет-нет да и пролетают серебристые паутинки, переливаясь на солнце цветами радуги. Он знает: на паутинках летят пауки, хотя их не видно. Одна паутина оказалась такой большой и крепкой, что на ней блаженствовал кленовый лист. Было интересно смотреть на такое дивное явление: ветра нет, тишина, а над землей планирует лист.

Явдат решил набрать листьев клена и сделать Гюльнаре букет. Он старательно собирал самые яркие и составил необычный букет. «Почему только из цветов делают букеты? — подумал Явдат. — Вон ведь какой красивый получился букет из обыкновенных листьев». И тут он поймал себя на мысли, что листья-то обыкновенные, но необыкновенно красивые!

Недалеко от дома Гюльнары Явдат повстречался с Танзилой. Девочка была удивлена встрече не меньше чем он. Танзила была расстроена.

— Кто тебя обидел? — спросил Явдат.

— Никто! — ответила резко она, хлопая себя по ногам портфелем.

— А ты что такая злая? Не спроси тебя, не задень... Не хочешь говорить, не надо.

— Гюльнара... Я... Я пришла навестить ее, а она мне не открыла дверь.

— Конечно, она обиделась на вас, — рассудительно говорил Явдат. — Разве друзья так поступают? Оставили Гюльнару в запасных только потому, что она не дала Сакине костюм.

— Это все Расул подстроил. Он сказал — Гюльнара дружит с тобой...

— А разве со мной нельзя дружить? — потемнел в лице Явдат. — И правильно она сделала, что не открыла тебе дверь. Такой друг всегда может предать. Какие же вы девчонки непостоянные!

— А что же мне делать? — умоляюще посмотрела на Явдату Танзила.

— «Что, что»... Доказать делом, что ты настоящий друг!

— Ладно, докажу. Вот увидите все, как докажу! — И Тан-

зияля тряхнула головой и направилась в сторону своего дома.

Явдату стало жалко ее. Он хотел догнать Танзилю, сказать, если у нее с Гюльнаркой настоящая дружба, то они помирятся. Но пока он раздумывал, Танзиля уже скрылась из виду. Он постоял некоторое время и направился к дому Гюльнары. Вошел в подъезд, поднялся на три ступеньки и остановился. Страх сковал его ноги: а вдруг Гюльюзум-апай дома? И Явдат опрометью выскочил из подъезда. Букет из бордовых, багряных, золотистых, шафрановых, алых листьев жег пальцы. Он не мог уйти, не отдав этот необычный букет Гюльнаре. Но как это сделать? И тут Явдат обратил внимание на открытую форточку в окне Гюльнары, а рядом — водосточная труба. Прикинул — вроде бы высоковато. Ловкому человеку подняться по такой трубе ничего не стоит. А вот как ему взобраться? И труба так заманчиво расположена рядом с форточкой, протяни руку — и букет сам упадет на подоконник. Чем больше Явдат присматривался к открытой форточке, тем доступней она казалась. Явдат даже прикинул: если и свалится, то не так уж высоко, и внизу не асфальт, а мягкая земля, значит, с ним ничего не случится, лишь бы на ноги приземлиться. Еще раз прикинув на глазок прочность трубы, парнишка окончательно пришел к выводу, что труба выдержит его «петушиный» вес. И кажется, впервые за свою жизнь Явдат обрадовался своей хилости. Оглянувшись по сторонам, он засунул букет за пазуху и стал карабкаться по трубе. Подтянувшись на руках, Явдат поставил ногу на штыри, которые держали трубу. Так он постепенно поднимался вверх, подтягиваясь на руках, потом ставя ноги на железные скобы. Наконец он достиг окна и, изогнувшись, заглянул в комнату. Гюльнара лежала в постели, до подбородка укрывшись одеялом, и спала. Возле кровати стоял стул и на нем пузырьки с лекарствами, книги. Явдат хотел окликнуть девочку, но побоялся, что испугает ее. Парнишка не знал, что с улицы за ним наблюдали мужчина и женщина. Когда он заглянул в форточку, женщина едва не закричала: «Куда? Держите вора!», но ее удержал мужчина. Он сказал ей:

— Родная, воры так в окна не лезят. Давай подождем...

Когда Явдат вытащил из-за пазухи букет из прекрасных осенних листьев, мужчина, улыбаясь, шепнул жене:

— Молодец, малый! Ты не находишь?

— Да, славный парнишка!..

Явдат благополучно спустился на землю, стряхнул с одежды пыль, посмотрел на окно Гюльнары и отправился домой. Ему сейчас было хорошо, хотя день начался невесело...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Очень длинный день и таинственное исчезновение Явдата

...Ох, как же заливается этот желтенький, как только что вылупившийся из яйца соловей! И почему как цыпленок? Ведь соловьи серенькие! Этот соловей сел на подоконник, устремил свои глазки-бусинки на Гюльнару и вот заливается, и вот заливается! Берет такие высокие нотки, что кажется, никакие голосовые связки не могут выдержать. И задает такие переливчатые трели, перед которыми все замолкает. Гюльнара смотрит на это волшебное создание природы и начинает боятся, как бы соловушка не надорвался. Соловей наполняет комнату то радостными звуками, то печальными, то задумчивыми, и все они окрашены в разные тона. Разве, удивилась Гюльнара, соловьиные песни бывают цветными?

Девочка не понимает, как это она очутилась вдруг на берегу Агидели и слушает хрустальный звон бегущих волн. Она бежит по отмели, а ноги ее горят, камыши враждебно шуршат, ветер сечет тело... Гюльнара зачерпнула пригоршней воды и выпила, пытаясь утолить жажду, но вода оказывается горячей. Набегают горячие волны, девочка барахтается, бьет руками по воде...

Она вся в поту, сердце учащенно бьется, руки дрожат. Она смотрит вокруг себя и не сразу осознает, где она. В ушах по-прежнему стоит залиvistая трель желтенького соловья, его звонкие рулады... Взглянув в окно, девочка поняла, что она бредила и день еще не кончился.

За окном светило солнце, синел кусочек неба, и ей казалось, что такого длинного дня в ее жизни никогда не было. По длинной тени, падающей на пол, Гюльнара поняла, что приближается вечер. Она прикрыла глаза и прислушалась. В соседней комнате слышались шаги, значит, с работы пришла мама. Она сейчас обязательно заглянет в комнату... Гюльнара едва успела прикинуться спящей, как дверь потихонечку открылась и неслышно вошла мама. Она положила прохладную ладонь на лоб дочери и ушла. Гюльнара едва сдержалась, чтобы не выдать себя. Так хотелось, чтобы мама еще раз приложила руку к ее голове. Какие же волшебные руки у мамы!

Когда дверь закрылась, Гюльнара вдруг вспомнила, что с ней произошло.

...Был день рождения, мама принесла торт, подарила спортивный костюм... А-а-а, все началось из-за спортивного костюма... Сакина назвала ее жадиной, потом Фаниля посадила ее

в запасные, а Расул пустил слух, что она дружит с Явдатом, и Танзиля не защитила ее, а ведь Гюльнара считала ее своей верной подругой.

Гюльнара вспомнила, как она первый раз пришла в дом Явдата. В небольшой, чисто прибранной квартире ее приветливо встретил отец Явдата, Ягафар-агай, невысокого роста, с черными кудрявыми волосами. Он протянул приветственно ей руки, пошел навстречу, улыбаясь, сказал:

— Много слышал я о тебе, доченька, а вот вижу в первый раз. Нет-нет, видел еще тебя маленькой, когда твоего отца хоронили... Проходи.

Гюльнара только в первые минуты чувствовала себя несколько стесненно. Потом освоилась, и ей показалось, что она бывала в этом доме много раз.

Как-то незаметно Ягафар-агай рассказал о своей жизни: рос в детдоме, там же познакомился со своей будущей женой, матерью Явдата — Рахимой-апай... Потом выучился на механика и доволен, что сын тоже полюбил технику... Вскоре с работы пришла Рахима-апай, она тоже обрадовалась гостю, спросила, как живет мама, как она себя чувствует, и стала угощать разными вареньями из ягод своего сада. Когда Ягафар-агай ушел на работу во вторую смену, Явдат часа два показывал свои технические поделки и разные паяльники, конденсаторы, магниты, шурупы, радиосхемы... Он бы, наверно, до утра рассказывал и показывал, если бы не вошла Рахима-апай и не пристыдила сына:

— Думаешь, девочке интересно твои железки смотреть? Явдат покраснел, вытер потный лоб.

— Очень даже интересно, Рахима-апай! — выручила Явдата Гюльнара.

...Ведь все это было совсем недавно, а теперь в их доме беда, а в классе никто не знает, какая это была дружная семья. Гюльнара расспрашивала Явдата, что случилось с Ягафаром-агаем, но она не верит, чтобы он совершил что-нибудь плохое. И мама говорит, что справедливость восторжествует. Почему же товарищи отвернулись от Явдата?

Гюльнара снова заметалась в постели, застонала... Вспомнив, что мама дома, девочка взяла себя в руки, чтобы не беспокоить ее и лишний раз не тревожить. Она поправила подушку, положила голову повыше. Ее взгляд упал на стол возле окна, и ей в глаза бросился огненный букет. Девочка протерла глаза: «Я, наверное, опять брежу! Откуда эти цветы?» Гюльнара вскочила с постели и взяла пылающий букет... Это были обыкновенные кленовые листья.

Но как же они были прекрасны! Девочка прижала букет к лицу и почувствовала запах осени: нежаркого солнца, земли, увядшей травы... «Кто же принес?» — подумала Гюльнара и крикнула:

— Мама! Мама!

— Иду, доченька, иду, — отозвалась Гюльюзум-апай, вбегая в комнату.

— Мама! Смотри, что у меня! Кто у нас был? — кружилась по комнате девочка. — Скажи, мама, кто у нас был?

— Никого не было, доченька. Я только пришла с работы.

— Нет, кто-то приходил!

— Ложись в постель, тебе нельзя так волноваться, тебе покой нужен.

— Смотри, мама, какие цветы! Они похожи на пионы, правда же? Тебе нравятся?

— Какие же это цветы, доченька? Это же обыкновенные листья клена! Очень красивые листочки, яркие, как багряное солнце!

— Нет, мама, это осенние цветы, и принес мне их кто-то из друзей! Скажи, кто был у нас?

— Гюльнара, никого не было, успокойся. У тебя температура, а ты босиком на полу. Немедленно ложись! — наконец уже строго сказала мать.

— Нет, теперь, мамочка, я здорова! — И Гюльнара повисла на шее у матери. — Мне вставать пора, а то завалялась!

Видя, что дочь просто так не уложить в кровать, Гюльюзум-апай взяла букет из кленовых листьев, внимательно стала рассматривать их и задумчиво сказала:

— Они действительно очень красивы, дочь... Отмирают, а все равно дарят людям свою красоту.

На лицо ее упала тень печали.

— Сейчас я лягу, мама, сейчас, — по-своему поняла настроение матери Гюльнара.

— Мне ведь тоже когда-то такой букет подарил...

— Кто? — заинтересовалась Гюльнара.

— Твой отец... Он тогда служил в армии. Уж не помню, почему-то мы поссорились. А я никак не шла на примирение. Отец твой тоже молчит. И тогда я вложила в конверт один вот такой багряный листочек и послала твоему отцу. С каким нетерпением я ждала ответа! Наконец я получила письмо... Твой папа писал, что такого прекрасного послания он никогда не получал. Так мы и помирились. А когда поженились, он подарил мне вот такой же букет...

— А что может означать, мама, такой букет? — спросила Гюльнара, прижав к лицу мамину ладонь.

— Наверное, это означает верную дружбу... Твой букет напомнил мне тот случай,— грустно закончила Гюльюзум-апай.— Береги, дочь, дружбу...

— Ну кто же мог принести мне этот букет? — снова спросила девочка.

— Ума не приложу... А где он лежал?

— Вот здесь, на столе...

— Неужели в форточку забросили? Нет-нет, такого не может быть, высоковато... Да и потом ты бы услышала...

Мать с дочерью подошли к окну и глянули вниз. Обе пришли к выводу, что с улицы никто не мог забросить.

Гюльнара лежала в постели и все думала. Кто же у нее таинственный друг, которого она не знает, а он о ней думает?

Еще три дня тянулись очень и очень медленно, хотя врач разрешил одноклассникам навещать Гюльнару. Ребята рассказывали все школьные новости, приносили домашние задания, но никто не обмолвился об инциденте, происшедшем с Явдатом...

Гюльюзум-апай просила ребят, чтобы те не особенно волновали Гюльнару, так как врач прописал ей полный покой, и совсем не спрашивала, что произошло в тот день, когда дочь пошла на соревнование по волейболу и вернулась очень возбужденной и расстроенной. Врач сказал, что девочка пережила сильное душевное потрясение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Гюльнара помирилась с подругами,
а Явдат пришел в школу в новом костюме*

Когда Гюльнара лежала дома больной, ей казалось, что она никогда не простит девочкам обиды, а может быть, даже перейдет в другую школу. Но как только переступила порог школы, поняла, что здесь ее дом. Как она соскучилась за неделю по своему родному классу, по шуму во время перемен, по запаху мела возле доски...

Первой на школьном дворе Гюльнару встретила Фаниля и сразу же ни с того ни с сего чмокнула ее в щеку.

— Как же без тебя тоскливо было! — воскликнула она, точно они никогда не ссорились.

— Я тоже скучала без вас! — чистосердечно призналась Гюльнара.

— Ребята, беглянку привела! — в дверях класса крикнула Фаниля и потянула, как новенькую, Гюльнару за собой.

И тут же к Гюльнаре бросились девчонки и мальчишки, одни взяли портфель, тормошили ее, точно она очень долго не была с ними, третьи говорили сочувственно:

— Похудела-то как!

— Побледнела!

— Похудеешь, если неделю проваляешься с температурой!

Танзиля обняла Гюльнару за плечи.

— Мы все скучали по тебе, честное слово! Хоть у кого спроси!

— Верно она говорит, без тебя было скучно! — поддержала Сакина.

И тут чуть все не испортила Фаниля.

— Все мы виноваты перед тобой, — сказала Фаниля. — И я тоже виновата перед тобой, погорячилась тогда, обиделась... А тут еще Сакина с Расулом...

— Девочки, ну сколько можно вспоминать прошлое? Давайте забудем все и никогда не будем обижать друг друга, — ответила Гюльнара, а сама искала глазами Явдата. Почему его до сих пор нет? Ведь он никогда не опаздывал на уроки.

Гюльнара спросила у Танзили, что с Явдатом. Подруга шепнула, что его нет уже третий день. Ходили к нему домой, но дверь оказалась на замке. Гюльнара встревожилась.

Гюльнара внимательно слушала объяснения учителя. Урок казался ей праздником, и малейшие разговоры соседей мешали ей. Сегодня она не могла понять, как это можно на уроке не слушать, а вертеться и глазеть по сторонам, отвлекать себя, товарищей, заниматься чем-то посторонним. И как ни старалась Гюльнара внимательно слушать учителя, все же она уловила шепот Сакины и заметила, что Сакина старательно писала записки и посылала их по рядам.

— Перестанешь ты наконец или нет? — зашипела Фаниля.

— А что я особенного сделала? — пожала плечиками Сакина и жеманно поправила очки в модной оправе.

— Сама не слушаешь и других отвлекаешь! — сказала Танзиля.

— Никого я не отвлекаю, что видела, то и говорю... А то все ищут его, переживают за него, а он жив и здоров! — довольно громко ответила Сакина.

— О ком она! — спросила Гюльнара соседку.

— Да так, про Явдата...

— Про Явдата?! — повернулась к соседке Гюльнара. — Она его видела?

Теперь уже Гюльнара не слушала учителя, а ждала, когда прозвонит звонок на перемену.

«Почему же она еще до уроков не сказала, что видела Явдата. Странная какая-то эта Сакина! — думала Гюльнара. — Зачем нужно шептаться, писать записки?»

Едва учитель вышел из класса, как ребята окружили Сакину, которая как ни в чем не бывало рылась в своем объемистом портфеле и будто не слышала нетерпеливые вопросы товарищей:

— Ну скажи, где видела?

— О каких милиционерах говоришь?

— Как он попал в милицию?

— Почему ты его не окликнула?

— Могла бы и в милицию зайти, поинтересоваться, за что его забрали! — Это сказал смуглый Райф, который сидел за одной партой с Явдатом.

— О-о-о! Даже молчун Райф заговорил! — деланно удивилась Сакина и наконец вынула из портфеля ярко-красный тренировочный костюм с тремя белыми полосками.

— У-у-у, красотища какая! Где такой достала? — забыв про Явдата, спросила Фаниля.

Сакина рассчитывала на такой эффект. Вон как у капитана команды глаза загорелись!

— Вот бы потренироваться в таком! — мечтательно сказала Фаниля.

Но странно, другие ребята не обратили внимания на красивый костюм и снова стали спрашивать у Сакины подробности встречи с Явдатом. Кто-то предложил даже всем классом пойти в милицию и защитить Явдата. Он никогда не совершит поступок, за который в милицию отводят.

— Нет, тут что-то не то! — сказал убежденно Райф. — Да спрячь ты свои тряпки и расскажи все толком. В какое отделение милиции его повели?

— Почем я знаю! — капризно повела плечами Сакина.

— Значит, врешь! — отрезал Райф и пошел к двери. — Я лучше пойду футбол погоняю во дворе. Сакина соврет — не дорого возьмет!

— Я лгу? Да я видела его, как сейчас тебя... И он меня видел! У него на плече была большая черная сумка, битком набитая. Вот!

— И ты не задала ему ни один вопрос? — уже в дверях спросил Райф.

— Как было спросить его, если рядом шли милиционеры! — с досадой ответила Сакина. Ее задело безучастное от-

ношение Гюльнары к такому важному известию — стояла в сторонке, точно ничего не слышала. А ведь Сакина все это говорила для нее, чтобы Гюльнара поняла наконец, каков этот Явдат, и чтобы не дружила с ним.

— Что за черная сумка, какие вещи? — спросила Танзиля, до этого тоже молчавшая. Она поглядывала на Гюльнару и видела, как та нервничает, слушая Сакину.

— «Какие, какие!» А я почему знаю? Он только на вид тихоня... Вон и отец у него был тихоней!

— Не смей так говорить о Явдате! — подошла к парте Сакины Гюльнара. — Он честный парень! И отец его, Ягафаргай, тоже честный человек!

— Если честный, то за что же тогда его арестовали? А? — плотно сжав тонкие губы, уставилась на Гюльнару Сакина. — Ага, молчишь? То-то же! Сказать-то нечего!

Сакина явно торжествовала. Она видела, что ребята расстряны. Она сегодня все знает и на все имеет свой ответ. Громко переговариваясь, ребята стали расходиться.

— После уроков я пойду к Барью Анваровичу, — сказала Гюльнара Танзиле. — Он обязательно все выяснит и узнает, что с Явдатом случилось.

— Можешь идти куда хочешь. А я собственными глазами видела в его руках черную сумку, битком набитую! — вмешалась в их разговор Сакина. — Провались я сквозь землю, если вру! А то — он «тихоня»! В тихом омуте черти водятся! Вот так-то! — И Сакина неожиданно показала всем язык. Сакина не могла объяснить, почему ее сейчас ужасно раздражала Гюльнара. Ей все время хотелось досадить Гюльнаре.

Второй урок для Гюльнары тянулся медленно-медленно. Уже не верилось, что совсем недавно, перед первым уроком, так хорошо ей было. У всех были такие радостные лица, и каждый хотел сделать ей что-то приятное, будто и не было никакой ссоры. И вот снова Сакина затеяла хитрую игру. Неужели это правда, что она видела, как Явдата вели в милицию? Никак не укладывается в голове, что Явдат мог что-нибудь украсть! Гюльнара хорошо знает его маму, отца, братишку. Нет, такого быть не может! Гюльнара дойдет до самого главного начальника милиции и будет защищать Явдата. Сначала, конечно, надо поговорить с классным руководителем, а потом идти выручать Явдата.

В этот день третьим был урок географии. Учительница поздоровалась и, увидев Гюльнару, улыбнулась, расспросила, как она себя чувствует, как справляется с уроками, не тяжело ли догонять будет. Гюльнара только начала отвечать, как от-

крылась дверь, и на пороге класса появился сияющий Явдат. Гюльнара даже поперхнулась и уставилась на Явдата, который был в новеньком темно-синем костюме. Школьный костюм очень шел Явдату, и он в нем выглядел повзрослевшим.

— Проходи, проходи, Явдат! — как ни в чем не бывало сказала учительница. — Садись за свою парту.

Весь класс сначала удивленно смотрел на Явдата, который, улыбаясь, шел к своей парте, потом ребята, как по команде, устремили взгляды на растерянную Сакину.

— Успокойтесь, ребята, на перемене Явдат вам все расскажет... — проходя между партами, сказала учительница.

«Значит, Сакина наврала, — решила Гюльнара. — А как ему новый костюм идет!»

Едва прозвенел звонок с урока, ребята окружили Явдата и стали расспрашивать, что с ним случилось. Только одна Сакина осталась за своей партой.

— Значит, выпустили?

— Где такой костюм отхватил?

— За что тебя водили в милицию?

— Где же пропадал эти дни? — перебивая друг друга, спрашивали ребята.

— Гюльнара, ты давно ходишь в школу? — здороваясь с девочкой, спросил Явдат и так радостно посмотрел на нее, что та смутилась и опустила глаза.

— Первый день... А вот ты почему не ходил в школу? — спросила в свою очередь Гюльнара.

— Расскажу как-нибудь, — отмахнулся Явдат. Он смутился, заметив, как ребята разглядывают его обновку.

— Расскажи-ка лучше, почему попал в милицию? — строго спросила Фаниля.

— А то, может быть, придется с тобой и на совете отряда поговорить, — дополнила Танзиля.

— Странная ты, Танзиля, — заметил Раиф. — Тебе бы сразу предупредить, поругать...

— Я же не говорю, что ругать... Может быть, посоветоваться, чем-то помочь...

— Откуда вы знаете, что я был в милиции? — по-прежнему улыбаясь, спросил Явдат.

— Ага! Я что вам говорила! — Сакина вскочила с места. — А то он «честный», а я «вруха»! Теперь-то что скажете? — Сакина торжествовала победу.

И снова посыпались вопросы Явдату:

— Толком скажи, был в милиции или нет?

— Тебя Сакина видела?

— Какие ты нес вещи?

— Хорошо, сейчас все расскажу толком,— начал Явдат.— Только не пойму, почему вас всех это волнует? Я в милиции бывал, и не раз...

— Слышите, сам, сам подтверждает! Не верили! Не верили! — снова подхватила Сакина.

— Ты видел Сакину? — спросил Раиф.

— Нет, а в чем дело? Сакина, ты что, тоже была в милиции? — обратился к девочке Явдат.

— Чего я там не видела! — заносчиво ответила Сакина.

— Раз ты там не была, как же я мог увидеть тебя! — развел руками Явдат.

— Я шла неподалеку от вас... Меня, наверное, милиционеры заслонили, вот ты и не видел,— теперь уже совсем уверенно сказала Сакина.

В классе наступила тишина.

— Может, и так, не знаю... — пожал плечами Явдат.— А, собственно, в чем дело?

Никто не хотел повторить то, что говорила Сакина.

Гюльнара больше не могла выслушивать непонятные, запутанные объяснения Явдата, за которого она так была уверена! Девочка незаметно взяла портфель и покинула класс. Она было направилась домой, но передумала и решила пройти по скверу, густо обсаженному кустарником. «Как же ты мог так поступить? Я-то верила до конца в тебя!» — чуть не плакала Гюльнара.

Гюльнара зашла в тихий уголок сквера, вынула из портфеля приемник, подаренный Явдатом, посмотрела на него и швырнула в кусты.

Выйдя из сквера, она столкнулась с Явдатом.

— Вот ты где! А я уже успел сбежать к тебе домой. Гюльюзум-апай сказала, что ты еще не приходила... Я и побежал тебя искать. Мне нужно тебе столько рассказать! — Парнишка был такой счастливый, что не сразу обратил внимание на огорченное лицо Гюльнары.

— Ничего мне рассказывать не надо! — оборвала девочка Явдата.— Я-то, дуреха, верила... Не ходи за мной... — И тут она увидела в руках мальчика несколько ярких кленовых листьев.

— Скажи толком, что случилось? Опять кто-то обидел?

— Я не хочу видеть тебя! — девочка расплакалась и побежала.

Явдат растерянно смотрел ей вслед, пытаясь понять поведение Гюльнары. Потом быстро зашагал обратно в школу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Явдат выясняет отношения с Расулом

Если дела начинают идти плохо, то обязательно неприятность за неприятностью так и следуют. Почему так случается в жизни, Явдат не мог объяснить. Еще совсем недавно, казалось, не было на свете мальчишки счастливее, чем он. Может, это было и не так, но сам-то Явдат знал, что он был счастлив. Его новый друг Самат здраво смотрит на подобные явления — мол, что поделаешь, если жизнь преподносит такие испытания. И приводит пример из своей спортивной жизни.

— У нас иногда в состязаниях проигрывают самые сильные спортсмены самым слабым... Вот незадача где! Все знают, что слабенький проиграет, но глядишь, слабак набирает очки и выигрывает. А у тебя, Явдат, видишь, пошла полоса неудач. Тут выдержать надо, устоять, духом не пасть...— серьезно говорил он, пытаясь успокоить друга.

— Я стараюсь, Самат, однако тяжело,— соглашался Явдат с мудрым советом друга.

Вот сейчас, торопливо шагая в школу, он припомнил слова Самата, который крепко поддержал его и советом, и помог устроиться носить газеты. И вообще он оказался настоящим другом.

Явдат надеялся застать в школе кого-нибудь из одноклассников и выяснить, что там наболтала Сакина. Да и надо было рассказать ребятам, где он пропал три дня.

Так уж заведено у них в школе: стоит примерно ученику хоть раз пропустить уроки, как об этом начинают всюду вспоминать — и на педсоветах, и на советах отряда. Будто бы отличник, дисциплинированный ученик не такой, как все ребята, будто бы он не может заболеть или отлучиться по экстренным делам. Вот, скажем, как у него, у Явдата, получилось.

В воскресенье, например, они втроем — мама, братишка и он — навестили отца. Нет, не в тюрьме. Он еще не осужден, это злые сплетни. Пока же отец находится под следствием.

Отец очень обрадовался, когда они пришли. Мама плакала, а он успокаивал ее, говоря, что все будет хорошо, что справедливость восторжествует, а те, кто написал на него напраслину, чтобы спрятать свои грехи, получат по заслугам. Так что скоро все они опять будут вместе...

Как ни торопился Явдат в школу, однако никого не застал. Опять все складывалось плохо: сразу он не рассказал толком ребятам, почему три дня не был в школе, как оказался в ми-

лиции. А теперь думай-гадай, что наговорила о нем Сакина. И главное, он сейчас не понимал, отчего Гюльнара не заходила с ним разговаривать. Ведь они так давно не виделись! «Что же все-таки произошло в классе перед моим приходом? — раздумывал Явдат. — Почему ребята дотошно расспрашивали меня о милиции?» И Явдат припоминал, что он делал в эти прошедшие три дня.

...От отца они вернулись в добром настроении. Особенно радостной была мама. Тогда же он сказал ей, что был на почте и оформился разносить по утрам газеты и журналы. И что в этом ему помог Самат, с которым он недавно познакомился. Мама почему-то заплакала, но согласилась, чтобы он разносил газеты.

В первый день газеты разносили втроем — тетя-почтальонша, Самат и он. Явдат увидел, как сортируют газеты, ему объяснили, с какого дома лучше и быстрее всего начинать разноску почты... И еще его предупредили, что надо быть внимательным. Явдату очень нравилось, что тетя-почтальонша рассказывала о письмах, как о живых существах. И действительно так это и было. Когда они приносили письма или бандероли в квартиры, им обязательно говорили «спасибо», приглашали попить чай, предлагали посидеть, отдохнуть. Тетя-почтальонша знакомила Явдату с хозяевами квартир: «Теперь он будет вас обслуживать по утрам. Явдат парень грудолюбивый, хорошо учится, честный...» Мальчику приятно было слышать такие слова о себе. «Мы рады, что у нас такой аккуратный почтальон!» — серьезно отвечали взрослые и пожимали Явдату руку. Самат в таких случаях стоял рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу. Хозяева квартир обращались к нему «мальчик», хотя он на полголовы был выше Явдаты.

Освоив это нехитрое дело, Явдат на следующий день рано утром пошел один разносить газеты. Получилось все хорошо: всем хватило газет, никто не пожаловался, и Явдат успевал явиться в школу без опоздания. Но когда он вернулся на почту, положил на свое место объемистую кирзовую сумку и хотел уже бежать домой, его вызвала к себе заведующая.

— Ну как дела, Ибрагимов? — спросила она. — Газет всем хватило? Ничего не напутал?

— Нет...

— Вот и молодец. А у меня, Ибрагимов, к тебе есть просьба. Твоя напарница неожиданно приболела, только что из дому позвонили. Сам понимаешь, участок остался без доставки. Не сможешь ли ты денька три поработать вместо нее? Если что, мы можем...

— Я сейчас только сбегаю в школу,— перебил ее Явдат,— и отпрошусь у классного руководителя. Я думаю, он разрешит, я тотчас вернусь.

И Явдат пулей вылетел из кабинета.

Барый Анварович внимательно выслушал ученика и сказал:

— Матери помогать надо, дело хорошее, но не в ущерб школьным занятиям, понял? Три дня разрешаю поработать. Да смотри не запусти уроки! — строго закончил он.

Так Явдат три дня проработал на почте. Ему приходилось носить письма, открытки, бандероли не только частным лицам, но и в различные учреждения, и в милицию. Наверное, однажды, когда он разносил почту, его и видела Сакина. А милиционеры уже знали Явдата и приветствовали как давнего знакомого.

В эти дни Явдату хорошо помогал Самат. Нет, что ни говори, а Самат — настоящий друг! Вдвоем они быстро разносили почту по квартирам, учреждениям, предприятиям... Их везде встречали радушно и часто говорили им: «Молодцы!» И что заметил Явдат, их нигде не называли мальчишками, пацанами. К ним обращались, как к равным, с уважением, и это было очень приятно.

Самат рассказывал Явдату о своей школе и даже привел в свою школу, показал спортзалы, где шли тренировки. Самату очень хотелось увлечь Явдата спортом, но Явдат отнекивался.

— Нет у меня никаких данных — ни роста, ни силы,— говорил он Самату.

— Да мы найдем такой вид спорта, для которого таких, как ты, тренеры ищут по всему городу! — настаивал на своем Самат.

И добился своего. Он уговорил Явдата посмотреть, как занимаются в секции бокса. В зале висели кожаные груши, тяжеленные мешки, стояли возле стен небольшие штанги... Занимались боксом ребята даже меньше и слабее Явдата. Ему особенно понравился малыш, который быстро и ловко колотил по «груше».

— Ну, дает! — восхитился Явдат.

— На то он и чемпион города в своем весе,— ответил Самат.

— Он чемпион? — удивился Явдат, не веря услышанному.

— Представь себе, чемпион!

— Если бы я занимался, получился бы из меня боксер? — серьезно спросил Явдат у друга.

— Конечно! Я видел, как ты легко бегаешь по этажам с тяжелой сумкой, полной газет! Значит, у тебя и ноги сильные, и сердце крепкое,— авторитетно заверил Самат.

И Явдат стал ходить на секцию бокса. В первые дни побаливали мускулы плеч, спины, рук, но постепенно боли стали проходить.

Когда напарница Явдата вышла на работу, его снова звала заведующая, поблагодарила за огромную помощь, так и сказала — «за огромную помощь». Еще она сказала: «Ты, Ибрагимов, не подвел наш коллектив. Тебя хвалили даже в отделении милиции. Очень аккуратно, говорили, парень доставляет документы. Об этом мы известим твоих родителей».

Явдат получил свой первый заработок в жизни — восемнадцать рублей, тридцать семь копеек. Таких больших денег Явдат никогда не держал в руках.

Дома было заранее решено, что Явдат купит себе школьный костюм на свою получку. Продавщица долго подбирала ему костюм, Явдат даже вспотел. Но зато, когда надел его, то не узнал себя. Из зеркала на него смотрел совсем другой Явдат. Это был, конечно, он, но чуть посolidней и, пожалуй, значительно красивей и уверенней в себе. Продавщица хорошо сложила его старую одежку в сумку и сказала, чтобы он шел в обновке.

Явдат покраснел и, сказав «спасибо», побежал домой и отсюда — в школу.

Явдат неторопливо возвращался домой. Сейчас он зайдет в ближайший магазин возле кинотеатра и купит для магнитных часов две детали. И снова у него повеселело на душе — наконец-то он подарит Самату часы! Явдат сделал покупку и теперь прямо направился домой. Оставшиеся деньги он отдаст матери.

Возле кинотеатра Явдат повстречал Расула, того самого Расула из шестого «Б», который на волейбольной площадке затеял неразбериху, а затем остался в стороне. В тот раз он наболтал девчонкам, что водил Явдата в кино за свои деньги. Вот и выпал случай рассчитаться с долгом, тем более при свидетелях — возле Расула были его два приятеля.

— Ух, какой ты нарядный,— насмешливо проговорил Расул.—Костюм-то какой, с ума можно сойти! Вы только посмотрите на него!

— Уж какой есть! — ответил Явдат. Он заметил, как дружки Расула, улыбаясь, подтолкнули Расула вперед, вроде мол, иди, не дрейфь!

Расул вразвалочку, лениво подошел к Явдату.

— Ишь как расчирикался наш очкарик! — небрежно бросил Расул.

— Я слышал, что ты сон потерял из-за тридцати копеек...

— Каких еще тридцати копеек? — подбоченился Расул, не теряя ухмылку.

— Ну, тех, которые ты заплатил за билет в кино.

— А-а-а! Почему же потерял?

— Так вот возьми их и больше не трепись! Думаешь, я не понимаю, почему ты так меня уговаривал? Тебе же была нужна моя помощь по математике, а не потому, что ты хотел со мной идти. Словом, чего зря говорить, бери долг!

— У-у-у! Деньги у очкарика появились? Где же это ты их добыл? — кривлялся Расул. — Не фальшивые ли они?

— Ты сам фальшивый! При девчонках о своей щедрости заговорил. Подробно рассказал, как меня в кино водил, эх ты!

— Понятно, значит, Гюльнара передала тебе!

— Опять по себе судишь, Расул. Она же не такая болтливая, как ты!

— Что ты сказал? — подступил к Явдату Расул и грозно посмотрел с высоты своего роста на неказистую фигурку противника.

— А то, что слышал! — смело ответил Явдат.

— Да я сейчас из тебя знаешь что сделаю? Да я... Да я плевал на твою Гюльнару! Нужно мне шибко перед этой отличницей хвастаться!

— Возьми свои слова обратно! Или я...

— Что ты тогда?

Расул размахнулся, ударил, а сам едва не упал. Его длинная рука просвистела над головой Явдата. Хлопая широко открытыми глазами, Расул не мог понять, что же случилось, как он мог промахнуться? Явдат стоял как ни в чем не бывало, и в его черных глазах Расул увидел решительность.

— Ну что, жердина, ударил?

— Не ударил — так ударю! — снова размахнулся Расул.

На этот раз он не успел отвести руку назад, как Явдат пригнулся, принял боксерскую стойку, как его учили в секции, и его маленький кулачок, словно железная гирилка, ударил Расула, и тот мягко, как на ватных ногах, присел и, ничего не понимая, посмотрел снизу вверх на Явдата.

— Получил за Гюльнару? — теперь сверху смотрел на поверженного Расула Явдат. — Еще будешь ее дразнить или уже и желание пропало?

— Очкарик, Явдат... Ты чем это меня стукнул? — уже совсем другим тоном спросил Расул.

Приятели Расула кинулись было на помощь, но, увидев, как Явдат помог Расулу подняться и они о чем-то стали мирно беседовать, решили не вмешиваться.

— Кулаком я тебя... Давай поднимайся... Это называется «прямой в челюсть».

— Понятно...

— Запомни, если еще раз скажешь плохое про Гюльнару...

— Зачем же я... Теперь понятно... — покорно согласился Расул и повернул к приятелям.

— Этот малыш тебя ударил, что ли? — спросили приятели Расула.

— Не-е-т, он показал боксерский прием... Он чемпион города. Мы с ним в одной школе учимся.

— И не подумаешь, что он боксер, — с уважением поглядывая вслед удаляющемуся Явдату, сказал один из мальчишек.

— Вот так и нарваться можно на «прямой», — сказал другой.

— Можно, конечно, но лучше не надо... Он и учится хорошо! — гордо сказал Расул. — Мы с ним дружим...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*О том, как расспрашивали Явдату и
как Танзиля удивила класс*

Прозвенел звонок на урок, Барый Анварович задерживался, что совсем на него было не похоже. Шестой «А» гудел как улей. И тут Раиф громко спросил:

— А что, сегодня Явдата опять не будет?

— Наверно, опять в милицию забрали! — с усмешкой сказала Сакина.

— Вчера выпустили, а сегодня забрали? — спросил Раиф. — Интересно, что же теперь он натворил?!

— Ясно что: яблоко от яблони... — язвительно сказала Сакина.

— Не смей так говорить о нем! — оборвала Сакину Танзиля. — Почему ты такая злая?

— Я его маму и папу знаю. Не смей так говорить! — подержала подругу Гюльнара.

— А куда же он тогда делся? Три дня где-то пропадал, потом появился в новом костюме и вот, пожалуйста, опять исчез, — не унималась Сакина.

— Я гляжу, Сакина, что ты и впрямь хочешь, чтоб Явдата забрали в милицию,— сказал Раиф.

— Ничего я не хочу. А чего же он вчера тогда толком ничего про милицию не объяснил?

— Такой новенький костюмчик в милиции не дают! — улыбаясь, сказала Танзиля.

Раиф, который выглянул в коридор, вдруг шмыгнул обратно в класс и крикнул:

— Тихо, учитель идет, с ним Явдат и Расул из шестого «Б»...

Едва ребята усадились за парты, как в дверях появился хмурый Барый Анварович, за ним Расул, замыкал шествие Явдат. И как ни странно, Явдат чувствовал себя спокойно. Класс замер, не зная причину появления столь необычной делегации.

— Здравствуйте, дети! — поздоровался учитель.

Ребята дружно ответили на приветствие.

— Садитесь...

— Смотрите-ка, какой фонарь у Расула под глазом! — тихо сказал Раиф, но его слышали все. В классе раздались смешки.

— Кто его так отделал?

— Наверное, такой же, как он сам...

— Прекратите разговоры,— сказал классный руководитель.— Как же так получается, ребята, лучший ученик дерется на улице? Я б никогда не поверил, если бы мне это сказали. Наш Явдат — примерный, дисциплинированный ученик...

— Неужели его так разукрасил наш очкарик? — изумился кто-то.

— Вот это Явдат!

— Никогда не поверю! — зашушукались ребята и чуть ли не пальцем тыкали в сторону Расула, который стоял красный и не знал, куда девать от стыда глаза. Неужели он, гроза всех шестиклассников, вдруг пришел жаловаться на Явдата?

— Мне бы хотелось выяснить при всем классе, что произошло между Явдатом и Расулом,— сказал Барый Анварович.— Почему они подрались? Кто виноват?

Расул опустил голову, ссутулился, боясь, что сейчас Явдат расскажет, как все произошло, и тогда хоть беги из школы. Ведь никто не знает, Расул даже себе не признается, что он всегда старался угодить Гюльнаре, и вдруг у него вырвались такие грубые слова, что Явдат не стерпел...

— Явдат, я жду твоих объяснений,— сказал учитель.— Или ты решил отмолчаться?

— Хорошо, я скажу,— поборов волнение, начал Явдат.

— Мы хотим слышать правду.

— Я скажу правду...

Все заметили, как при последних словах Явдата Расул побледнел и бросил на него умоляющий взгляд.

— Во всем виноват я... Извини меня, Расул...

Переждав минуту-другую, пока ребята успокоятся, классный руководитель прошелся между рядами. Остановился возле парты Гюльнары.

— Что-то, друзья мои, в последнее время мы стали хуже относиться друг к другу... Или за лето вы совсем отвыкли друг от друга, что-то с вами происходит. Тут вот Сакина говорила о том, что видела, как Явдата вели в милицию. Да, Явдат, ваш товарищ шел в милицию, но его не вели туда. В этом большая разница. Вам, ребята, надо знать, что Явдат по утрам разносит газеты, потому что хочет помочь семье... А три дня он работал, заменяя заболевшего почтальона. Видно, Явдат ничего не успел или не пожелал рассказать вам. А носит он корреспонденцию не только по домам, но и в учреждения, на предприятия и даже в милицию. Должен сказать, что из отделения связи нам позвонили и поблагодарили школу, которая воспитала такого ученика. Поняли теперь, как все не просто в жизни. И обнова, оказывается, достается подчас не сама собой... Вот только с этой дракой я никак не пойму...

— Можно о драке не спрашивать, Барый Анварович?— попросил Явдат.

— Можно, конечно, Явдат, но я думаю, что ты неспроста ударил Расула...

Гюльнаре казалось — учитель обращался к ней одной, ей объяснял поведение Явдата и защищал его. Девочка покраснела и зачем-то полезла в портфель. Ей было стыдно оттого, что она плохо подумала о Явдате и выбросила его подарок. Как могла она сразу же поверить болтушке Сакине, которая всегда говорит невесть что! Что же она ответит Явдату, если он спросит, где его транзистор? «Потеряла?.. Утащили?.. Подмала?..»

Барый Анварович тем временем продолжал:

— Давно уже мы с вами собирались написать сочинение на тему о дружбе. Каждый из вас напишет, как он представляет себе дружбу. Подумайте хорошенько и напишите. Даю вам неделю срока. Надеюсь, времени достаточно для домашнего сочинения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*О том, как писали сочинение и
как незнакомый мальчик принес в класс новость*

Прошло несколько дней. После уроков Явдат отправился в библиотеку сдать книгу о юном партизани. Он долго толкался возле библиотеки, а библиотекаря все не было. Он мог бы, конечно, сдать книгу и завтра, но библиотекарь предупредила его, что давно пора вернуть книгу, ее ждут другие ребята.

В конце коридора мальчик увидел Гюльнару и Танзилю. Девочки, оживленно разговаривая, приближались к нему. Подойдя к Явдату, девочки примолкли. Гюльнара вспыхнула, покраснела и, стараясь казаться равнодушной, спросила:

— Ты кого здесь ждешь? Ведь библиотека закрыта.

Нелегко было ей первой заговорить. Явдат был так обрадован, что расплылся в улыбке, снял очки, протер стекла.

— Вот книгу надо вернуть, а больше ждать я не могу... Меня просили на почте сегодня помочь им... Может быть, ты сдашь за меня, а?

Позже Гюльнара и сама не могла объяснить, что на нее накатило. Вместо того чтобы взять книгу и ответить спокойно, она вдруг оборвала Явдата:

— Вот еще что придумал!

Явдат настолько растерялся, услышав такой ответ, что, ни слова не говоря, пошел прочь.

— Эх ты, друг называется! — упрекнула Гюльнару Танзиля.

Она побежала за Явдатом:

— Давай книгу, я сама сдам...

— Спасибо, — ответил Явдат и с благодарностью посмотрел на девочку.

Явдат ушел, а Танзиля вернулась к Гюльнаре.

— Что с тобой? Как тебе не стыдно? — говорила Танзиля. — Сама подошла к нему первая, сама же и нагрубила. Я просто не узнаю тебя. Неужели не видишь, как ему сейчас трудно...

Гюльнара понимала, что обидела Явдата, но не могла побороть себя, не хотела признать правоту слов Танзили.

— Я вижу и другое: Явдат тебе нравится и ты хочешь с ним дружить...

Теперь Танзиля растерянно молчала. Что случилось с подружкой? Ссориться не хотелось, но было любопытно понять причину такого капризного поведения подруги. Танзиля спокойно ответила:

— А почему же с ним не дружить? Он хороший товарищ...
— Хи! — отмахнулась Гюльнара.
— Эх ты! — Танзиля остановилась и с упреком посмотрела на подругу. — Он ведь дрался из-за тебя...

— Из-за меня? Этого только не хватало!

— Твою честь отстаивал! Не побоялся, что Расул сильнее и выше.

— Ты же сама слышала, как Явдат просил извинения у Расула, — недоуменно ответила Гюльнара.

— Верно, он извинился... Не мог же он при всех сказать, что дрался из-за тебя.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво посмотрела на подругу Гюльнара.

— От Ибра́я, дружка Расула. Он видел драку и слышал, что сказал Расул о тебе. А Явдат за это ударил его...

— Почему же он мне об этом ничего не сказал? — В голосе Гюльнары послышалось отчаяние.

— Для чего? Явдат не болтун и хвастать не станет. В общем, я тебе все сказала. Может, и мне нужно было молчать, да ладно, теперь уж все равно. — Девочка круто повернулась и пошла прочь.

— Танзиля! Ты же собиралась ко мне зайти... — растерянно позвала подругу Гюльнара.

— Теперь передумала... — бросила через плечо Танзиля.

«Что же со мной происходит? — спрашивала себя Гюльнара, глядя вслед удаляющейся подруге. — Явдат ударил Расула, защищая мое доброе имя, а я подумала о нем плохо...» Она побежала в сквер, к тем кустам, в которые швырнула приемник Явдата. Гюльнара обшарила все кусты, но приемника нигде не было. Конечно, как он мог остаться незамеченным, если целыми днями там бегают мальчишки, шныряя по кустам...

В расстроенных чувствах возвращалась Гюльнара домой. Единственное, что сейчас ее могло отвлечь от переживаний, это работа над домашним сочинением.

Вечером Гюльюзум-апай спросила дочь, чем она так озабочена, не заболела ли снова.

— Нет, я здорова. Задали домашнее сочинение, вот я и обдумываю план, — отозвалась дочь.

— Но на тебе лица нет.

— Нет-нет, мама, я чувствую себя хорошо...

— А какая тема сочинения?

— О дружбе...

— Интересная тема.

После ужина Гюльнара села за стол, вынула тетрадь. Из головы ее не выходили слова Танзили: «Он защищал тебя!» Гюльнара бросила взгляд на кленовые листья, которые пламенили в вазе. «Такой же кленовый лист мама послала отцу в знак дружбы... Вот я и напишу о кленовых листьях»,— решила Гюльнара. И в какой уже раз подумала о том, как таинственно этот букет из кленовых листьев попал к ней в комнату. Она подошла к окну и еще раз убедилась, что с земли никак не забросить их.

В сочинении Гюльнара написала о том, что яркие осенние кленовые листья стали для нее символом крепкой дружбы. Она рассказала о том, как порадовал ее осенний букет, как нечаянный подарок помог ей скорее выздороветь. Только вот жаль, она не знает, кто же этот таинственный друг.

Свое сочинение Гюльнара прочитала матери.. Та внимательно выслушала ее и потом похвалила:

— Хорошо написала. Было бы еще лучше, если бы ты знала, кто же принес тебе кленовые листья? Нужно очень уважать тебя, чтобы вот так незаметно подбросить такой букет.— И тут она подошла к окну, выглянула, внимательно посмотрела по сторонам и вслух высказала свое предположение:— А не мог ли, доченька, этот таинственный твой друг подобраться к окну по водосточной трубе?

— Надо быть ловким, чтобы подняться на такую высоту!— ответила Гюльнара.

— Ради дружбы многое можно сделать. Дружба, доченька, силу имеет необыкновенную...— И она улыбнулась.

В школу Гюльнара пришла в хорошем настроении и раньше обычного. Она всюду искала Явдата: в коридоре, на улице, на спортивной площадке, в других классах, но его нигде не было. Девочка хотела поговорить с ним, ей многое нужно было рассказать Явдату. «Неужели за драку с Расулом его вызвали к директору?»— перепугалась Гюльнара.

Первым уроком была литература, и ребята уже собрались в классе, рассказывали друг другу, кто о чем написал и кто как понимает дружбу. Все притихли, когда в дверях появился незнакомый мальчик в футболке с эмблемой олимпийского медвежонка на груди. Он огляделся и громко спросил:

— Это шестой «Б»? Здесь учится Явдат Ибрагимов?

— Здесь,— ответил Раиф.— Он сидит со мной рядом. Но сегодня его нету.

— Его и завтра не будет. И послезавтра.— Мальчик с какой-то непонятной усмешкой оглядел всех ребят подряд. Весь класс недоуменно смотрел на незнакомца.

— Это что за олимпийский медведь к нам пожаловал?— не растерялась лишь острая на язык Фаниля.

— Меня зовут Самат,— спокойно представился мальчик.— К медведям никакого отношения не имею.

— Да? А что тебе, собственно, здесь нужно? — не думала сдаваться Фаниля.— Пришел в чужой класс да еще дерзит. Смори, не то быстро вылетишь отсюда.

— Такая славная девочка, а колючая, как еж.

Фанилю никто еще не называл «славной», а все больше «сорвиголовой», «вылитым мальчишкой». Слова незнакомца ей так понравились, что она пропустила мимо ушей сравнение с колючим ежом.

— Ладно уж, выкладывай, зачем пришел,— сказала Фаниля примирительно.— А то сейчас урок начнется.

— Литература, да? Мне как раз Барый Анварович нужен.

— Ты мог подождать его в коридоре.

— Да, но мне хотелось взглянуть вам в глаза...

Самат не успел закончить — дверь открылась, и на пороге появился Барый Анварович. Заметив незнакомого мальчика, учитель удивленно остановился.

— Здравствуйте, Барый Анварович,— шагнул к нему Самат.— Я к вам от Явдата...

— От Явдата? Ничего не пойму...— Учитель поглядел на пустующее место рядом с Раифом, потом перевел взгляд на Самата.— Вы, может быть, объясните нам, молодой человек, что случилось с Ибрагимовым?

— Здесь все сказано.— Самат протянул Барыю Анваровичу ученическую тетрадь.

— Сплошные загадки,— сказал учитель, разглядывая тетрадь.— Ладно, посмотрим, что за послание вы принесли. Присаживайтесь, молодой человек.

Самат прошел и сел на место Явдата. Учитель встал у стола. В классе воцарилась напряженная тишина.

Открыв первую страницу тетради, Барый Анварович пробежал глазами несколько строчек, и лицо его помрачнело.

— М-да,— поправил учитель очки,— что ж, ребята, слушайте, что нам пишет наш бывший товарищ.

Выждав, пока утихнут удивленный шепоток, Барый Анварович начал читать:

— «Дорогой Барый Анварович! Дорогие ребята! Пусть вас не удивляет, что сочинение свое я передал через знакомого мальчика. Мне самому было бы очень больно опять появиться в школе, где я проучился столько лет и не приобрел ни одного друга, ни одного товарища. Поэтому я решил бросить

эту школу и перейти в другую, где у меня уже появились друзья. Один из них — Самат, мальчик, который передаст вам эту тетрадь. В сочинении я попытался честно разобраться как в своих ошибках и недостатках, так и в недостатках одноклассников, с которыми мы никак не могли подружиться...»

— Это он из-за тебя... — шепнула Танзиля Гюльнаре, не в силах удержать набежавшие на глаза слезы.

— Из-за меня? — растерялась Гюльнаре. — Что я ему такого сделала? В уходе Явдата из школы я, наверное, не больше виновата, чем все остальные...

— Ну, так давайте прочитаем сочинение Ибрагимова, посмотрим, почему мы потеряли товарища...

Барыя Анваровича прервал нетерпеливый стук в дверь. Не успел он ответить, как дверь широко распахнулась, и в класс поспешно вошла взволнованная учительница географии. В руке она держала газету.

— Простите, Барый Анварович, что прервала урок... — сказала учительница. — Я с добрыми вестями — простительно. Тут в газете статья напечатана... Отец Ибрагимова Явдата помог разоблачить опасную шайку жуликов. Сам из-под стражи освобожден...

— Здесь у нас некого обрадовать, Сания Махмудовна. Ушел от нас Явдат Ибрагимов, — печально сообщил Барый Анварович.

— Как ушел? Куда ушел?

— Он перешел учиться в другую школу, где, оказывается, возможно найти себе друзей.

— Вот как... — растерянно прижала руки к груди учительница географии.

— Сания Махмудовна, дайте, пожалуйста, газету мне, я отнесу ее Явдату, — поднялся с места Самат. — Вот он обрадуется-то, что справедливость восторжествовала!

В этот день ребята долго не расходились после уроков. Всем было грустно, что Явдат оставил их школу. Каждый чувствовал за собой какую-то вину перед ним. Вспоминали, что он никогда никому не отказывал в помощи, всегда старался всем сделать только хорошее. Был примерным, старательным учеником. Не зря же его так любили учителя. Вон как Барый Анварович расстроился, когда узнал, что Явдат перешел учиться в другую школу.

— Знаете что, ребята, давайте сегодня всем классом встретим Явдата, — вдруг предложила Танзиля.

— Ну, встретим, а дальше что? — уныло протянул Раиф.

— Встретим, поговорим... С освобождением отца поздравим, мало ли что... Вдруг да уговорим его не бросать родную школу?..

Гюльнара тихо держалась в сторонке. В общем разговоре она не участвовала, считая себя чуть ли не главной виновницей ухода Явдата из школы. «Это он из-за тебя!..» — все еще звучал в ушах укоризненный голос Танзили. «Если бы я взяла тогда книгу у Явдата, то он, может, и не ушел бы», — думала Гюльнара. Она не была уверена, что Явдат поднялся по водосточной трубе до третьего этажа и подбросил ей чудесный букет из кленовых листьев, но в душе ее таилась надежда, что это сделал именно он. Предложение Танзили встретить Явдата очень понравилось Гюльнаре. «А вдруг не все еще потеряно? Вдруг Явдат простит нас всех и вернется в школу?» Мысли девочки прервала Сакина, которая сказала:

— Хорошо, встретим его, а он нам скажет: «Раньше за человека не принимали, а теперь просите вернуться. Нет уж, не нужны вы мне такие!»

— Нет, он никогда так не скажет, — твердо сказала Гюльнара. — Вы не знаете, Явдат не такой.

— Как ты можешь за него ручаться? — удивилась Сакина.

— Мы все ручаемся за него, — поддержала Гюльнару Танзиля.

— Теперь-то уж не должны мы вести себя, как те рак, щука и лебедь! — горячо выпалил вдруг Раиф, который в спорах всегда отмалчивался. — После того, как Самат по-настоящему пристыдил нас. Он протянул Явдату руку дружбы в самые тяжелые минуты его жизни. Вот из кого вышел бы настоящий партизанский разведчик!

— Хватит рассуждать, пойдемте лучше встретим Явдата. Он должен возвращаться домой мимо нашей школы, — сказала Танзиля и вышла из класса...

Ребята издали заметили Явдата и Самата, которые шли и весело о чем-то разговаривали. Явдат заметил бывших своих одноклассников, когда почти поравнялся с ними. Явдат остановился, точно перед ним выросла невидимая стена, побледнел.

— С хорошей вестью тебя, Явдат, — выступила вперед Факия. — Мы очень рады, что справедливость наконец-то восторжествовала.

— Спасибо, — смутился Явдат, не привыкший к такому вниманию к себе. — Спасибо, ребята.

Гюльнара стояла в сторонке и кусала губы. Она знала, что

при всех должна попросить у Явдата извинения, но никак не могла заставить себя заговорить. Между тем ребята, перебивая друг друга, говорили, что Явдат зря погорячился, бросил родную школу, свой класс, что Барый Анварович очень расстроился, узнав о его уходе, что еще не поздно вернуться...

— Да, я виноват, что не посоветовался с ним...— с горечью признался Явдат.— Он всегда так добр был ко мне... Но изменить свое решение я никак не могу. Нельзя быть как флюгер...

Тут он вдруг увидел Гюльнару, лицо его осветилось доброй улыбкой.

— Здравствуй, Гюльнара...

— Здравствуй, Явдат...

Простые слова. Но как от них легко и радостно стало на душе девочки! Точно в мрачный, пасмурный день неожиданно выглянуло на небе ясное солнышко.

Незаметно для себя ребята гурьбой пошли по направлению дома Явдата. Гюльнара шла рядом с Явдатом и все порывалась что-то ему сказать. Наконец она решилась и тихо шепнула мальчику:

— Явдат, а мы с мамой догадались, кто подбросил мне в комнату кленовый букет...

— Букет? Какой букет? — покраснел Явдат.

— Еще я знаю, за что ты ударил Расула... Ты смелый и сильный человек, Явдат.

— Скажешь тоже — смелый и сильный! Вот Самат — это совсем другое дело.

Порыв ветра сорвал с кленов багряные листья и бросил под ноги ребят. Гюльнаре они показались праздничным фейерверком. И она вспомнила, что еще не все успела рассказать Явдату про поездку в Москву, про себя...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Хакимов.</i> ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ	3
ТАНЕЦ НАД ПРОПАСТЬЮ	5
КЛЕН ОБНОВЛЯЕТ ЛИСТЬЯ	57

Для среднего возраста

Денис Мударисович Буляков

ТАНЕЦ НАД ПРОПАСТЬЮ

ИБ № 8275

Ответственный редактор

Э. О. Умеров

Художественный редактор

Т. М. Токарева

Технический редактор

Г. Г. Рыжкова

Корректоры

И. Б. Котунова и Т. А. Стадольникова

Сдано в набор 04.05.85. Подписано к печати 04.11.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 9,5. Уч.-изд. л. 7,60. Тираж 100 000 экз. Заказ № 373. Цена 45 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Буляков Д. М.

Б90 Танец над пропастью: Повести/Пер. с башкир. Я. Мустафина; Рис. М. Бугай.— М.: Дет. лит., 1985.— 127 с., ил.

В пер.: 45 к.

В книгу вошли две повести молодого писателя о жизни и учебе башкирских школьников.

Б 4803010100—548
М101(03)85 430—85

ББК 84 Баш 7
С Башк

45 коп.

